

Библия, которую читал Иисус filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Библия, которую читал Иисус.
Предисловие.

Прежде всего приношу извинения за то, чего вы не найдете в этой книге. Хотя я пишу здесь о Ветхом Завете, о «Библии, которую читал Иисус», я не чувствую в себе ни склонности, ни права рассуждать о таких проблемах, как авторство и датировка, или погружаться в дебри литературного анализа и анализа жанра. Я читаю Библию как рядовой читатель, вступая во взаимодействие с ее контекстом, стараясь понять изначальный замысел автора. Поскольку сам я зарабатываю на жизнь пером, я порой пытаюсь «заглянуть за кулисы» и угадать, почему автор выбрал определенный образ, создал непривычную метафору или начал свое повествование с этого момента, а не с какого-нибудь другого.

После главы, описывающей Ветхий Завет как целое, я поставил ряд глав, посвященных важнейшим разделам Библии: ее исторической части, пророкам, поэзии и притчам. Почему я выбрал именно эти книги? Освальд Чемберс сказал как-то, что Псалмы учат нас молиться, книга Иова – страдать, Притчи – жить, а Екклесиаст – радоваться жизни. Хотелось бы и мне относиться к чтению Библии с таким же ясным оптимизмом, но, боюсь, мой выбор – книга Иова, Второзаконие, Псалмы, Екклесиаст, пророки – отражает скорее мои сомнения и тревоги, а не надежду, что именно эти книги раскроют мне тайну жизни. Они стали для меня верными спутниками в моем паломничестве. В них я нахожу самого себя. Я пишу о них личностно и субъективно, не подвергая их анализу.

Я начинаю с книги Иова, поскольку уделил в своих работах немало места вопросам, поднятым Иовом. Многие ученые считают книгу Иова древней легендой, запечатленной в Библии, величественной драмой, события которой разыгрались еще до эпохи Авраама. Иов снимает все покровы с взаимоотношений между человеком и Богом – одинокий, нагой человек оказывается лицом к лицу с Господом. В Ветхом Завете часто повторяется одна и та же схема: Бог ограничивает Себя в пользу свободы человека. И тот факт, что книга Иова с ее мощным протестом против несправедливости Бога включена в Библию, усиливает значение этой схемы.

Я выбрал Второзаконие потому, что мне импонирует его интонация меланхолического реализма. Все иудеи спешили как можно скорее перейти реку и войти в Землю обетованную. Но старый мудрый Моисей счел необходимым остановиться и поразмыслить над суровыми уроками, которые его подопечные уже получили, и гораздо более жестокими бедами, с которыми им предстояло вскоре столкнуться. Теперь выражение «перейти Иордан» стало для нас обозначением духовного торжества. Поэтому можно предположить, что мы так и не усвоили основной смысл этой изумительной книги. Другой вариант этой же главы я написал для брошюры, прилагавшейся к мультфильму «Принц Египта». Этот фильм рассказывает историю Моисея и Исхода. В каких-то подробностях я следовал сюжету фильма, расцвечивающего новыми подробностями библейское повествование. Еврейские читатели этой книги были возмущены. Что это за пессимизм, фатализм и даже скрытый антисемитизм в произведении, посвященном великому чуду исхода? Редактор даже написал на полях возле одного из наиболее суровых пассажей: «Это еще откуда?». Мне пришлось объяснить, что все вызывающие протест цитаты заимствованы из Второзакония, книги, которая входит в священную Тору.

Я много лет пытался понять поразительные противоречия, заключенные в псалмах, и пришел к выводу: лучший способ осмыслить их – откровенно признаться в том, что меня волнует и тревожит. Когда я сделал это, Псалтирь превратился в мою самую любимую книгу. В хоре составивших его голосов мы можем различить все интонации, какие только могут возникнуть при общении с Богом.

Каким образом книга Екклесиаста оказалась включенной в Библию? Я давно ломал себе голову над этим вопросом. Особенно в те периоды жизни, когда сам был близок к циничному мировоззрению этого не слишком религиозного автора. Что же касается пророков, то мне с самого детства приходится «приходить в себя» от проповеднического злоупотребления этими таинственными книгами. Теперь я пишу о них, потому что хочу их постичь.

*

С некоторым сожалением я должен отказаться от обсуждения многих трудностей и проблем, с которыми сталкиваются люди, читая Ветхий Завет. К примеру, в Ветхом Завете есть по меньшей мере шестьсот сцен насилия, многие из которых инициированы Самим Господом. Как же нам сочетать это с проповедью ненасилия, исходившей от Иисуса, Сына Божьего? Я готов был оставить все остальные темы и заняться исключительно этой. Однако в таком случае у меня получилась бы совсем другая книга. Я же пишу не ради ученой дискуссии и не ради апологии, а скорее ради более глубокого познания самого себя. К тому же этими проблемами уже немало занимались более опытные исследователи, чем я.

И все же я должен сделать еще два замечания. Во-первых, я считаю Ветхий Завет прежде всего реалистическим произведением. Когда я смотрю драму, подобную «Макбету» или «Королю Лиру», или же такой фильм, как «Крестный отец» или «Спасти рядового Райана», я сталкиваюсь с миром зла, насилия и мести. Страдания трогают меня, потому что я узнаю свой собственный, полный насилия мир – будь то закоулки Чикаго или поля сражений в Европе и Азии.

В школе подростки стреляют друг в друга. Террористы взрывают дома и самолеты. Полицейские избивают людей, закованных в наручники.

Ветхий Завет изображает мир таким, каким он есть, ничего не скрывая. На его страницах вы найдете повести о страстной любви и мести, ужасающие рассказы об изнасиловании и расчленении трупов, хладнокровный отчет о похищении людей и продаже их в рабство, достоверное изображение войны с ее благородными подвигами и подлым предательством. В Ветхом Завете нет ничего скромного и опрятного. Сластолюбцы вроде Соломона и Самсона приобретают сверхъестественный дар, а на долю безукоризненно хорошего человека, Иова, выпадают одни лишь страдания. Сталкиваясь со всеми этими катастрофами, мы можем возмутиться или отвернуться от Бога, Который так или иначе к ним причастен. Но волшебство Ветхого Завета заключается в том, что он допускает любую реакцию. Бог предвосхищает наше недоумение и включает его в Священное Писание.

В книге «дивная благодать» Кэтлин Норрис прекрасно описывает эту проблему:

«Ныне многие люди чувствуют, что в их жизни чего-то недостает. Они испытывают острое желание «чего-то еще», духовного прибежища, общности веры. Но обращаясь к чтению Библии, они в итоге отбрасывают ее от себя. Меня это ободряет. Мне это кажется хорошим исходным пунктом для установления отношений с Богом, открывающимся в Писании. Есть люди, которые отвергают Библию потому, что она во многих отношениях «негативна» – полна ненависти и насилия. Могу лишь надеяться, что на этом же основании люди воспротивятся и «развлекательному насилию» кинофильмов и телевидения, что будут произносить молитву всякий раз, когда берутся за газету или смотрят теленовости. На фоне реальной жизни Библия предстает как нечто удивительно цельное, как верный портрет человечества и его отношений со святым и повседневным. Я никогда не приобрету достаточных познаний в этой области, но мой путь – полагаться на то немногое, что я знаю, и продолжать с верой поиски Бога в Библии».

Во-вторых, я вижу в Ветхом Завете очень медленное, но несомненное движение к благодати. Евреи жили в страшные варварские времена. Их законы, которые кажутся нам столь жестокими, значительно смягчили уложения соседних народов. Евреи установили определенные правила ведения войны, освятили Законом уважение к бедным и заботу об окружающей среде. Они положили предел кровной мести, выделив города-убежища. Изучая времена кровной мести, рабства, полигамии и принудительного брака с вдовой брата, мы должны помнить: Богу приходилось иметь дело с моралью конкретного народа в конкретный период времени. В книгах, дошедших до нас от той эпохи, мы находим зерно – всего лишь зерно – Божьей благодати. «Писания свидетельствуют обо Мне, – говорит Иисус Своим современникам, читателям Торы, и тут же добавляет: – Но вы не пожелали прийти ко Мне и иметь жизнь».

Библия, которую читал Иисус filosoff.org
«Как нянька, пекущаяся о детях, Бог вынужден «лепетать», говоря с нами», –
сказал Жан Кальвин. Очень часто Бог прибегает в Ветхом Завете к лепету.
Говоря со Своим народом на единственно понятном ему языке, Бог постепенно
указывает народу нужное направление. Он становится на сторону угнетенных и
обещает приход Страдающего Раба, который искупит народ, не совершая
насилие, а Сам сделавшись его жертвой. На какое-то время Бог допускает
поведение, которого Сам не одобряет, – «ибо вы жестокосерды». Но
постепенно, пусть и петляя, долгий исторический путь непременно выводит к
Его Сыну, Иисусу, последнему откровению Бога, пришедшему в образе человека.
Бог-человек уже не «лепечет» – Слово звучит громко и ясно.

Я бы хотел более подробно разобраться с этими вопросами. Но теперь не
время. Сейчас я пишу не книгу ответов, а книгу вопросов, которые вызывает у
меня Ветхий Завет – собрание текстов, столь же таинственных, ошеломляющих и
вопреки всему имеющих столь же глубокий смысл, как и сама жизнь.

Один историк церкви отмечает, что в наше время либералы вновь открывают для
себя Евангелие, пятидесятники – Деяния, а евангельские христиане –
Послания. Нам бы, вероятно, стоило стремиться к экуменическому единству,
чтобы заново открыть предшествующие Евангелию книги Библии. Как легко мы
забываем, что поразительное утверждение Библии о Божественном источнике
вдохновения – «Все Писание богоодухновлено и полезно для научения, для
обличения, для исправления, для наставления в праведности; да будет
совершен Божий человек, ко всякому добру делу приготовлен» (2 Тимофею
3:16–17) – относится к тому Писанию, которое существовало на момент
создания Нового Завета, т.е. к Ветхому Завету.

Еще одно предостережение: иметь дело с Библией небезопасно. Мы обращаемся к
ней с вопросами, но, читая ее, обнаруживаем, что эти вопросы обрушаются
на нас самих. Царь Давид увлекся рассказом, который придумал пророк Нафан.
Давид вскочил, негодяя, на ноги, и тут обнаружил, что шипы притчи вонзились
в его собственное сердце. Со мной это происходит всякий раз, когда я
перечитываю Писание. Меня тычут носом в то, что я называю своей верой. Меня
заставляют вновь и вновь испытывать ее. Слова Томаса Мертона («Открывая
Библию») о Писании в целом можно применить и отдельно к Ветхому Завету:

«Словом, в Библии нет ничего успокоительного, разве что мы сумеем настолько
привыкнуть к ней, что сами успокоимся... Не перестали ли мы вопрошать эту
книгу и воспринимать ее вопросы? Не перестали ли мы бороться с ней? Если
да, то наше чтение больше не имеет смысла.

Для большинства людей понимание Библии должно быть сопряжено с борьбой.
Трудность заключается не только в том, чтобы подобрать истолкования – их
можно найти и в комментарии, – но главным образом в том, чтобы как-то
принять, пропустить через свою личность все поразительные противоречия и
вопиющие безобразия, на которые мы наталкиваемся в Библии...

Не стоит уверять себя, что мы хорошо знаем Библию. Если мы научились не
удивляться, если мы научились не видеть этих проблем – это свидетельствует
только об обратном».

Я провел много времени, изучая Ветхий Завет, и должен честно признаться,
что изумление мое только возрастало, а не убывало.

Глава первая.

Стоит ли чтение Ветхого Завета наших усилий?

Вера заключается не в цепляний за святыню, а в неустанном паломничестве
сердца. Дерзновенный замысел, пылкие песнопения, отважные мысли, охватившие
сердце, порыв, подчинивший разум, – все стремление к Любящему, Который
звонит в наше сердце, словно в колокол.

Абрахам Хешель

Мой брат, учившийся в библейском колледже, в пору своей легкомысленной юности любил шокировать группы верующих, цитируя свои «любимые стихи». Дав время всем остальным произнести благочестивые высказывания из Притчей, Послания к Римлянам или к Ефесянам, он поднимался и с непроницаемо серьезным лицом быстро говорил такую строчку:

«К западу у притвора на дороге по четыре, а у самого притвора по два»

(1 Паралипоменон 26:18).

Его соученики глубокомысленно морщились, пытаясь понять, какое духовное сокровище находит он в этой строке. И вообще, на каком языке он говорит?

Если же брат был мрачен, он произносил другую строку:

«Дочь Вавилона!... Блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень!»

(Псалом 136:8-9).

Озорничая, брат совершенно точно выделял две основные трудности, с которыми сталкивается читатель Ветхого Завета: одни стихи кажутся ему бесмысленными, другие – противоречащими современной этике. В силу этой и некоторых других причин Ветхий Завет, т.е. три четверти Писания, остается непрочитанным.

Христиане быстро забывают Ветхий Завет. В массовой культуре даже следы его практически отсутствуют. Смеха ради Джей Лино проверял аудиторию на знание Библии: «Назовите хотя бы одну из Десяти заповедей». Кто-то отважился: «Бог помогает тем, кто сам себе помогает». Раздался общий хохот. Но другие участники справились ничуть не лучше. Опросы показывают, что восемьдесят процентов американцев, согласно их собственному мнению, верят в Десять заповедей. Однако очень немногие способны перечислить хотя бы четыре. Половина взрослого населения Америки не знает, что книга Бытия – это первая книга Библии. Четырнадцать процентов считают, что Жанна д'Арк была женой Ноя[1 – «Arc» – по-английски «ковчег» (прим. пер.)].

Что еще удивительнее: профессор Уитон-колледжа Гэри Бердж обнаружил, что незнание Ветхого Завета распространено и в церковных кругах. В течение нескольких лет Бердж опрашивал абитуриентов своего колледжа, дающего фундаментальное евангельское образование, и убедился, что молодые люди, с детства посещавшие воскресную школу, смотревшие по телевизору мультики про библейских героев и прослушавшие бесчисленное множество проповедей, не знакомы с самыми главными фактами, содержащимися в Ветхом Завете.

Одну из причин этого невежества назвал Барри Тейлор, бывший рок-музыкант, а ныне священник. «В начале семидесятых один мой приятель принял христианство. Я решил, что он спятил, и начал просматривать Библию в поисках аргументов для спора с ним. Даже ради собственного спасения я не смог бы понять, с какой стати Богу интересовалась надломленным крылом голубки, а тем более почему он приказал перебить сорок тысяч амаликитян, да и кто такие эти амаликитяне? К счастью, я все-таки продолжал читать, продираясь через эти трудные книги. И вот, когда я добрался до Нового Завета, я понял, что, кроме Иисуса, нет другого пути. Таким образом я тоже стал приверженцем Иисуса».

Я рад, что Барри Тейлор пришел к Иисусу. Но на этом пути он столкнулся с теми же трудностями. Почему Библия уделяет столько внимания храмам, священникам и правилам жертвоприношения – тем более, что все это давно утратило силу? Почему Бога так интересуют животные с дефектом – хромые ягнята и голубки со сломанными крыльями? Почему Он заботится о том, чтобы козленка не варили в молоке его матери, но при этом способен погубить целый

Библия, которую читал Иисус filosoff.org народ – тех же амаликитян? Может ли мы извлечь какой-то смысл из странностей Ветхого Завета и будет ли этот смысл применим к нашей нынешней жизни? Короче говоря, стоит ли Ветхий Завет тех усилий, которые мы затратим на его чтение и попытку понять его?

Я слышал от миссионеров, работающих в Африке и Афганистане, что эти народы с готовностью принимают Ветхий Завет, ибо места Ветхого Завета о тяжбах из-за земли, праве пользования водой, племенных распрях и родственных браках в точности соответствуют их современному укладу. Однако эти обычай были уже далеки для мыслящего на греческий лад образованного человека, каким был апостол Павел. И уж тем более были они чужды горожанину или жителю предместья, скажем, во Флориде. Когда мы, жители развитых стран, беремся за Ветхий Завет и начинаем его читать, нас вполне может одолеть скуча, смятение или даже возмущение изображенными здесь сценами насилия. Мы в состоянии представить себя рядом с Иисусом. Нам кажется, что мы понимаем апостола Павла. Но что сказать о варварах, живших тысячи лет назад на Ближнем Востоке?

Большинство людей решают эту проблему просто: забывают о Ветхом Завете или, хуже того, перепахивают его в поисках малого зерна истины, которое якобы можно извлечь на свет Божий, словно алмаз из тонны руды. Правда, забавы моего брата показывают, что можно извлечь и крупицу шлака из тонны алмазов.

Но есть одно «преимущество» в том, что люди забыли Ветхий Завет. Еврейский ученый Бубер когда-то сказал: «Современному человеку следовало бы читать Писание как что-то совершенно ему неведомое, как если бы он никак не был подготовлен к его восприятию». Теперь «пожелание» Бубера сбывается: сегодня большинство людей и впрямь читают Ветхий Завет как совершенно незнакомый текст.

К чему все это?

В этой книге рассказывается о том, как я начал читать Ветхий Завет и в конце концов полюбил его. Признаюсь, что сначала меня побуждали к чтению не слишком возвышенные мотивы: мне за это платили, потому что я редактировал «Библию для студентов». И все же спустя много лет после того, как «Библия для студентов» была издана и попала на полки книжных магазинов, я продолжал возвращаться к этому чтению.

И здесь мой читательский опыт совпал с тем, который я получил раньше, читая Шекспира. В приступе идеализма я дал новогодний обет осилить за год все тридцать четыре пьес великого драматурга. Поездки, переезд через всю страну и другие обстоятельства вынудили меня продлить этот срок. И все же, к моему удивлению, осуществление этой задачи оказалось скорее удовольствием, чем тяжкой работой. Сперва приходилось разыскивать в словаре архаизмы, стараться не перепутать различных персонажей и приспособиться к трудному жанру пьесы. Однако вышло так, что по мере продвижения вперед я привыкал и к ритму, и к языку. Отвлекающие моменты отходили на второй план, и я с головой погружался в драму. Вскоре я уже с нетерпением ждал наступления вечера, отведенного для чтения Шекспира.

Я надеялся больше узнать о мире писателя и о живших в этом мире людях. Но на деле я гораздо больше узнал из этих пьес о своем собственном мире. Этот драматург остается неизменно притягательным для нас именно потому, что его гений позволил ему проникнуть в тайны людских сердец. Его искусство и ныне, через несколько столетий после его смерти, привлекает к нему читателей в Штатах, Китае, Перу, в самых разных уголках мира. В его драмах мы встречаемся с самими собой.

Через тот же процесс мне пришлось пройти и при чтении Ветхого Завета. От первоначального неприятия его я нехотя перешел к пониманию того факта, что обязан прочитать три четверти Библии. Преодолев первые препятствия (похожие на те, что возникли при знакомстве с Шекспиром), я почувствовал потребность читать дальше. Мне страстно захотелось получить то, чему эта книга меня учила. Наконец, я уже и сам хотел прочесть все тридцать девять книг, утолявшие во мне некий голод, не подвластный никакой другой книге, даже, полагаю, Новому Завету. Книги Ветхого Завета учили меня жизни с Богом – не тому, как следовало бы ее строить, а тому, как она строилась на самом деле.

Библия, которую читал Иисус filosoff.org

Нелегко обрести награду, которую сулит нам Ветхий Завет. Чтобы привыкнуть к его текстам, потребуется и время, и немалое усилие. Всякое достижение, будь то в области скалолазания, игры на гитаре или спортивных состязаний, требует такого же упорного труда. Мы преодолеваем препятствия, потому что верим в грядущее вознаграждение.

При чтении Ветхого Завета сталкиваешься с трудностями, не возникающими при чтении других книг. К примеру, меня первоначально отпугнула непоследовательность изложения. Складывалось впечатление, что Ветхий Завет – это не логичный рассказ, а какая-то смесь стихов, исторической прозы, проповедей и коротких повестей, написанных разными авторами и расположенных вперемешку. В свое время никто, разумеется, и не воспринимал Ветхий Завет как единую книгу. Каждая книга составляла отдельный свиток. Длинная книга, например пророчества Иеремии, была свитком длиной в семь, а то и десять метров. Входя в синагогу, иудей видел перед собой не отдельную книгу, а рулоны свитков и, зная о различиях между ними, делал соответствующий выбор (например, в некоторые торжественные дни иудеям разрешалось читать только из Иова, Иеремии и Плача Иеремии, чтобы соблюсти траур; все остальные книги считались чересчур развлекательными).

С другой стороны, меня удивило, что такое разнородное собрание текстов, писавшихся в течение тысячелетия несколькими десятками авторов, все же обладает столь заметным единством. Чтобы представить себе это, попробуйте вообразить книгу, которую начали писать за пятьсот лет до открытия Америки и только теперь закончили. Поразительное единство Библии – одно из мощнейших доказательств в пользу утверждения, что Сам Бог руководил ее созданием. Используя множество авторов в самых различных культурных ситуациях, Бог создал всестороннее описание того, что хотел нам сообщить. Удивительным образом разнородные части оказались так пригнаны друг к другу, что из них сложилось цельное повествование.

Чем дальше я продирался через эти страницы, тем больше понимал. А чем больше я понимал, тем чаще находил в этой книге себя. Даже в столь светском обществе, как Соединенные Штаты Америки, книги, подобные «Заботе о душе» Томаса Мура и «Прогулкам по монастырю» Кэтлин Норрис, становятся бестселлерами, утоляя глубокую духовную жажду. Но Ветхий Завет, как никакая другая книга, обращен к нашей глубочайшей духовной потребности. В ней не найти урока богословия, состоящего из аккуратно выстроенных и логически упорядоченных абстрактных концепций. Напротив: Библия – это урок жизни с Богом, полный страсти и личного опыта.

Одного завета недостаточно

Христиане любой конфессии согласны по крайней мере в одном: мы знаем, что не можем удовлетвориться только Ветхим Заветом. Иисус Мессия принес нам «новый завет» и теперь, вслед за апостолом Павлом, мы можем воспринимать ветхозаветный период как подготовку к новой эре. Я безусловно согласен с этим. Однако я все больше убеждаюсь в том, что одним только Новым Заветом мы тоже не вправе ограничиваться. Сам по себе, без Ветхого Завета, он оказывается недостаточным для понимания Бога и нашего мира.

Для своей книги «Дары Иисуса» Томас Кахилл придумал подзаголовок: «Каким образом племя кочевников-номадов изменило образ наших мыслей и чувства». Он, безусловно, прав. Все основания западной цивилизации покоятся на краеугольном камне Ветхого Завета: вынь этот камень – и наша цивилизация рухнет. Кахилл указывает, к примеру, что иудаистский монотеизм привил нам веру в Великое Целое, в однородную вселенную, которая, будучи порождением единого Творца, может быть подвергнута научному исследованию и даже техническому преобразованию. Как ни смешно, первоисточником технологических достижений современного мира можно назвать племя, кочевавшее когда-то в пустыне.

Евреи дали нам и то, что Кахилл назвал «совестью Запада», а именно, убеждение, что присутствие Бога проявляется не столько в неких внешних феноменах, сколько в «тихом слабом голосе» совести. Бог любви и милосердия печется о всех своих творениях, в особенности о человеке, созданном «по Ему образу и подобию», и призывает нас поступать так же. Каждый человек на земле обладает Божественным достоинством. Повинуясь заповедям Бога, евреи подали пример для великих освободительных движений современной истории и

Библия, которую читал Иисус filosoff.org первыми попытались создать справедливые законы для защиты слабых, угнетенных, различных меньшинств.

Согласно Кахиллу, без евреев

«Мы бы никогда не имели движенияabolitionists, движения за реформу тюремной системы, антивоенного движения, профсоюзных объединений, борьбы за гражданские права, движений туземного населения и колониальных народов, выступлений против апартеида в Южной Африке, «Солидарности» в Польше, борьбы за гласность и демократию в таких странах дальнего Востока, как Южная Корея, Филиппины и даже Китай».

Множество концепций и понятий, которыми мы пользуемся ежедневно – «новый», «индивидуальный», «личность», «история», «свобода», «дух», «справедливость», «время», «вера», «паломничество», «революция», – упоминаются в Ветхом Завете. Мы едва ли можем осознать мир и свое место в нем, не опираясь на наследие древних иудеев. Герой комедии Мольера внезапно обнаруживает: «Я говорю прозой! Я говорю прозой!». Наши корни так глубоко уходят в Ветхий Завет, что во многих отношениях – в представлениях о правах человека и устройстве правительства, в обращении с ближними и с Богом – мы, сами того не зная, говорим и думаем по образцу Ветхого Завета.

И, безусловно, нельзя верно воспринимать Новый Завет без учета Ветхого. Это очевидно: попробуйте истолковать Послание к Евреям, Послание Иуды или Откровение без оглядки на Ветхий Завет. Сделать это невозможно. Вероятно, именно поэтому многие современные христиане предпочитают обходить своим вниманием эти книги Библии. Можно прочесть Евангелия как отдельную, ни с чем не связанную повесть, однако читатель, не знакомый с Ветхим Заветом, упустит из виду много скрытых в них оттенков значения. Павел постоянно ссылается на Ветхий Завет. Каждый автор Нового Завета писал о современных ему действиях Бога на земле, глядя на них сквозь призму Его прежних дел.

Китайский философ садился на своего мула задом наперед, чтобы не заботиться о том, куда он едет, и полностью сосредоточиться на мысли о том, где он был прежде. Примерно так же действует и Библия. Послания проливают новый свет на Евангелия, и мы начинаем по-новому понимать их. Послания и Евангелия, взятые в совокупности, проливают новый свет на Ветхий Завет.

Столетиями формула «как было предсказано пророками» оказывала мощнейшее влияние на людей, обращавшихся к вере. Иустин Мученик приписывал свое обращение к христианству тому впечатлению, которое произвели на него неизменно сбывающиеся пророчества Ветхого Завета. Блестящий французский математик Блез Паскаль также упоминает исполнившиеся пророчества в качестве одного из главных факторов, обративших его к вере. Ныне мало кто из христиан читает пророков, разве что в поисках зашифрованных сообщений о нашем будущем. Мы утратили присущее эпохе Реформации глубокое убеждение в единстве обоих частей Ветхого Завета.

Я назвал две важные причины, по которым необходимо читать Ветхий Завет: ради понимания Библии в целом и ради понимания нашего мира. Однако наиболее существенной причиной кажется та, что дала название этой книге: Ветхий Завет – это та Библия, которую читал Сам Иисус, в которой Он находил ключи к тайне Собственной личности и Своей миссии. Он цитирует Ветхий Завет, разрешая споры с такими оппонентами, как фарисеи, саддукеи и Сатана. Образы, которые Иисус применяет к Себе – Агнец Божий, Пастырь, знамение Ионы, камень, отвергнутый строителями, – почерпнуты непосредственно со страниц Ветхого Завета.

Был в истории случай, когда государство попыталось отсечь Ветхий Завет от христианского Писания. Нацисты запретили в Германии изучение «еврейской книги», и исследования Ветхого Завета на уровне семинарий и научных журналов прекратились. В 1940 году, когда нацисты упивались своим торжеством, Дитрих Бонхоффер бросил им вызов, опубликовав книгу о псалмах, за что был наказан. В апелляции он убедительно доказывал, что комментировал молитвенник Самого Иисуса Христа. Бонхоффер отметил, что Иисус часто цитирует Ветхий Завет, причем ни разу не обращается к апокрифическим

Библия, которую читал Иисус filosoff.org источникам, хотя в ту пору канон книг Ветхого Завета еще не принял окончательную форму. Кроме того, многие места в Ветхом Завете прямо или опосредованно указывают на Иисуса.

Читая Ветхий Завет, мы держим в руках ту самую книгу, которую изучал и которой пользовался Иисус. Мы видим молитвы, которые Он повторял, стихи, которые Он учил наизусть, песни, которые Он пел, сказки, которым Он внимал в детстве, пророчества, над которыми Он задумывался. Чем лучше мы понимаем Ветхий Завет, тем лучше понимаем и Самого Иисуса. Как сказал Мартин Лютер, «Ветхий Завет – это завещание Христа, которое по Его воле было вскрыто после Его смерти и прочитано, и провозглашено повсюду посредством Евангелия».

В одном из заключительных эпизодов своего Евангелия Лука повествует о том, как Иисус внезапно появляется перед двумя учениками на пути в Эммаус. Хотя вести о Воскресении распространялись, как лесной пожар, эти двое сначала не поверили чуду. Иисус ясно видит это по тому, как они отворачиваются и опускают глаза. Словно ради шутки, Иисус заставляет их пересказать все, что случилось в последние дни с тем человеком, Иисусом. Но они по-прежнему не узнали Его. А потом Иисус упрекает их:

«О, несмысленные и медлительные сердцем, чтобы веровать всему, что предсказывали пророки! Не так ли надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою? И начав от Моисея, из всех пророков изъяснял им сказанное о Нем во всем Писании».

Ныне нам нужно «чудо на пути в Эммаус», но с обратным знаком: ученики знали Моисея и пророков, но не могли постичь, как они связаны с Иисусом Христом. Современная церковь знает Иисуса Христа, но быстро утрачивает всякую связь с Моисеем и пророками.

В другой раз Иисус рассказал притчу о двух строителях, чьи дома внешне походили друг на друга. Но, когда разразилась буря, между ними обнаружилось различие. Один дом устоял, хотя дождь лил потоками и ветер гневно бил в его стены. Дом устоял потому, что основанием ему служила скала. Второй дом, построенный глупцом на песке, обрушился. В богословии фундамент имеет не меньшее значение, чем в архитектуре.

«Скорей скажи, как выглядит Бог»

Элен Сторки рассказывает, что с этой просьбой – «Скорей скажи, как выглядит Бог» – пятилетняя девочка обратилась к своему новорожденному брату, когда впервые увидела его в больничной палате. Она решила, что младенец, только что явившийся с Небес, должен обладать какой-то «внутренней информацией». К сожалению, малыш только гулил в ответ да закатывал глазки.

Ветхий Завет выполняет просьбу этой девочки. И его объяснение отличается от того, которое мы могли бы получить, если бы ограничили свое чтение исключительно Новым Заветом. Хотя Иисус является «образом невидимого Бога», Он лишил Себя многих прерогатив Бога, чтобы сделаться человеком. Профессор Лэнгдон Джилки говорил, что если евангельское христианство можно назвать ересью, то лишь потому, что оно пренебрегает Господом Отцом и Создателем, правящим всей человеческой историей и любым человеческим сообществом, в пользу Сына Иисуса, обращающегося лично к каждому – к его душе и судьбе.

Если бы мы располагали только Евангелиями, мы бы знали лишь ограниченного, чересчур очеловченного и довольно слабого Бога – ведь Иисус закончил Свой путь на кресте. Именно это вызывало столь упорное сопротивление иудеев: несмотря на Свои дерзновенные претензии, Иисус не соответствовал их представлениям о Боге. Они отвергли Его потому, что с их точки зрения Он не годился на роль Бога. Откровение представляет нам иной портрет Иисуса – ослепительный свет, вершина славы, безграничная власть. И Ветхий Завет также предлагает нам совершенно другое изображение Бога. Мы нуждаемся в

Библия, которую читал Иисус filosoff.org
этом фоне, как нуждались в нем первые ученики Иисуса, чтобы оценить ту любовь, которая решилась на Воплощение. Только так мы сумеем понять, чем Бог пожертвовал ради нас.

Отказываясь от чтения Ветхого Завета, мы существенно обедняем свои знания о Боге. Бог – это не философская концепция, а Личность, действующая в истории. Это Он создал Адама, заключил завет с Ноем, призвал Авраама, назвал Себя по имени, представ перед Моисеем, и согласился жить в шатре посреди пустыни, чтобы быть рядом со Своим народом. С первой главы книги Бытия на всем протяжении Ветхого Завета мы постоянно видим, что Бог хочет открыться людям, желает, чтобы Его узнали. Ветхий Завет – это самое полное повествование о том, «как выглядит Бог».

Джон Апдейк заметил, что «мозги наши больше не приспособлены для почтения и преклонения». Даже сами эти слова звучат несколько старомодно, причем именно в той мере, в какой мы отклонились от верного понимания образа Божьего, запечатленного в Ветхом Завете. Мы уже не в состоянии ни принять этот образ, ни обоснованно отвергнуть его. Бог стал для нас чуждым и таинственным другим, а не Тем Богом, Который казался нам таким предсказуемым. Этому Богу никто не может указывать, что Ему делать (именно об этом Господь гневно и грозно говорит Иову).

Я готов признать, что при чтении Ветхого Завета мы сталкиваемся и с такими проблемами, о которых я предпочел бы умолчать. На всем протяжении этой книги мне предстоит бороться с самим собой, чтобы принять неискаженный образ Бога. «Так постигните милосердие и супровость Господа», – писал Павел христианам, жившим в Риме. Я бы предпочел думать только о милосердии Бога, но тогда я выстрою собственный образ Бога, а не тот, который Сам Бог желает открыть нам. Не могу же я рассуждать о Боге, не прислушиваясь к тому, что Бог Сам говорит о Себе.

Мы весьма по-разному представляем Бога. Кто Он? Умелый часовщик, налаживающий механизм вселенной, а затем уходящий на задний план и предоставляющий этому механизму работать самостоятельно? Или Бог – заботливый отец, держащий в Своих ладонях не только мир, но и каждого человека? Наиболее важной задачей я считаю реконструкцию подлинного представления о Боге.

Мы неизбежно переносим на Бога те чувства и образы, которые вызывают у нас наши родители. У Джорджа Бернарда Шоу возникли серьезные разногласия с Богом, потому что его отец был подонком, безответственным человеком, которого дети интересовали гораздо меньше, чем крикет и пиво. Клайв Льюис также прошел через долгую и мучительную внутреннюю борьбу, прежде чем сумел избавиться от навязчивого представления о своем отце, человеке резком, порывистом, прибегавшем к цитатам из Цицерона, когда требовалось образумить подростков-сыновей. Льюис говорит, что смерть его матери была подобна гибели Атлантиды: он едва уцелел на одном из крошечных островков. В частной школе он попал в руки жестокого Учителя, который позднее был признан психически больным человеком. Чтобы обрести любовь к Богу, Льюису потребовалось сперва преодолеть образ, сложившийся у него «по подобию» его первых наставников.

Ветхий Завет именует Бога Отцом. Но этот Отец разительно отличается от отцов Льюиса и Шоу. Бог предстает здесь не только львом, но и ягненком, не только орлом, но и наседкой, царем и одновременно рабом, судьей и в то же время пастырем. Едва нам покажется, что мы уже уловили суть, как Ветхий Завет представляет нам совершенно иное изображение Бога: ремесленника, цирюльника, виноградаря.

Словно неумолчная барабанная дробь, со страниц Ветхого Завета исходит весть: мир вращается вокруг Господа, а не вокруг нас. В культуру древних евреев было вживлено множество обрядов и правил, напоминавших им об этом: они посвящали своих первенцев и первенцев своих стад Богу, носили небольшие свитки с записями Закона на голове и на запястьях, вешали особые знаки на двери своего дома, по сотне раз в день произносили благословение, даже носили особую прическу и особую одежду. Верующий иудей не мог и часа – а тем более целый день – прожить, не наткнувшись на напоминание о том, что он живет в мире, принадлежащем Богу. Еврейский календарь был полон такими событиями, как Пасха и День искупления, которые имели не меньшее значение, чем годичный или лунный цикл. Евреи верили, что мир принадлежит Богу и что человеческая жизнь священна. Попросту говоря, она принадлежит Богу и только

Библия, которую читал Иисус filosoff.org
Бог может ею распорядиться.

Это ветхозаветное убеждение звучит крайне несовременно. Разве Декларация независимости не утверждает наше право на жизнь, свободу и стремление к счастью? Мы протестуем против любого посягательства на наши личные права и против всяких попыток определить какие-то границы, которые могли бы стеснить наше личное пространство. В секуляризованном, высокотехнологичном обществе мы можем неделями существовать, ни на секунду не задумываясь о том, что мир принадлежит Богу.

Я вспоминаю одну проповедь, которую услышал в часовне при Уиттон-колледже в семидесятые годы, когда огромной популярностью пользовалось учение о «смерти Бога». Профессор Роберт Уэббер выбрал темой проповеди третью заповедь: «Не произноси имени Господа Бога твоего всуе».

«Обычно мы придаём этой заповеди довольно узкий смысл: она-де запрещает божбу», – сказал Уэббер и далее, расширяя истолкование, утверждал, что эта заповедь означает требование «не жить так, словно Бога не существует» или, другими словами, «всегда жить в сознании присутствия Бога». Чем глубже я вдумываюсь в эту заповедь в ее ветхозаветном контексте, тем с большим убеждением признаю правоту Уэббера. А ключ к этому сознанию и жизни в соответствии с ним мы находим в великом наследии еврейского народа – Ветхом Завете.

Я не предлагаю вернуться к пейсам, талесу, запрету на свинину и некоторые морепродукты. Однако я уверен, что мы должны многому научиться у народа, чья повседневная жизнь была так тесно связана с Богом. Когда мы из своего времени оглядываемся на завет, заключенный между Богом и древними евреями, нас в первую очередь поражает его суровость, а также произвольность или избыточность (на наш взгляд) некоторых предписаний. Однако сами евреи ничего подобного не чувствовали. Мало кто из них просил Бога снять пищевые запреты или освободить их от части религиозных обязанностей. Кажется, они были даже довольны тем, что их Бог в отличие от языческих богов соседних народов пожелал дать им столь конкретные указания.

Как сказал ученый пуританин Перри Миллер, заключив договор с Богом, ты уже имеешь дело не с неведомым, далеким, непостижимым божеством, а с личностным Богом, на Которого можно положиться. Евреи и Бог оказались персонажами одной и той же истории. Все, что происходило с ними, связано с этим первоначальным сюжетом, а сюжет-то оказался любовным. С самого начала Бог избрал это племя не потому, что оно было сильнее или многочисленнее соседних, и не потому, что оно отличалось какими-то моральными качествами. Бог избрал евреев потому, что Он их полюбил.

Как всякий влюбленный, Бог желал взаимности. Все заповеди, полученные евреями, проистекают из одного-единственного требования – любить «Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твою, и всем разумением твоим». Разумеется, евреи то и дело нарушали это предписание. Но ныне христиане вправе именовать три четверти Библии Ветхим Заветом только потому, что, сколько бы евреи ни подводили Бога, Он был верен им. Любовь Бога нашла новый путь и выразила себя в Новом Завете.

Серен Кьеркегор дал два совета читателю, наталкивающемуся на трудные места в Библии. Во-первых, воспринимать эту книгу как любовное послание. Продираясь сквозь языковые, культурные и прочие различия, не забывать о цели своего труда: проникнуть в суть, в чрезвычайно важное сообщение от Того, Кто вас любит. А далее поступайте в соответствии с тем, что сумели понять. На жалобы, что в Священном Писании, дескать, столько трудных мест, что целые книги кажутся просто непостижимой загадкой, Кьеркегор отвечает: на подобные рассуждения имеет право только тот человек, который сумел полностью применить к себе понятые им страницы Библии.

Можно ли назвать Бога благим?

Тысячелетиями евреи повторяли молитву: «Возблагодарите Бога всемогущего, ибо Господь благ и любовь его пребывает вовеки». Надо бы поразмыслить над этой молитвой, ибо ныне мы привыкли сомневаться как раз в этих двух утверждениях. Действительно ли Бог благ? В самом ли деле Его любовь пребывает вовеки? Достаточно беглого взгляда на прошлое или на заголовки

Библия, которую читал Иисус filosoff.org сегодняшних газет – и любой разумный человек усомнится в справедливости этих утверждений. Вот и еще одна причина взглянуться в Ветхий Завет: в этой книге сами евреи вслух выражают сомнение в истинности своей же молитвы. Как и следует в любовных отношениях, они высказывают свои сомнения другому – Самому Богу – и получают от Него прямой ответ.

Из Ветхого Завета мы узнаем кое-что о действиях Бога – совсем не то, чего бы мы ожидали. Бог действует медленно, непредсказуемо, парадоксально. Первые одиннадцать глав книги Бытия полны сообщений о бесконечных поражениях и неудачах человеческой расы, которые поставили под вопрос весь замысел творения. Бог в двенадцатой главе намечает новый план, который должен исправить все эти ошибки: основные проблемы человечества будут разрешены благодаря тому, что Он изберет одно семейство, одно племя (Израиль, позднейшее название «евреи») и через посредство этого народа, который станет колыбелью Воплощения, сумеет исцелить всю землю и вернуть мир к первоначальному состоянию.

Начертав этот план, Бог приступает к его осуществлению весьма странными способами. В качестве родоначальника избранного племени Он призывает язычника из области, которая ныне называется Ираком, и подвергает его ряду испытаний. Причем большинство проверок этот человек не выдерживает. К примеру, в Египте Авраам выказал куда более низкую мораль, чем местные солнцепоклонники.

Пообещав произвести от Авраама потомство такое же многочисленное, как звезды в небе и песчинки на берегу моря, Бог затем демонстрирует чудеса исцеления бесплодия. Авраам и Сарра дожили до девяноста лет, прежде чем дождались первенца. Их невестка Ревекка тоже некоторое время не могла рожать, а их внук Иаков четырнадцать лет дождался желанной ему невесты, которая также оказалась бесплодной. Три поколения бесплодных женщин – не слишком удачный способ положить начало великому народу!

Подобным же образом, пообещав Аврааму целую страну (до этого Авраам владел лишь участком для захоронения в Ханаане), Бог ведет Израиль кружным путем в Египет, где избранный народ пребывает четыреста лет, пока Моисей не возглавляет поход в Землю обетованную. Это злосчастное путешествие вместо ожидаемых двух недель продлилось сорок лет! Похоже, что у Бога часы идут иначе, чем у нас, нетерпеливых смертных.

Столь же странные события происходят в новозаветные времена. Никто из почтенных иудейских ученых не признает в Иисусе из Назарета Мессию, возвещенного в псалмах и пророках. Эти сюрпризы и заблуждения продолжаются и поныне: самозваные пророки убежденно опознают Антихриста то в одном тиране, то в другом. Но и Гитлер, и Сталин, и Киссинджер, и Хуссейн сходят с мировой арены, а конец света все не настает.

Сегодня христиане сталкиваются со многими несбывшимися предсказаниями. Растет число жителей Земли, растет число бедных. Доля христиан в общем населении неуклонно снижается. Мир явно стремится к самоуничтожению. Мы ждем, упорно ждем дней славы, обещанных пророками и Апокалипсисом. Судьбы Авраама, Иосифа и Моисея научили нас по крайней мере одному: мы не можем предугадать пути Господни, и вряд ли они совпадут с нашими желаниями. Иногда кажется, что Бог творит историю на ином, не доступном для нас уровне.

Ветхий Завет дает нам ключ к истории, написанной Богом. В Исходе названы по имени две повитухи, которые помогли спасти жизнь Моисея, но не указан фараон, правивший в то время Египтом (скольких ученых смущает это упущение!). Третья книга Царств уделяет всего восемь стихов царю Амврию, которого светские историки называют в числе величайших владык Израиля. Бог, творящий историю, не обращает внимания на величие, богатство и власть. Его интересует вера. И герои этой книги – это герои веры, а не богатства и силы.

В центре Божьей истории те, кто оставался верен Ему независимо от обстоятельств. Когда Навуходоносор – один из множества тиранов, преследовавших евреев, – угрожает трем юношам пыткой в огненной печи, они отвечают:

«Бог наш, Которому мы служим, силен спасти нас от печи, раскаленной огнем, и от руки твоей, царь, избавит. Если же и не будет того, то да будет известно тебе, царь, что мы богам твоим служить не будем, и золотому истукану, который ты поставил, не поклонимся»

(Даниил 3:17-18).

Империи возникают и рушатся, могущественные вожди достигают высот власти и теряют все. Навуходоносор, бросивший трех евреев в огненную печь, в конце концов впал в безумие и питался травой, как животное. Сколько империй, возникших после царства Навуходоносора – Персия, Греция, Рим, столь величественных в пору своего расцвета, – последовали за Вавилоном на свалку истории, а евреи – народ Божий – пережили все губительные погромы. Медленно, болезненно пишет Бог историю земли, пишет ее подвигами Своих верных последователей.

Мучительная история евреев преподносит нам совершенно неожиданный урок: нельзя ошибиться, приписывая Богу свойства личности. Бог – не слепая сила, разместившаяся где-то на небесах, не греческая абстракция, не материальный сверхчеловек римлян и уж, конечно, не отдающий после своих трудов ремесленник действов. Бог – это личность. Он входит в жизнь людей, вмешивается в семейные отношения, появляется там, где Его не ждут, назначает вождями людей, которых никто бы на этот пост не выбрал, требует с людей отчета. И что самое главное – Бог любит.

Великий иудейский богослов Абрахам Хешель сформулировал это в книге «Пророки» следующим образом:

«Бог открывает Себя пророку не в виде абстрактного абсолюта, а в личных, интимных отношениях с миром. Он не только приказывает и требует повиновения, Он также воспринимает и чувствует то, что происходит в мире, и реагирует на это. События и поступки людей вызывают у Него радость или скорбь, удовольствие или гнев. Деяния людей могут тронуть Его, огорчить, разгневать или, напротив, угодить Ему и порадовать Его.

Бог Израиля – это Бог, Который любит, Бог, Который открывается человеку и заботится о нем. Он не только правит миром в величии Своей мудрости, Он также непосредственно реагирует на события истории».

Из всех обращений, которые могли бы передать наши отношения с Богом, Сам Господь предпочитает наиболее личностные и интимные: «возлюбленные», «дети». Ветхий Завет полон упоминаний о женихе и невесте. Бог ухаживает за Своим народом. Он не чает в нем души, как влюбленный в возлюбленной. Когда евреи отвечают Ему пренебрежением, Господь чувствует Себя оскорблённым. Он ревнует, как отвергнутый влюбленный. Другой ряд метафор называет нас детьми Божьими. Ближе всего мы подойдем к пониманию отношения Бога к нам, если подумаем о собственном отношении к самым близким: к своим детям и своим возлюбленным.

Представьте себе умиленного папашу с видеокамерой в руках – как он сюсюкает и уговаривает кроху-дочь оторваться от журнального столика и сделать три шажка самостоятельно навстречу ему. «Давай, милочка, ты можешь это сделать! давай! Папочка смотрит на тебя! Иди ко мне!». Представьте себе влюбившуюся по уши девочку-подростка, которая часами не выпускает из рук телефонную трубку, потому что ей надо обсудить все подробности прошедшего дня со своим мальчиком. А мальчику тоже ужасно нравится эта девочка и потому все мелочи ему интересны. А теперь вообразите, что один из участников здесь Бог, а другой – вы. Вот о таких отношениях и говорит Ветхий Завет.

друзья Бога

«Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты». Пожалуй, никакой из
Страница 12

Библия, которую читал Иисус filosoff.org поступков Бога не кажется нам столь странным, как Его выбор людей, которых Он приближал к Себе и делал орудиями Своей воли. Авраам торговал своей женой. Иаков обманул родного брата. Моисей совершил убийство. Давид был повинен в прелюбодеянии и убийстве. Но все эти негодяи значатся в числе Божьих любимцев. Иаков получил новое имя Израиль («борющийся с Богом») после продолжавшейся всю ночь схватки с Богом, и с тех пор имя народа избранного напоминает об этой борьбе. Дети Божьи – это дети борьбы[2 – Томас Торранс («Посредничество Христа») предполагает, что источником антисемитизма мог стать конфликт Израиля с Богом, двойственная природа его отношений с Богом, отражающая и нашу любовь, и ненависть. Вместо того чтобы направлять свой протест непосредственно к Богу, мы обрушиваем свое возмущение на евреев, избранный Богом народ, «в то время как мы вовлечены в подлинный конфликт с взыскиющим светом, отразившимся в Израиле, мы направляем свою горечь и возмущение на сам Израиль. В этом, я полагаю, изначальная причина антисемитизма. Однако возникновение и проявление антисемитизма всегда служат верным признаком того, что люди находятся в ссоре с Богом, причем это тот самый конфликт, который оставил свои шрамы на Израиле. Никакой другой народ не входил в столь глубокие, интенсивные и противоречивые отношения с Богом, как Израиль».].

Бог готов выяснить отношения с теми, кто вслух изливает свои жалобы: с Иовом, Иеремией и Ионой. Он вступает в продолжительный спор с Авраамом и Моисеем и иногда уступает им победу. Сражаясь с Иаковом, Бог тянет до рассвета, прежде чем нанести рану. До того момента Иаков держится наравне с ним. Бог совершенно очевидно предпочитает честный спор подлому подчинению. Он воспринимает людей всерьез, ведет с ними разговор, включает их в Свой замысел и прислушивается к ним.

Самая поразительная весть Ветхого Завета о Боге – это весть о личностном и вступающем в близкие отношения с людьми Господе. А самая поразительная весть о нас, людях, заключается в том, что Бог придает нам особое значение. Богу важно, что мы говорим, как мы поступаем, что мы думаем и что чувствуем. Эти «мелочи» имеют вселенские последствия.

Людям, живущим в эпоху полетов в космос и воспринимающим землю как крошечный голубовато-зеленый комок, подвешенный в непостижимом пространстве мироздания, трудно поверить, что мы и впрямь имеем какое-то значение. Забавно, но как раз наши величайшие технические достижения, в частности изобретение телескопа, обнаружили нашу ничтожность в масштабах космоса. Эрнст Беккер сказал, что мы носим в груди «тоску по вселенской значимости». С какой стати нам быть главной ценностью мира?

Баскетболист Деннис Родман прекрасно сформулировал общее настроение современников: «Если и есть верховное существо, у него или у нее до хрена дел поважнее, чем мои дурацкие проблемы». Большая часть Ветхого Завета направлена именно на то, чтобы рассеять подобные заблуждения, господствовавшие и среди древних евреев.

«Когда взираю я на небеса Твои, –
дело Твоих перстов,
На луну и звезды,
которые Ты поставил,
То что есть человек,
что Ты помнишь его,
И сын человеческий,
что Ты посещаешь его?»

(Псалом 8:4–5)

В легенде о сотворении мира, которая бытовала в Месопотамии, появление человека выглядит случайностью. Единственное назначение этого низшего существа – служить игрушкой богов и удовлетворять их капризы. Книга Бытия, напротив, называет создание мужчины и женщины кульминацией творения. Люди свободны и способны придавать форму остальному бытию. Согласно Цицерону, «боги заняты великими делами, малым они пренебрегают». Ветхий Завет яростно возражает: Господь «радуется народу Своему». Псалом 8, начинающийся словами удивления тем, как Господь печется о людях, продолжается так:

«Не много Ты умалил его перед ангелами;
Страница 13

Библия, которую читал Иисус filosoff.org
Славою и честию увенчал его;
Поставил его владыкою над делами рук Твоих;
Все положил под ноги его»

(Псалом 8:6-7)

Давид и другие авторы псалмов изумлялись, представляя себе «высоко вверху» Бога, Который тем не менее проявляет интерес к тому, что свершается на нашей небольшой планете. Однако Бог вновь и вновь неопровергимо доказывал им, что дела людей интересуют и заботят Его. Весть о том, что наши поступки имеют важное значение, пронизывает весь Ветхий Завет. Наша жизнь глубоко волнует Бога. Об этом говорит стих пророка Софонии:

«Господь Бог твой среди тебя:
Он силен спасти тебя;
возвеселится о тебе радостью,
будет милостив по любви Своей,
будет торжествовать о тебе с ликованием»

(София 3:17).

Ныне ученые и даже агностики нехотя признают «антропический» принцип вселенной, ибо наш мир настолько хорошо обустроен, что трудно отрицать его особое предназначение – обеспечить жизнь человека. Ветхий Завет однако демонстрирует нам действие гораздо более сильного принципа: Господь выворачивает наизнанку все прежние религиозные представления, согласно которым боги – это сверхъестественные существа, оказывающие влияние на земную жизнь. Божество плачет – на земле идет дождь. Божество сердится – и обрушивается на людей молнии. Ветхий Завет показывает нам (яснее всего в книге Иова), что верно обратное: женщина взывает в отчаянии – и Бог посыпает ей пророка. Старики, лишившиеся всего, чем дорожил, отказывается проклинать Бога – и его стойкость меняет ход событий во всей вселенной.

Можно сказать, что древние евреи изобрели понятие «история» – история перестала быть вечно воспроизводимым циклом, поскольку поступки людей на земле приобрели значение и из них начала складываться история. Господь, правящий историей мира, позволил людям влиять на Него, как Сам Он влияет на них. Философ Гленн Тиндер проводит разграничение между роком и судьбой. Евреи дали нам всем представление о судьбе: мы перестали жить среди бессмысленного мира, перестали быть игрушками, тешащими прихоть божества, и сделались исполнителями полной значения судьбы, которую назначает нам личностный Бог.

Различие между Израилем и его соседями можно обнаружить, посетив археологический музей. В Египте или Сирии изображали богов: Осириса, Аstartу, Лил. Древний иудей не мог бы предъявить таких идолов, потому что ему раз и навсегда было воспрещено изготавливать изображения богов. Вместо этого евреи из поколения в поколение передавали историю Израиля, историю отношений с Богом: наш Бог призвал Авраама, призвал Моисея, вывел нас из Египта. «Бог – словно автор романа, – говорит Джек Майлс. – Он может поведать нам Свой сюжет только через посредство Своих персонажей».

Помимо всего прочего я полюбил Ветхий Завет и за то, что он дает мне возможность ощутить историю изнутри. По мере того как я узнавал персонажей, пытавшихся, каждый на свой лад, «найти общий язык с Богом», я обнаруживал в них самого себя. В разные моменты я отождествлял себя с Иовом, Иаковом или Екклесиастом, примерял на себя настроения авторов псалмов. Всматриваясь в жизнь этих героев с Богом, я начинал строить свою.

Вот уже некоторое время я задаю всем вопросы: «Каковы на самом деле отношения с Богом? Как это работает?». Представьте себе, какие разные ответы дали бы на них Авраам, Еnoch, Иеремия, Моисей, Исаия, Иаков, Давид, Иона, Иов. У каждого из них опыт отношений с Богом принципиально отличается

Библия, которую читал Иисус filosoff.org от другого. Я же могу проникнуть в их противоречия и понять их. Жизнь с Богом – индивидуальная и личная проблема, к которой общие формулы мало применимы.

Кэтлин Норрис рассказывает о своей жизни в качестве гостьи в бенедиктинском монастыре, обитатели которого ежедневно пели по несколько псалмов, перепевая за месяц весь Псалтирь целиком. Сперва ее озадачивало и даже смущало множество противоборствующих настроений в псалмах: одни из них выражали благочестивое приятие всего, в то время как другие кричали об отсутствии Бога или обмане с Его стороны. Однако позднее, когда Кэтлин Норрис ближе познакомилась с монахами и их гостями, которые также участвовали в исполнении псалмов, она поняла, что каждый псалом всегда соответствовал мироощущению хотя бы одного из присутствовавших на службе. Любой псалом отражал какой-то аспект жизни с Богом, и человек, имеющий глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, мог воспринять нужное ему сообщение.

Современное христианство, ограничившее себя новозаветными посланиями, на мой взгляд, проходит мимо этой истины. Я воспитывался в лоне евангельской церкви и представление о христианской жизни получил исключительно из посланий Павла, которого, боюсь, едва ли можно назвать «типовым» христианином. Павел прошел через необыкновенное обращение. Он был свидетелем и участником многих чудес и сверхъестественного вмешательства в ход событий и – если не считать замечательную главу 7 Послания к Римлянам – в целом не испытывал особых трудностей, осуществляя возвышенный идеал христианской жизни. Как только Павлу удавалось постичь что-то умом, его эмоции тут же принимали соответствующее направление. Я убедился, что подражать Павлу (хоть апостол и призывает нас к этому) ничуть не легче, чем Иисусу.

В Ветхом Завете я обнаружил огромное разнообразие человеческих отношений с Богом, составивших необходимое дополнение к примеру Павла. Так, в псалмах я увидел ошибки и заблуждения, растерянность, отчаяние, гнев и страдание, о которых в моей церкви никогда даже не заговаривали. Мы же спешили перейти на более «высокий» уровень духовного торжества. Я с изумлением обнаружил, что Новый Завет – и в особенности Сам Иисус – цитирует чаще всего именно «проблемные» псалмы.

Я долго бился с недостижимыми идеалами Нагорной проповеди и чересчур уверенным тоном посланий – так-де указывает нам Господь. В Притчах и в книге Екклесиаста я наткнулся на совершенно иной подход. Они отстаивают умеренные требования «золотого правила»: зарабатывай деньги, но не переусердствуй; веселись, но не впадай в гедонизм. Эти принципы родители всегда применяли, воспитывая детей. Не могу представить себе, как бы мы растили трехлетнего малыша согласно принципам Нагорной проповеди.

Я не собираюсь разделять Ветхий и Новый Заветы. Напротив, было бы ошибкой читать Ветхий Завет лишь с целью противопоставить его Новому или расширить с его помощью наше понимание Нового Завета. Ветхий Завет сам представляет немалую ценность. Это отнюдь не «послание, адресованное кому-то другому», как предположил некий богослов. Это послание адресовано и нам тоже. Люди, действующие в этой книге, – реальные люди, учившиеся строить отношения с Тем Самым Богом, Которого и я почитаю. Я должен учиться на их опыте, стараясь при этом принять и потрясающую новую весть, принесенную нам Иисусом и раскрытую Павлом и другими учениками Христа.

Духовное путешествие

Пока я писал эту главу, произошло печальное событие – умер мой тесть. Хантеру Норвуду было 80 лет. Он прожил долгую и полноценную жизнь. В 1942 году он отправился миссионером в Южную Америку, своими руками построил дом в джунглях, основал церковь и библейский институт, а позднее вернулся в США, чтобы возглавить миссионерскую организацию. Помимо прочего он и его жена вырастили шесть замечательных дочерей. Одна из них стала моей женой.

Хантер был в первую очередь учителем и толкователем Библии. Даже выйдя в отставку, он находил возможность преподавать Библию: вел факультатив для библейского института Моуди. Каждое воскресенье он сорок пять минут обсуждал с учениками Библию в школе при пресвитерианской церкви. Когда

Библия, которую читал Иисус filosoff.org здоровье начало ему изменять, Хантер продолжал являться в класс – уже в инвалидном кресле – и читал лекции шепотом с помощью микрофона. Несколько лет назад я привлек его к редактированию «Библии для студентов», поскольку он лучше всех моих знакомых мог справиться с исследованиями в этой области.

Рак и заболевание нервной системы лишили Хантера Норвуда возможности преподавать Библию. Но он продолжал благоговейно изучать эту книгу каждый день и молиться за множество людей, которых он учил все эти годы. Норвуд всем сердцем верил в торжество христианской жизни. Его любимой книгой, путеводителем в отношениях с Богом было Послание к Римлянам. Однако болезнь развивалась дальше. Норвуду поставили катетер. Его десны запали настолько, что речь стала невнятной. Посетителям приходилось по нескольку раз просить его повторять сказанное. Руки дрожали, он постоянноронял мелкие предметы. Нелегко сохранить в себе дух торжества и веселья, когда тело перестает повиноваться и приходится звать на помощь всякий раз, когда нужно высморкаться или выпить воды.

В последние два года жизни мир Хантера стремительно съеживался: сначала до размеров одной комнаты, а затем – больничной койки, с которой он уже почти не вставал. Но пока он мог держать ручку, он вел дневник своей борьбы с Богом. Сейчас, когда я пишу эти слова, его записная книжка лежит перед моими глазами. В конце блокнота я нашел семнадцать страниц со списком имен – это люди, за которых он молился: большая, увеличивавшаяся в размере семья (рядом с именем моей жены стоит и мое имя), индейцы Южной Америки, ученики, прошедшие через его библейские классы, миссионеры, которыми он руководил, прихожане его церкви, вдовы, соседи. На этих страницах много пятен – следы кофе, пищи, слез.

Начав листать блокнот с другого конца, я натыкаюсь на записи, отражающие отношения Норвуда Хантера с Богом. Этот дневник занимает девятнадцать страниц. Я могу проследить течение болезни по почерку, ухудшающемуся с каждой строкой. Главным образом Норвуд цитирует стихи Библии и кратко их комментирует. Изредка он отмечает свое состояние: боль в спине, паралич ног, утрата сил, обезвоживание. Последняя, почти неразборчивая запись сделана седьмого августа, за год до его смерти. В последний год своей жизни Норвуд не мог писать.

Вот что поражает меня в этом дневнике: из сотни записей я нашел только девять, относящихся к Новому Завету. Зато я вижу множество заметок типа:

Псалом 28. Отче, помоги! Я полон печали и страха.

4 Царств 11–14. Как мало сохранивших верность Богу, но Он полон милосердия и сострадания.

Псалом 53:5. Сколь многие убоялись, когда им нечего было бояться.

Псалом 59:4. Приди мне на помощь, призри на немощь мою!

Иов 42:2. Я знаю, Ты можешь все свершить. Ни один Твой замысел не будет разрушен.

Псалом 71:14. Но я – я всегда сохраню надежду.

Псалом 20:1. Пусть Господь ответит тебе, когда ты в печали, пусть Господь защитит тебя.

2 Паралипоменон 28:20. Не бойся, не лишайся мужества – Господь Бог твой с тобой.

Плач Иеремии 3:26. Как хорошо в тиши ждать спасения от Господа!

Псалом 138. Дивно и чудно устроено.

Псалом 27. Господь – моя твердыня; чего мне бояться?

Иов 23:10. Пусть Он испытает меня, и я выйду, как золото.

Псалом 40:17. Попспеши, Господи!

Библия, которую читал Иисус filosoff.org
Иов 36:15. Он говорит с ними в час их скорби.

Иеремия 46:28. Не страшись, Иаков, раб мой, ибо я с тобой, – говорит Господь.

Псалом 115:6. дорога в очах Господних смерть святых Его!

Псалом 120:2. Помощь моя от Господа!

Псалом 9:14. Помилуй меня, Господи, воззри на страдание мое!

Те из нас, кто хорошо знал Норвуда Хантера, понимают, что последние годы его жизни были наиболее тяжкими. Враги его веры побивали его камнями в Колумбии. В Перу он подвергался нападению аллигаторов, удавов и пираний. Он вырастил шестерых дочерей в двух совершенно различных мирах. Но все это не могло сравниться с последним испытанием: целыми днями лежать в постели, чувствуя, как тело полностью выходит из повиновения, и ожидая смерти. Ближе к концу все его силы поглощали простейшие акты дыхания и глотания.

В эти последние годы Хантер прошел через кризис веры, и об этом он тоже говорил со всей откровенностью. Ответы, которые прежде удовлетворяли, теперь уже не устраивали его. Он утратил уверенность – не в Боге, но в самом себе. В нем нарастали тревога, страх, нетерпение. Он плакал оттого, что не владел более своими чувствами и эмоциями. Перед лицом смерти он мечтал о достойном конце – он все время говорил об этом, но вновь и вновь подводил самого себя, разочаровываясь в себе и боялся разочаровать Бога.

Та колеблющаяся, как волна, но прочная, как гранит, вера, которую Хантер находил в Ветхом Завете, поддерживала его, когда изменяло все остальное. Даже в минуты тягчайшего сомнения он обретал утешение, осознавая, что люди, наиболее любимые Богом, были вынуждены сражаться с теми же самыми демонами. Он видел, как крепки руки Господа, обнимающего Своих детей не только во времена процветания и благополучия, но в дни испытания. Я рад, что в эти трудные годы Хантер Норвуд мог опереться на Ветхий Завет.

Глава вторая.

Иов: взгляд в темноте

Достойно ли льва запугивать мышью?

Карл Юнг

Свою трудовую жизнь я начал в качестве журналиста, специализирующегося на описании жизненных историй. Я был двадцатилетним юношей, когда мне пришлось приступить к изучению проблемы страдания. В поисках сенсационных историй я навещал людей, переживших трагическое событие. Подростка, изувеченного медведем, от которого он пытался отбить свою девушку. Отца, прикрывавшего своим телом детей во время урагана. Преступника, всю жизнь пытавшегося отомстить за перенесенное в детстве насилие. Я готовил рассказы об их судьбах для серии «Драма в реальной жизни», публиковавшейся в журнале «Ридерз дайджест».

Каждый человек, с которым я беседовал, говорил мне, что трагедия столкнула его лицом к лицу с Богом. К несчастью, все они весьма неблагожелательно отзывались о церкви: христиане, говорили они, только усугубляли боль. Один за другим доморошенные проповедники являлись к ним в больничную палату с очередной теорией: «Это Бог наказывает вас!» – «Нет, не Бог, это все происки Сатаны!» – «Нет, это Бог, Он испытывает вас, чтобы вы воздали Ему хвалу!» – «Это не Бог и не Сатана, просто вы случайно оказались на пути разъяренной медведицы (урагана, преступника и т.д.)».

Один из героев моих статей сказал мне: «Все эти теории насчет страдания только сбивали меня с толку. Пользы от них не было никакой. Я главным образом хотел получить поддержку, какое-то утешение от Бога и от Божьих людей, а христиане причиняли мне боль, не оставляя никакой надежды».

Библия, которую читал Иисус filosoff.org
Я попытался сам разобраться в этой проблеме и написал книгу «Где Бог, когда я страдаю?» Боль всех людей, с которыми я разговаривал, сделалась моей болью, их вопросы – моими вопросами. Позднее, в ответ на сотни писем, которые ставили новые вопросы о Боге и страдании, я написал нечто вроде продолжения – «Разочарование в Боге». С тех пор я занялся другими темами, но никогда не переставал размышлять над проблемами, преследовавшими меня в первые годы моей работы.

Нельзя умело разрешить проблему боли и забыть о ней. Она вторгается в нашу жизнь вновь и вновь, всякий раз, когда на берег обрушивается торнадо, когда у соседа рождается больной ребенок, когда кто-то из близких узнает, что у него рак, когда какие-то симптомы настораживают меня и побуждают спешить к врачу. Мы рождаемся в крови и слизи со стонами, слезами и болью. Умираем мы точно так же. А между мигом рождения и мигом смерти мы не устаем спрашивать: «Почему?!»

Мне приходилось вновь и вновь обращаться к книге Иова, самому полному в Библии разговору о страдании. По крайней мере так я думал в то время. Если бы десять лет назад вы спросили меня, какова основная тема этой книги, я бы, ни минуты не колеблясь, ответил: «Книги Иова? Все знают, что это самая полная книга страданий и боли во всей Библии».

Я по-прежнему ссылаюсь на книгу Иова всякий раз, когда пишу о страдании. Конечно же, большая часть книги (главы 3–37) посвящена именно этой проблеме. Здесь не происходит никакого действия. Иов, три его друга и долгое время молчавший Елиуй сидят рядом и обсуждают различные теории страдания. Друзья Иова, как те посетители, о которых рассказывали мои собеседники, стараются как-то объяснить «прахи и стрелы яростной судьбы», обрушившейся на Иова. Достигают они примерно того же результата: Иову от их речей становится еще хуже.

Персонажи Ветхого Завета, такие благочестивые люди, как Иов и его друзья, столкнувшись со страданием, испытывали потрясение и искреннее недоумение. Они с полным основанием рассчитывали, что Бог вознаградит их праведность процветанием и здоровьем. Книга Иова – это шаг вперед от «веры–договора», которая пронизывает большую часть Ветхого Завета: поступай хорошо – будешь благословен, поступишь дурно – будешь проклят. Многие ученые полагают, что книга Иова помогла Израилю пережить катастрофы, которые обрушились на народ, и осознать их значение. Великая история одного человека олицетворяла мучительную проблему всего народа: почему на долю «избранного народа» выпадает столько несчастий?

да, книга Иова сосредоточивается на проблеме страдания, но решает ее совершенно неожиданным образом. Она ставит – блестяще, яростно, бескомпромиссно – те вопросы, которые нам самим насущно необходимо разрешить, а затем резко меняет тему и предлагает нам взглянуть на проблему с другой стороны. Как большинство текстов Ветхого Завета, эта книга сперва разочаровывает нас. Она не дает простого ответа, который мы хотели бы услышать. Но затем приносит глубокое, необычное удовлетворение, указывая нам новое направление поиска, внушая новое представление об устройстве мира и даря надежду.

Вечный сюжет

Книга Иова произвела столь сильное впечатление на Жана Кальвина, что из своих 700 проповедей 159 он посвятил ей. С тех времен различные события истории только увеличивали важность проблемы страдания. Для современного человечества значение книги Иова так же огромно. Тема незаслуженного страдания кажется как нельзя более актуальной для столетия, исполненного безумной боли, для века двух мировых войн, двух атомных бомбардировок и превосходящего все прежние эпохи государственного преследования и истребления людей. Старый Иов, горестно оплакивающий ускользающую от него, рушающуюся жизнь, кажется точным портретом современного человека.

Нил Саймон использовал этот сюжет в пьесе «Любимец Бога». Так же поступил и Арчибалд Маклиш («Дж. Б.»), и Роберт Фрост («Маска разума»). Не так давно прозаик Мириэл Спарк перенесла действие книги Иова в современную эпоху («Единственная проблема»). Даже пьеса «Амадей» – это своего рода «Иов наизнанку»: Иов не понимал, каким образом на него, ни в чем не повинного,

Библия, которую читал Иисус filosoff.org мог обрушиться гнев Божий; Сальери столь же искренне недоумевает, каким образом Моцарт, этот гений-недоумок, мог сделаться Божиим любимцем.

Все современные переработки пытаются решить загадку, поставленную изначальным текстом Ветхого Завета. Друзья Иова настаивают на том, что справедливый, любящий, всемогущий Бог должен соблюдать на Земле определенные «правила игры», награждая добродетельных людей и наказывая дурных. Практически каждое утверждение этих многоречивых старцев сводится к одной основной идее: раз Иову пришлось плохо, значит, он согрешил.

Иов, знающий собственную душу, не может найти во всем происходящем никакого смысла. Он ничем не заслужил эти ужасные несчастья. Не можем найти смысл и мы, когда всматриваемся в окружающие нас страдания: уничтожение евреев, голод в Африке, христиане, заключенные в мусульманские тюрьмы. Люди, все еще способные придерживаться удобной точки зрения, которую отстаивали друзья Иова – а таких людей, судя по религиозным передачам, и сейчас немало, – должны были бы задуматься хотя бы над таким фактом: самый христианский континент нынче – это Африка, но Африка-то и голодает. А богаче всего наиболее враждебный христианству ареал – побережье Красного моря. (Когда Роберт Шуллер составлял свою «Библию мыслителя», он нашел в книге Иова лишь четырнадцать стихов, достойных комментария.)

Вопросы, заданные Иовом, не только не померкли с веками – напротив, они становятся все более актуальными. Заголовок романа Спарк «Единственная проблема» – это фраза из дискуссии о том, каким образом добрый Бог допускает страдание. «На самом деле, это единственная проблема, заслуживающая обсуждения», – заявляет главный герой романа. Проблема страдания сделалась навязчивой идеей современности, философским камнем XX века. Но герой этой древней книги Иов формулировал проблему лучше, чем кто-либо после него.

Однако, несмотря на все отклики в современной литературе, несмотря на то что сам я обращаюсь к книге Иова всякий раз, когда пишу о страдании, несмотря на то что этой проблеме посвящены почти все страницы данной книги, я пришел к выводу, что нельзя говорить, будто книга Иова – это разговор о проблеме страдания. Разговор о страдании – это лишь фон, материал, из которого она сделана, но не ее суть.

Никто из нас не говорит, что торт – это яйца, дрожжи и мука. Мы скажем, что кондитер использует эти ингредиенты, чтобы приготовить из них торт. Так и книга Иова не «о страдании». Она включает эту тему, но замысел автора сложнее. Если рассматривать книгу Иова как целое, то она – о вере. Это история человека, прошедшего тяжкое, мучительное испытание. Его реакция, его ответ – обращены не только к тем, кто страдает, но и ко всем живущим на планете Земля.

Главам 3–37 книги Иова, сосредоточенным на проблеме страдания, предшествуют главы 1–2, в которых раскрывается «интрига», определяющая контекст всего дальнейшего повествования. Наше зрение почти всегда ограничивается узким спектром видимого мира, мы понятия не имеем о том, что происходит «за кулисами». Книга Иова ненадолго приподнимает занавес. Подобно слуге Илии, внезапно узревшему «колесницы огненные», мы, читая эту книгу, проникаем взглядом в ту таинственную, сверхъестественную деятельность высших сил, которая обычно скрыта от нашего взгляда.

Может быть, стоило отнести к книге Иова как к детективной пьесе, сюжет которой вращается вокруг тайны: «Кто это сделал?». Мы пришли заранее и присутствовали на пресс-конференции, когда режиссер объяснял свое творение (см. главы 1–2). Мы заранее знаем, как распределены роли в пьесе. Мы понимаем, что личная драма человека на земле связана с космической драмой на небесах. Идет тяжба о вере Иова. Устоит ли Иов в своей вере или отречется от Бога?

Автор книги Иова – великий драматург. Он свел прелюдию к двум главам и быстро перешел к более устраивающей его форме диалога. Занавес опустился, а когда он поднялся вновь, мы увидели на сцене только актеров, запертых внутри пьесы, не ведающих той внешней, всеобъемлющей точки зрения, которая была сообщена нам, зрителям. Мы знаем, «кто это сделал», а герой-детектив не знает. С самого начала Иов, не знакомый с начертанным на небесах сценарием, оказывается в ловушке разыгрывающихся событий. Он истерзан несчастьями, он упорно пытается постичь то, что уже знаем мы. Он скребет

Библия, которую читал Иисус filosoff.org покрытое струпьями тело каким-то черепком и задает пронзительные и беспомощные вопросы: «Почему это случилось со мной? В чем я провинился? Что этим хочет сказать мне Бог?»

Зрители могут несерьезно отнестись к вопросам Иова, ведь нам заведомо известен ответ. В чем Иов провинился? Ни в чем. Сам Бог сказал, что Иов «человек непорочный, справедливый, богобоязненный и удаляющийся от зла» (Иов 2:3). Почему он страдает? Мы заранее знаем, что это не наказание. Напротив, Иов был избран как главное оружие в великом споре на небесах. Бог использует Иова, чтобы доказать Сатане: вера человека может быть подлинной и самоотверженной, она не зависит исключительно от благодеяний Бога. Разумеется, эта космическая борьба порождает свои проблемы, но они отличаются от тех, с которыми приходится сталкиваться большинству людей, когда на них обрушивается внезапное горе.

Позволив нам с самого начала заглянуть за кулисы, автор книги Иова лишает рассказ всех элементов таинственности, создающих напряжение. Остается лишь одна животрепещущая тайна: как отреагирует Иов? Один только вопрос требует ответа, и это вопрос веры. Доказательством гениальности этой книги и причиной, по которой она сохранила свою актуальность как художественное произведение, является то обстоятельство, что мы забываем о содержании первой и второй глав, страдая вместе с Иовом. Он с такой силой и яростью борется с непереносимыми переживаниями, что все его вопросы становятся и нашими.

В своих речах Иов перечисляет все известные ему проявления несправедливости на земле. Некоторые из нас – особенно те, кто хорошо помнит всю историю и ее конец, – могут упустить из виду силу и значение этого вопля страдания. Неожиданно обнаружить в Библии аргументы, которые обычно используют самые сильные и убежденные противники Бога, например, Марк Твен в своих «Письмах с планеты Земля» или Берtrand Рассел в трактате «Почему я не христианин». Но так уж устроен Ветхий Завет. Как сказал Уильям Сафир: «Книга Иова очаровывает равнодушных, удовлетворяет кощунствующих и предлагает хоть какое-то утешение заблуждающимся».

Противоборство

Многие читатели поспешно переходят от сбивающей с толку космической интриги в главах 1–2 к возвышенным рассуждениям друзей Иова, к великой поэме Бога об устройении мира и к немногим – чрезвычайно немногочисленным, если учесть, какое им приписывается значение, – проблескам надежды в речах Иова. Однако мы должны постоянно напоминать себе, что за всеми последующими сценами стоит фон, заданный первыми двумя главами. Режиссер с самого начала объяснил нам природу этого противоборства.

Некоторые комментаторы рассматривают главы 1 и 2 с легким недоумением. Судя по их интонациям, они бы предпочли, чтобы книга Иова начиналась сразу с третьей главы. Вирджиния Вульф писала: «Прошлой ночью я читала книгу Иова – по-моему, Бог потерпел здесь поражение». Пролог показывает, что Бог и Сатана – страницы комментария прямо-таки краснеют от неловкости – заключили пари. Они побились об заклад, причем Бог дал фору противнику. Несчастный Иов должен был пройти через жесточайшие испытания, чтобы два могущественных противника смогли узнать, кто же из них сильнее. В каком-то смысле Иов подвергается старинной проверке, которую некогда при гораздо более благоприятных обстоятельствах не сумел пройти первый человек в Эдеме. Адам и Ева сохранили бы вечное блаженство и жили бы в раю, если бы полностью положились на Бога, Который так мало от них требовал, осыпая их благодеяниями. Иов, попав в ад на земле, должен сохранить веру в Бога, Который требует от него очень многое, подвергнув его несчастьям.

Спор между Богом и Сатаной разгорелся отнюдь не из-за пустяков: упрек Сатаны – Иов-де любит Бога только потому, что Бог «кругом оградил его», – подвергает сомнению репутацию Бога. Получается, что Сам по Себе Бог не заслуживает любви, что люди обращаются к Богу только потому, что они рассчитывают на награду, что они подкуплены Богом. По словам Сатаны, Бог – грязный политик, манипулирующий избирателями, или гангстер, у которого может быть только содержанка, но не преданная жена. Один священник говорил, что люди любят Бога, как крестьянин любит свою корову – за молоко да масло. Реакция Иова, когда все подпорки веры будут убраны, должна

Библия, которую читал Иисус filosoff.org была доказать или опровергнуть обвинение Сатаны. Иов богат. Если Бог лишит его Своего благоволения, он много потеряет. Будет ли он по-прежнему верить в Бога, когда превратится в нищего?

Значит, главная тема книги – честность, справедливость. Иов ведет себя так, словно испытанию подвергается добрая слава Бога. Как мог любящий Бог обойтись с ним столь жестоко? Однако все претензии Иова к Богу оказываются поверхностными по сравнению с тем величайшим вопросом, который сформулирован в первых главах: не справедливость Бога подвергается проверке, а вера Иова. Говоря словами Генделя, Бог желает «любви, не оплаченной страхом». Мы, читатели, заранее знающие сюжет, следим, не появятся ли трещины в добре славе самого Иова, когда он утратит все, что ценил.

История Иова вызывает у нас сочувственный отклик, потому что мы тоже постоянно испытываем Бога именно в связи с проблемой страдания. Настойчиво требуем мы от Бога ответа, и то, как Бог обошелся с Иовом, вызывает у нас неодобрение. Мы вновь и вновь пересказываем эту историю, цитируем Иова, присоединяясь к его протесту. Иов помогает нам выразить самую глубокую и прочувствованную жалобу. «Мы вопием во тьме и не слышим ответа», – говорит Бертран Рассел.

Наше сочувствие переживаниям Иова раскрывает одну важную особенность в отношении современного мира к Богу. Следует подчеркнуть, что в любом нынешнем пересказе этой древней истории Иов оказывается трагическим героем. Эли Визель заходит еще дальше и упрекает Иова за то, что он дал слабину перед Богом. Визель, переживший холокост, не испытывает симпатии к персонажу, готовому безоговорочно предать себя в руки Господа, и предпочитает утверждать, что «правильный» конец книги был потерян и что на самом деле «Иов умер, не унизвившись, он погрузился в свою скорбь, оставаясь человеком цельным, не идущим на компромиссы».

Клайв Льюис в эссе «Бог под судом» точно указал истоки нашего возмущения:

«Некогда человек представлял перед своим Богом (или даже перед богами) как обвиняемый перед судьей. Современный человек поменял эти роли местами – теперь он судья, а Бог сидит на скамье подсудимых. Судья вполне снисходителен; если Бог сумеет разумно и доказательно защититься от обвинения в том, что, будучи Богом, Он допускает войны, бедность и болезни, человек готов Его выслушать. Быть может, суд даже закончится оправданием Бога. Не это важно. Важно, что человек стал судьей, а Бог – обвиняемым».

Хотя книга Иова помогает нам сформулировать вопрос о незаслуженном страдании, ответа на него она не дает по той простой причине, что уже в главах 1–2 ясно показано: как бы ни относился к этому Иов, в книге происходит суд не над Богом, а над самим Иовом. Эта книга не отвечает на вопрос «Что делает Бог, когда я страдаю?» – пролог уже решил этот вопрос и поставил следующий. Главная проблема здесь – вера: что делает Иов? Как примет он испытание?

Чем глубже я изучал книгу Иова, тем яснее понимал, что воспринимаю ее начиная с третьей главы. Мне следовало бы вернуться к первым двум главам и осмыслиТЬ содержание книги в их свете. Лишь в первой и второй главе, я наконец постиг суть сюжета: лучший человек на земле подвергается величайшим несчастьям – и это испытание веры, доведенное до предела.

Обладает ли человек подлинной свободой? Сатана бросает Богу вызов: конечно, разумное существо имеет достаточно свободы, чтобы пасть. Доказательством тому является и сам Сатана, и Адам, и каждый, живший с тех пор на земле. Но обладаем ли мы достаточной свободой для того, чтобы подняться, чтобы верить в Бога, не имея для этого никаких причин, кроме... Или вообще не имея никаких причин? Может ли человек сохранить веру, даже когда Бог кажется ему врагом? Или вера, как и все остальное, – продукт среды, жизненных обстоятельств?

Современный бихевиорист Эдвард Уилсон объясняет добрые дела Матери Терезы тем, что она чувствовала себя в безопасности, полагаясь на Бога и веря в

Библия, которую читал Иисус filosoff.org личное бессмертие. Иными словами, она рассчитывала на определенную награду, и в этом заключалось «эгоистическое» основание ее деятельности. Уилсон, как и другие психологи-еволюционисты, отвергает чистый альтруизм. Мы верим в Бога потому, что надеемся что-то за это получить.

В первых главах книги Иова мы встречаемся с отцом всех бихевиористов – Сатаной. Он утверждает, что любовь Иова к Богу «обусловлена». Отними у него поощрение – и увидишь, как рассыплется эта вера. Иов, сражающийся с завязанными глазами, вслепую, – это рыцарь, вышедший на судебный поединок, которому суждено продолжаться веками и тысячелетиями.

Друзья Иова

После главы 2 Сатана больше не упоминается в тексте. Ему и нет нужды появляться, поскольку друзья Иова достаточно умело отстаивают его точку зрения. Это шедевр драматической иронии: основная часть высокопарного и совершенно ложного богословия, которым наполнена книга, исходит из уст мудрых и набожных стариков, которых в конце концов грозный оклик Бога заставляет замолчать.

Три друга Иова и в меньшей степени Елиуй отстаивают позиции «бихевиористской партии». По их мнению, с учетом здравого смысла и всех разумных соображений следует утверждать, что справедливый Бог будет обращаться с людьми честно. Тех, кто Ему повинуется и сохраняет веру Бог вознаградит; тех, кто грешит, Бог покарает. Что можно на это возразить? Остается сделать еще один вполне логичный шаг и прийти к выводу, что невыносимое страдание Иова свидетельствует о каком-то серьезном, неисповеданном им грехе. Если бы Иов отказался от своего упрямства и покаялся, Господь, несомненно, простил бы его и возместил его потери.

Мы воспринимаем друзей Иова скорее как отрицательных персонажей, ведь Сам Господь в конце книги обличает их. Тем не менее легковесными их аргументы не назовешь – эти люди умело отстаивают свою точку зрения, и их спокойные рассуждения выгодно противостоят несдержаным выкрикам Иова. По-моему, если бы сегодня мы располагали только главами 3–37 книги Иова, мы бы сочли подлинными героями книги этих трех мудрецов. Я говорю об этом потому, что их рассуждения и поныне звучат в христианских церквях.

Чтобы вполне постичь пророческое, выходящее за пределы своего времени значение этой книги, следует оценить аргументы Вилдада, Елифаза и Софара с точки зрения нынешней философии. Быть может, Бог насылает страдание в наказание за грехи? Спросите любого христианина, оказавшегося на больничной койке, доводилось ли ему слышать это рассуждение. Основную теорию друзей Иова – дескать, Бог способствует процветанию хороших людей и портит жизнь дурным – я слышу практически каждый раз, когда включаю религиозную телепрограмму. В этих передачах редко упоминается вера, подобная вере Иова, которая устоит, даже если все пойдет прахом. Сегодня христиане готовы повторять мудрые речи Елифаза, ссылающегося на какое-то таинственное видение в ночи и даже советующего Иову обратиться к Богу с просьбой сотворить чудо (4:12–17; 5:8–10).

Короче говоря, друзья Иова – самонадеянные догматики, взявшись отстаивать неизреченность путей Господних. Они полагаются на свою ученость и здравый смысл и на этом основании судят Иова. Для них все заранее ясно: на какую защиту может рассчитывать Иов, если приходится выбирать между человеком, уверяющим всех в своей правоте, и Богом, в правоте которого никто не усомнится. Джордж Макдональд сравнивает их поведение с позицией фарисеев, для которых уплата десятины и соблюдение предписаний оказались важнее, чем смирение перед Богом. Они не могли сделаться детьми – но Иов, как любой обиженный ребенок, настаивает на своем праве по крайней мере получить какое-то объяснение.

Набожные друзья Иова удивлены и напуганы его возмущением. Подумать только – он вопрошает Бога, он требует, чтобы Всемогущий выслушал его и ответил ему! Тем же снисходительным тоном готовой мудрости говорит с нами сегодня благочестивая наклейка на бампере автомобиля: «Если Бог слишком далеко, кто в этом виноват?»

Иов

Иов находится «внутри» драмы. Он может сосредоточиться только на проблеме страдания. Разумеется, ему ничего не известно об испытании веры, в которое вовлечены высшие силы. Если бы он заранее получил эту секретную информацию, испытание утратило бы всякий смысл. А так Иов чувствует, что Бог предал его.

Иов стоит перед лицом неразрешимой дилеммы. Он не может отвергнуть Бога, лишиться непоколебимой веры в любящего Господа, которая составляла главную ценность его жизни. Однако, чтобы признать свое страдание заслуженным, он также должен совершить насилие над собой, обмануть себя, потому что он знает, что не повинен в преступлении, заслуживающем столь страшного наказания. Друзья Иова рассуждают о битве добра и зла, сам же Иов вовлечен в куда более страшную битву между добром и добротой. Справедливость Бога против невинности Иова – где же и в чем теперь искать смысл?

Подвергаясь словесным атакам своих друзей, Иов колеблется, запутывается в противоречиях, подчас даже соглашается с ними. У него нет подходящих богословских доводов, чтобы спорить с ними. Все, что говорят эти старцы, похоже на истину. И все же он глубоко уверен, что в его конкретном случае эта истина оказалась ложью, потому что он не достоин такой участи. Да, конечно, он грешил, но не настолько, чтобы заслужить подобную кару, лишиться близких, здоровья и всего имущества разом. В конце книги Иов выстраивает формальную юридическую защиту, как обвиняемый перед судом.

Речи Иова выражают глубокое горе, боль, отчаяние и возмущение. Он едва удерживается от нападок на Бога, он яростно восстает против Него, едва не срываясь на кощунство. Первые слова, которые мы слышим из его уст: «Погибни день, в который я родился, и ночь, в которую сказано: «зачался человек!» (3:3).

Вот лишь небольшой перечень высказываний этого «долготерпеливого» святого. Он говорит Богу:

«Доколе же Ты не оставишь, не отойдешь от меня,
доколе не дашь мне проглотить слону мою» (7:19).

«Оставь, отступи от меня, чтобы я немного ободрился,
прежде нежели отойду, – и уже не возвращусь» (10:20–21).

«Но гора, падая, разрушается,
и скала сходит с места своего;
вода стирает камни; разлив ее смывает земную пыль:
так и надежду человека Ты уничтожаешь» (14:18–19).

«Гнев Его терзает и враждует против меня,
скрежещет на меня зубами своими» (16:9).

Библия, которую читал Иисус filosoff.org
«Вот, я кричу: «обида!» и никто не слушает;
вопию, и нет суда» (19:7).

«Я взываю к Тебе, и Ты не внимаешь мне, –
стою, а Ты только смотришь на меня.
Ты сделался жестоким ко мне;
крепкою рукою враждуешь против меня...
Когда я чаял добра, пришло зло;
когда ожидал света, пришла тьма.
Мои внутренности кипят, и не перестают» (30:20–21,26–27).

Иову в его несчастье Бог кажется негодяем, который «губит и непорочного и виновного» (9:22). Этот образ в точности противоположен вести Иисуса о благом Отце, чей свет проливается и на добрых, и на злых. Клайв Льюис, описывая свои переживания после смерти жены, отметил: «Мне не грозит (так я думаю) опасность утратить веру в Бога. Реальная опасность заключается в том, что я начну верить ужасным вещам о Нем. Я не боюсь прийти к выводу: «Так, значит, Бога нет». Я боюсь прийти к выводу: «Так вот Каков Бог на самом деле. И не обманывайся больше». Со свойственной ему неуклюжестью прямолинейностью Льюис вслед за Иовом спрашивает, не является ли Бог «Космическим Садистом»?

Все эти высказывания на грани кощунства не ускользают от внимания друзей Иова. Елифаз возмущенно отвечает: «да ты отложил и страх, и за малость считаешь речь к Богу» (15:4). Он сравнивает Иова с тем нечестивцем, который «простирали против Бога руку свою и противился Вседержителю» (15:25).

Однако история Иова приобретает неожиданный поворот. Как сказал Серен Кьеркегор: «Тайна книги Иова, ее мощь, ее нерв, ее основная идея в том, что Иов вопреки всему оказывается прав».

Последний шанс

Иов изливает свое возмущение перед Богом – и в конце концов торжествует победу. Вот заключительные слова Бога Елифазу: «Горит гнев Мой на тебя и на двух друзей твоих за то, что вы говорили о Мне не так верно, как раб Мой Иов» (42:7). Вспомним гневные и неистовые слова Иова. Почему же Бог предпочел их речам его мудрых друзей? И вообще, выиграл ли Бог Свое «пари» о вере Иова?

Прежде всего Иов не последовал совету своей жены: «Похули Бога, и умри». Он отчаявается в справедливости, благости и любви Бога, в самой своей жизни, но не поворачивается к Богу спиной. В минуты глубочайшего отчаяния Иов обретает проблески надежды и веры.

Иов пытается жить, приняв этот мучительный парадокс. Несмотря на то что происходящее этому противоречит, он пытается по-прежнему верить, что Бог его любит. Друзья Иова рассуждают логически: «Страдание исходит от Бога. Бог справедлив. Стало быть, ты, Иов, виновен». Иов, пересмотрев заново всю свою жизнь и попытавшись представить себе несправедливого Бога, приходит к бессмысленному и противоречивому выводу: «Страдание исходит от Бога. Бог справедлив. Я невиновен». В лучших традициях еврейского народа Иов отстаивает эти три позиции, хотя каждая из них противоречит двум другим.

Иов инстинктивно чувствует, что лучше связать свою судьбу с Богом – даже если в данный момент Бог представляется ему бесконечно далеким или

Библия, которую читал Иисус filosoff.org жестоким, – чем вообще отказаться от всякой надежды. Он сохраняет образ личностной вселенной. Если мир безлик, то каковы наши критерии для различия боли и удовольствия или почему счастливые дни Иова следует предпочесть нынешней трагедии? Иов цепляется за веру в справедливость и в личностного Бога, сколько бы ни громоздилось перед ним доводов, опровергающих эту веру. Он цепляется за нее потому, что любая альтернатива будет гораздо страшнее.

Просьбы, с которыми Иов обращается к Богу, раскрывают очень многое в характере этого человека. Чего бы я попросил на его месте? «Избавь меня от боли, Господи! Сперва возврати мне здоровье, а потом уж обсудим, какой урок я должен извлечь из всех этих несчастий». Иов ведет разговор о другом. Он чувствует, как сгущается отчаяние и вера покидает его, и молит о скорой смерти. Зачем? «Это было бы еще отрадою мне, и я крепился бы в моей беспощадной болезни, ибо я не отвергся изречений Святого» (6:10).

Но смерть не приходит. Иов видит, что его молитвы – бессмысленный вопль, обращенный в пустоту. И тогда он просит о свидетеле или заступнике, который мог бы рассудить его с Богом, «положил бы руку свою на обоих нас». Позднее эта молитва (9:33; 16:19–21), исполнится как пророчество об Иисусе, Посреднике между Богом и человеком. Но сам Иов в ту минуту не получает никакого ответа. Нет у него свидетеля, нет заступника.

Наконец в полном отчаянии Иов отказывается от всех своих требований, кроме одного, которое он будет твердить до конца: он хочет получить объяснения лично от Бога (см. 13:3; 31:35). Он желает прийти в суд и услышать, как Бог будет свидетельствовать в Свою защиту, оправдываясь в том, что кажется вопиющей несправедливостью.

Эта последняя просьба приводит друзей Иова в ярость. Какое право имеет он, жалкий, ничтожный человечишко, вызывать на суд Господа? Как может «человек, который есть червь, и сын человеческий, который есть моль» (25:6), настаивать на своей правоте перед Богом – владыкой вселенной? Марк Твен иронически пожимает плечами: «С тем же успехом я мог бы обратить на себя внимание планеты, швыряя в нее грязью». Но Иов не сдается, до самого конца он будет настаивать на своем праве вопрошать Бога и требовать от Него объяснений. Бог признает его право.

Виктор Франкль, переживший ужасы нацистского концентрационного лагеря, говорит, что страшнее всего отчаяние, вызванное бессмысленным страданием. Опыт Иова подтверждает это. Он требует объяснения случившемуся, он хочет, чтобы в его страдании был смысл, и только Бог может удовлетворить это требование.

Вера Иова проходит испытание: он держится за веру в Бога и доверие к Нему, хотя и лишился всех доводов в пользу этой веры, хотя многое говорит теперь против нее. Его собственное достоинство и человеческая ценность подвергаются сомнению, но Иов отстаивает их до конца. Можно назвать Иова первым протестантом в самом подлинном смысле этого слова. Он опирается на собственную веру, а не на общепринятую догму, и тем самым указывает путь многим другим: апостолу Павлу, когда тот выступал перед синедрионом, Мартину Лютеру, восставшему против авторитета всей Церкви. Иов не позволил догме взять верх над правами личности.

Уильям Сафир так определяет наследие Иова в книге «Первый диссидент»:

«Если книга Иова через пространство в два с половиной тысячелетия продолжает обращаться к людям и что-то значить для мужчин и женщин, считающих себя обычными и респектабельными, то вот в чем суть ее вести. Человеку свойственно блуждать в потемках и совершать ошибки, но будет лучше – праведнее в очах Божьих, – если на свои несчастья человек станет реагировать вопросом и возмущением, а не покорным приятием. Когда человек сталкивается с необъяснимой несправедливостью, достойнее гневаться, чем сохранять спокойствие».

И Сафир высказывает свои впечатления от книги Иова такими словами: «Я начал
Страница 25

Библия, которую читал Иисус filosoff.org путешествие по этой книге, испытывая сомнение в своей вере. Я закончил его, уверовав в свое сомнение».

Бог говорит

Как раз в тот момент, когда Елиуй объясняет, насколько неблагочестивым было со стороны Иова требовать божественного вмешательства, Бог вмешивается в эту историю. Он вторгается в нее, как сокрушительный ураган. Я рисую себе эту сцену как эпизод мультфильма: две крошечные фигурки погружены в страстный спор о том, что угодно Богу и чего Он не станет делать. И тут огромная грозовая туча – Господь собственной персоной – проносится по экрану, сметая их. Бог поразил всех участников этой беседы и Своими словами, и самим фактом Своего появления.

Величественная речь Господа в главах 38–42 книги Иова привлекла внимание многих исследователей, не говоря уж о защитниках окружающей среды, которые ссылаются на нее в доказательство того, что Бог ценит созданный Им мир. Я тоже дивлюсь прекрасным образам природы – страусам, горным баранам, диким ослам и крокодилам. Но удивлению сопутствует менее комфортное чувство полной ошарашенности. Речь Господа особенно удивительна тем, о чем в ней не говорится. В ней так и не заходит речь о страдании. И это просто поразительно, после того как тридцать пять глав подряд только об этом и говорили. Почему Бог не отвечает на вопрос, который терзает несчастного Иова?

Бог выбирает тему, которая возвращает нас к сюжету двух первых глав. Мы вновь видим драму Иова как бы из-за кулис. Иов и его друзья говорили только о страдании, потому что они находились «внутри» трагедии и не могли разглядеть ничего другого. Но Бог с самого начала знал, что главная проблема здесь – не страдание, а вера Иова. Сможет ли человек сохранить веру во всемогущего и невидимого Бога, даже если все вокруг него будет противоречить этой вере?

Бог не посвящает Иова в суть космической борьбы, в которую человек, сам того не осознавая, оказался вовлечен. Если позволить Иову заглянуть за кулисы, будут нарушены условия пари, которое все еще не завершено. Бог также не выражает ни малейшего сочувствия физическому или моральному состоянию Иова. Напротив, Бог гневно обрушивается на Иова, превращая его в обвиняемого:

«Кто сей, омрачающий Провидение
словами без смысла?
Препояшь ныне чресла твои, как муж:
я буду спрашивать тебя, и ты объясняй Мне»
(38:2–3).

Он продолжает Свою мощную речь, не давая Иову и словечка вставить. Одним ударом Бог возвращает человека на скамью подсудимых.

Весть Бога, выраженная рядом великолепных поэтических образов, сводится примерно к следующему: «Иов, покуда ты не сумеешь получше разобраться в устройстве физического мира, не пытайся указывать Мне, как управлять его нравственным механизмом». Описывая чудеса природы, в особенности ее диковины и даже чудищ, Бог намекает на присущие материальному миру ограничения и внутренние законы, в которые Он предпочитает не вмешиваться. Бог упрекает Иова только в одном: в ограниченности его точки зрения. Свое суждение и свой вызов Богу Иов основывал на недостаточном свидетельстве. Мы, «публика», знали об этом с самого начала. Чтобы исправить этот дефект зрения, Бог расширяет спектр видимого мира.

Иов вместо своего жалкого состояния может теперь постичь всю вселенную.

Мне кажется, что, если бы в тот момент Бог зачитал Иову страницу из телефонного справочника, Иов и это бы принял. Все его сомнения отступают перед доказательством силы и славы Бога. «Так, я говорил о том, чего не разумел, о делах чудных для меня, которых я не знал», – признает Иов (42:3). Его покаянное признание и примирение с Богом разрешают наконец спор, начатый в главе 1.

Спор шел о вере Иова. Будет ли человек цепляться за свою веру, если утратит всякие эгоистические причины для этого? «Он проклянет Тебя!» – вот на что поставил Сатана и проиграл. Иов сохранил свою веру.

Произнеся Свою речь, Бог вознаграждает Иова, удваивая его прежнее состояние. Такое решение должно устроить даже друзей Иова с их ущербным представлением о Божьей справедливости. Боль? Но и ее Богу нетрудно исцелить. Еще волов и верблюдов? Пожалуйста. Некоторые люди сосредоточиваются на сообщении о восстановленном благополучии Иова и подчеркивают, что Иов перенес лишь временное испытание, а затем получил воздаяние. Однако в целом пафос этой книги убеждает меня в том, что суть ее – не в награде за веру, а в самой вере. Я говорю об этом с осторожностью, но в глазах Бога и материальное благосостояние Иова, и даже его физическое благополучие означают гораздо меньше, чем решение этой космической проблемы.

Подобно Иову

Благодаря той особой точке зрения, которую предлагают первые две главы, история Иова рассказывает нам отнюдь не только о чрезвычайных испытаниях, выпавших на долю несчастного старика. В начале главы я признался: когда-то мне казалось, будто суть книги Иова сводится к проблеме страдания. Теперь мне известно, что для многих читателей этот сюжет книги становится парадигмой нашей собственной жизни. Повесть о борьбе между высшими силами и об испытании веры превращается в рассказ о страданиях человека.

Иов столкнулся с кризисом веры, и кризис сыграл в его жизни большую роль, чем само страдание. То же самое происходит и с нами. Каждый из нас рано или поздно оказывается в положении Иова. Быть может, нам не придется столкнуться со столь ужасными несчастьями, но любая трагическая случайность, роковая болезнь и даже потеря работы может заставить нас трясти в недоумении головой, вопрошая: «Почему это случилось со мной? За что Бог прогневался на меня? Почему он меня оставил?»

Подчас мы начинаем воспринимать внешние обстоятельства – болезнь, свою некрасивую внешность, бедность, неудачи – как нечто враждебное и просим Бога изменить ситуацию. Будь я покрасивее... побогаче... найди я подходящую работу – и все уладится. Если б мне немного умерить свои плотские желания, я бы смог всей душой поверить в Бога. Но Иов учит нас, что вера нужна именно в тот момент, когда верить вроде бы и невозможно.

Как только испытание коснется нас, мы склонны замыкаться в своей проблеме, сужать поле зрения. Как Иов, мы начинаем обвинять Бога и воспринимать Его Как противника. Иов откровенно спрашивает Бога: «Хорошо ли для Тебя, что ты угнетаешь, что презираешь дело рук Твоих?» (10:3). Заглянув за кулисы в первой главе, мы узнали, что Иов был избран, а не отвергнут. Бог рискнул Своей репутацией, всецело положившись на поведение этого конкретного человека. В тот момент, когда Иов чувствует себя покинутым и оставленным Богом, Бог лично и очень пристально следит за каждым его словом. Людям кажется, что Бог отсутствует, а Он совсем рядом.

Книга Иова убедила меня в том, что Бога гораздо больше интересует наша вера, чем наше благополучие. Это жестокая истина, и мне нелегко писать о ней, нелегко ее принять. Она мало соответствует тому приятному, уютно-домашнему представлению о Боге, которое сложилось у многих христиан. Я бы не пришел к этому выводу, если б книга Иова стояла в Библии особняком. Но вспомните об испытаниях, которым подвергались многие любимцы Бога!

Обращаясь к Иезекиилю, Бог называет Иова в числе трех величайших праведников (см. Иезекиль 14:14). Двое других, Ной и Даниил, подтвердили свою веру: один – посреди всемирного потопа, другой – в окружении львов.

Библия, которую читал Иисус filosoff.org

Авраам подвергался столь же суровому испытанию, как и Иов. Ему было велено собственной рукой принести в жертву сына, рождения которого он дождался всю жизнь. А Давид? Стоит перечитать Псалом 21, чтобы услышать вопль человека, оставленного Богом. Одна строчка во Второзаконии показывает образец отношений Бога с народом избранным: «И помни весь путь, которым вел тебя Господь, Бог твой, по пустыне, вот уже сорок лет, чтобы смириТЬ тебя, чтобы испытать тебя и узнать, что в сердце твоем» (8:2).

Серен Кьеркегор, прошедший через душевые страдания, подобные страданиям Иова, пришел к заключению, что истинная вера, очищенная, как золото, возникает именно из этого парадоксального состояния, из нарушения ожиданий, которые мы связывали с Богом. Ложась в постель, Кьеркегор клал книгу Иова под подушку, как ребенок кладет учебник, чтобы не забыть за ночь выученный с вечера урок. В его глазах Иов и Авраам были истинными рыцарями веры. Пройдя через мучительные испытания и проверку, они достигли того уровня веры и верности, на который невозможно подняться иным путем. «Шип в пятке заставляет меня подскочить выше, чем прыгают люди со здоровыми ногами», – говорит Кьеркегор.

Даже Сын Божий приобрел на земле опыт разлуки с Богом. Как Израиль, Иисус прошел через испытание в пустыне, чтобы узнать, «что было в Его сердце». Позднее, в час гораздо более мучительного испытания, Иисус возопил на кресте (повторяя слова Псалма 21): «Боже мой! Боже мой! для чего Ты оставил Меня?». Как Иов, Он сохранял веру вопреки этому чувству богооставленности – «В руки Твои предаю дух Мой». И для Него тоже, как и для Иова, Отец никогда не был так близок, как в тот момент, когда казалось, что Он отсутствует. Павел утверждает, что в момент крестной смерти Бог был «во Христе... сочетая с Собой мир».

Космическая битва

Почему Бог допускает и даже поощряет такие испытания веры? Неужели для Бога имеет значение, примет Его или отвергнет этот мужчина, эта женщина? Елиуй, последний, наиболее склонный к мистике Утешитель Иова, отвергает саму мысль о том, что Бога могут интересовать дела или чувства Иова:

«Если ты грешишь, что делаешь ты Ему?
и если преступления твои умножаются,
что причиняешь ты Ему?
Если ты праведен, что даешь Ему?
Или что получает Он от руки твоей?
Нечестие твое относится к человеку, как ты,
и праведность твоя к сыну человеческому»
(35:6-8).

Однако первые главы книги Иова открывают нам, что Бог многое поставил на добродетель или бесчестие одного человека. Эта книга только указывает, что многое зависит от веры одного человека, она не поясняет, почему это так. Мне это кажется наиболее важным и долговечным уроком книги Иова.

Как и Иов, мы живем, не ведая о том, что происходит «за кулисами». Книга напоминает нам, что малая история человечества на Земле – а тем более моя личная малая история веры – включена в большую историческую драму вселенной. Мы рядовые великой духовной битвы, охватывающей весь мир. Говоря словами Льюиса, «В мире нет нейтральной полосы: каждый квадратный дюйм, каждая доля секунды – это яблоко раздора между Богом и Сатаной».

Битва за веру навлекла на Иова утрату имущества, родных и здоровья. Нас
Страница 28

Библия, которую читал Иисус filosoff.org могут ожидать иные потери – неудачи в работе, распавшийся брак, непривлекательная внешность, причиняющая трудности сексуальная ориентация. Быть может, наши испытания вовсе и не являются продолжением борьбы, происходящей на космическом уровне. В любом случае эта книга призывает нас хранить твердую, трудную веру. Хранить ее вопреки всем разумным доводам, утверждающим, что поведение одного человека ничего не меняет.

Книга Иова возвещает нам поразительную истину – оказывается, наш выбор в делах веры затрагивает не только нас самих и нашу личную судьбу, но и – как это ни странно – Самого Бога. Елифаз ставит Иова на место: «Разве может человек доставлять пользу Богу?.. Что за удовольствие Вседержителю, что ты праведен?» (22:2-3). Елифазу придется в конце концов подавиться этими словами и с помощью Иова принести жертвы, просить у Бога прощения. Вера Иова помогла Богу одержать великую победу над Сатаной, подвергнувшим сомнению весь опыт отношений человека с Богом.

Ответ Иова означал выбор пути на развилке человеческой истории. На самом деле, столь же многое зависит теперь от нашей реакции. Библия намекает на эту тайну:

- Иисус в главе 10 Евангелия от Луки говорит Своим последователям, возвещающим приближение Царствия Божьего: «Я видел Сатану, спадшего с неба, как молнию» (10:18);
- Послание к Римлянам сообщает о том, что мы на земле можем стать проводниками всеобщего искупления. «Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих» (8:19). Кларенс Джордан в своей версии посланий Павла переводит это место так: «На самом деле, заветная мечта вселенной – узреть хоть на миг подлинных сынов и дочерей Бога»;
- одна фраза в Послании к Ефесянам объясняет: «дабы ныне соделалась известною через Церковь начальствам и властям на небесах многоразличная мудрость Божия» (3:10);
- поразительно утверждение апостола Петра: «даже ангелы желают проникнуть в это» (см. 1 Петра 1:12).

В этих завуалированных намеках повторяется центральная тема книги Иова: наша реакция имеет большое значение. Цепляясь за истончающуюся нить веры, Иов выиграл важную битву в великой войне Бога за искупление земли. Благодать Божья наделила обычных мужчин и женщин правом принять участие в спасении вселенной. Господь призывает нас помочь через послушание и повиновение Ему исправить ту боль, ту несправедливость, о которых вопиет Иов. Можно даже сказать, что Бог присоединяется к жалобам Иова на падший мир, но замысел Бога по искуплению падшего мира опирается на веру тех, кто следует Ему.

Мы в своих личных повседневных сражениях становимся рядовыми этой космической войны. Как сказал Уильям Джеймс («Желание верить»): «Мы воспринимаем земную жизнь как подлинное сражение, как будто во вселенной и впрямь присутствует нечто дикое, непокорное, что мы должны искупить своим послушанием и верностью идеалам».

Я уже говорил, что книга Иова означает выход за пределы той основанной на наградах и наказаниях «веры-договора», которую принял Израиль. Новый Завет делает следующий шаг, его авторы принимают страдание как нечто само собой разумеющееся. «Потому что и Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его» (1 Петра 2:21). Одиннадцать учеников Иисуса приняли мученическую смерть – это не очень похоже на «хэппи энд» книги Иова. Очевидно, что-то изменилось в самом представлении людей о страдании, и это изменение вызвано крестной смертью Иисуса.

Другие стихи Нового Завета также говорят об этой тайне, но при этом в них используются такие выражения, которые я не решусь истолковать. Павел говорит о «разделении страданий Христа» и о том, что он надеется «восполнить во плоти своей то, чего еще недостает в страданиях Христовых». Эти высказывания предполагают, что страдание может обрести смысл, если мы будем рассматривать его как часть креста, который принимаем, следя за Иисусом. Мы становимся соратниками Бога в борьбе за изгнание зла с этой

Библия, которую читал Иисус filosoff.org
планеты, мы помогаем Богу осуществить замысел искупления мира.

В этой жизни нам не дано узнать во всей полноте значение наших поступков. Как показывает книга Иова, многое свершается незримо для нас. Смерть Иисуса свидетельствует о том же: самый обычный случай злоупотребления властью в какой-то отдаленной колонии Римской империи обеспечивает спасение всей вселенной.

Книга Иова отстаивает, доводя до предела, почти до абсурда, мысль о том, что в силу каких-то таинственных причин Бог отвел людям существенную роль в деле спасения загубленной планеты. Когда священник идет в тюрьму за участие в мирной демонстрации против государственной несправедливости, когда социальный работник переезжает в район городских трущоб, чтобы там, с самого низа, начать строительство нормального общества, когда супружеская пара сохраняет свой полный трудностей брак, когда родители с неистребимой надеждой и готовностью простить ждут возвращения бросившего их ребенка, когда сын или дочь заботятся о смертельно больном отце, а не просят врачей прибегнуть к эфтаназии, когда молодой специалист отвергает искушение богатством и успехом – во всех этих испытаниях, больших и малых, мы ощущаем присутствие некоего большего смысла, мы разделяем торжество Искupителя. «Ибо тварь с надеждой ожидает откровения сынов Божиих».

Никто не сумел лучше, чем Иов, выразить боль и несправедливость этого мира. Но за словами горя и отчаяния мерцает таинственная, светлая истина: Иов (а также мы с вами) может посредством послушания присоединиться к борьбе за избавление от этих страданий. Книга Иова изображает драму веры в крайней, экстремальной форме: лучший из живущих на земле людей переносит жесточайшие мучения, не получая от Бога ни слова утешения или ободрения. Иов вопреки всему сохраняет веру в Бога, и это важно не только для него самого, но и для нас, и для Бога. В Своих речах Бог изображает чудеса тварного мира, но очевидно, что из всех чудес творения самым дивным Богу представляется Иов. Вот почему эта книга включена в Библию.

Прошли тысячелетия, но вопросы, поднятые Иовом, не утратили актуальности. Страдая, каждый человек повторяет слова Иова, возмущаясь тем, что Богу до него словно бы и дела нет. Книга Иова подтверждает, что Бог не остается глухим к нашим воплям, что Он по-прежнему правит миром, каким бы нам ни представлялся этот мир в данный момент. Бог не ответил на все вопросы Иова, но само присутствие Бога рассеяло его сомнения. Иов убедился в том, что Бог печется о нем, и в том, что Бог правит миром. Именно в этой уверенности он нуждался.

Послесловие

Книга Иова и загадка страдания

«Он спасает бедного от беды его и в угнетение открывает ухо его»

(Иов 36:15).

Как я уже говорил, книга Иова ставит больше вопросов о страдании, чем дает ответов. Хотя конец книги с драматически рассчитанным выходом на сцену Самого Господа Бога кажется как нельзя более подходящим для все объясняющего монолога, Бог уклоняется от ответа. Более того, Бог пренебрежительно отвергает столь здравые с виду теории об источнике и происхождении страданий, предложенные друзьями Иова.

Итак, книга Иова, эта поразительная повесть об ужасных несчастьях, обрушившихся на очень хорошего человека, не содержит сколько-нибудь последовательной теории, объясняющей, почему страдают хорошие люди. Тем не менее книга позволяет как бы «в щелочку» заглянуть и проникнуть в проблему боли. Сам я, изучая этот текст, пришел к некоторым выводам. Это не ответ на проблему страдания (от этого ответа уклонился Сам Господь), однако есть в ней принципы, которые противостоят многим заблуждениям, столь же распространенным в наши дни, как и во времена Иова.

1. Главы 1 и 2 поясняют, что Бог не был непосредственной причиной страданий Иова. Это тонкое, но важное разграничение: Бог допустил эти страдания, но

Библия, которую читал Иисус filosoff.org
непосредственно навлекает их на праведника Сатана.

2. Книга Иова ни разу даже не предполагает, что Богу недостает благой силы. Некоторые люди (в том числе Рабби Кушнер, автор бестселлера «Когда с хорошими людьми случается что-то плохое») считают, что у слабого Господа не хватает власти, чтобы предотвратить людские страдания. Есть и вариант действий: Бог правит миром как бы на расстоянии, не вмешиваясь в конкретные события. Книга Иова, напротив, не ставит под сомнение могущество Бога. Она обращается только к Его справедливости. В заключительной речи Бог демонстрирует диковинные образы только затем, чтобы подчеркнуть Свое всемогущество.

3. Книга Иова решительно отвергает теорию, согласно которой страдание всегда оказывается результатом греха. Библия поддерживает общий принцип «Что посеешь, то и пожнешь», распространяя его и на земную жизнь. Но человек не имеет права применять этот общий принцип к частному случаю, а тем более к другому человеку. Друзья Иова очень убедительно доказывают, что Иов как-то заслужил столь ужасную кару, однако Бог, произнося окончательный вердикт, объявил им: «Вы говорили о Мне не так верно, как раб Мой Иов» (42:7). Позднее Иисус также будет опровергать мнение, будто страдание непременно подразумевает грех (см. Иоанна 9:1-5 и Луки 13:1-5).

4. В отсутствие сформировавшейся веры в загробную жизнь друзья Иова должно предполагали, будто справедливость Бога – награда или наказание человека – должна непременно проявиться уже в этой жизни. Другие разделы Библии учат, что справедливость будет во всей полноте осуществлена Богом только после смерти человека.

Радости, которыми наслаждается Иов в старости, – это лишь предвестие грядущего. В главе 42 есть одна важная подробность: имущество Иова было не только восстановлено, но и удвоено: вместо 7000 овец, 3000 верблюдов, 500 пар быков и 500 ослов у него стало 14 000 овец, 6000 верблюдов, 1000 пар быков и 1000 ослов, однако – и это существенно – прежняя семья Иова не удвоилась. Он был отцом семи сыновей и трех дочерей, и теперь у него родилось семеро новых сыновей и три дочери, а не четырнадцать сыновей и шесть дочерей. Даже в этой книге Ветхого Завета, где представление о загробной жизни остается очень смутным (если оно вообще есть), мы видим ясный намек на то, что однажды Иов вновь увидит утраченных им детей. Десять детей, которых он столь трагически потерял, будут возвращены ему и воссоединятся с ним в вечной славе искупленного и воскрешенного мира.

5. Бог не осуждает сомнение и отчаяние Иова, Он осуждает лишь его неведение. Выражение «терпеливый Иов» едва ли соответствует тому потоку жалоб и обвинений, который изливается из уст этого страдальца. Иов вовсе не желал с кротостью и покорностью принимать несчастье. Его резкие высказывания не на шутку встревожили друзей, но не Бога. Итак, может ли взрыв эмоций, вызванный горем или болью, каким-то образом оскорбить Бога? Согласно этой книге, нет. Высочайшая ирония – Бог приказывает друзьям Иова просить прощения через посредство Иова, к которому они отнеслись со столь ханжеским снисхождением.

6. Никто не располагает всей полнотой знания о страдании. Иов считал, что сам он праведен, а Бог несправедлив. Его друзья отстаивали противоположную точку зрения: Бог прав, и Иов наказан по заслугам. В итоге обе стороны узнали, что они судили о ситуации со своей ограниченной точки зрения, не ведая о той борьбе, которая происходила на небесах.

7. Бог никогда не оставляет нас насовсем, Он никогда не молчит. Елиуй убедительно говорит об этом, напоминая Иову о снах и видениях, о прежних благословениях и даже о каждодневно наблюдаемых проявлениях Бога в природе (глава 33). Бог также указывает на природу, как на свидетельство Своей мудрости и силы. Даже если нам кажется, что Бог молчит, мы все же сумеем подметить какой-нибудь Его знак. Писатель Джозеф Бейли так сформулировал эту истину: «Помните в темноте то, что вы узнали, пока было светло».

8. Советы страдальцам, несмотря на все благие намерения, могут подчас причинить больше вреда, чем пользы. Поведение друзей Иова – классический пример того, как гордыня и уверенность в собственной правоте могут заглушить чувство сострадания. Друзья Иова твердят благочестивые формулы и обсуждают богословские вопросы, настаивая на собственном ложном представлении о природе страдания (и это представление широко

Библия, которую читал Иисус filosoff.org распространено до сих пор). Иов отвечает: «О, если бы вы только молчали! это было бы вменено вам в мудрость» (13:5). Оказалось, что самое благое, самое мудрое, что друзья сделали для Иова, они сделали в самом начале, когда разодрали одежды свои и молча сидели с ним рядом.

9. Бог смешает точку зрения с причиной страданий Иова на его ответ. Поразительно, но Бог так и не высказывает Своей теории страдания и не сообщает Иову о споре, который описан в главах 1–2. Главной проблемой, главным сюжетом книги становится вера Иова. Сможет ли он сохранить доверие к Богу, даже если все пойдет прахом? Мы инстинктивно задаем вопросы «Почему? За что?» Но Бога гораздо больше интересует «Зачем? С каким итогом?» Раз уж страдание возникло, то, как бы это ни было ужасно, нужно понять, какое благо из него можно извлечь.

10. Согласно Божьему замыслу, страдание может быть искуплено или может послужить высшему благу. В случае с Иовом временные мучения этого человека помогли Богу одержать важную космическую победу. Оглядываясь назад, мы даже увидим, какое «преимущество» Иов получил, сохранив веру в Бога. Но это мы способны постичь, только оглядываясь назад. Незаслуженные страдания праведника стали «предвосхищением» Иисуса Христа, прожившего совершенную жизнь, но так же принявшего страдание и смерть во имя великой победы.

Глава третья.

Второзаконие: сладость и горечь

В жизни есть две трагедии. Первая – когда желания не исполняются. Вторая – когда они исполняются.

Джордж Бернард Шоу

После краха коммунизма в 1989 году маленькие государства Восточной Европы и Центральной Азии внезапно вышли из-под огромной тени Советского Союза. Больше никто не распоряжался ими, никто не навязывал им свою политику. Отныне они могли сами решать, какой герб рисовать на флаге, как организовывать армию, как вести международные переговоры и улаживать пограничные конфликты, – словом, отныне они должны были сами править собой. Успех или провал каждого из этих народов зависел от того, какой вождь становился во главе страны.

Народ Чехословакии избрал Вацлава Гавела, драматурга, проведшего несколько лет в тюрьме в качестве политического заключенного. Хотя у Гавела не было опыта в политике, да и особого интереса к ней, он принял на себя огромную ответственность за создание новой, свободной страны. Чтобы не утратить связь с народом, он каждую неделю появлялся на телевидении и отвечал на вопросы в прямом эфире, объяснял, как будет работать новое правительство, представлял бюджет, обсуждал новые, не всегда последовательные законы, говорил о морали и ответственности. То проповедник, то народный вожак, то историк, то преподаватель, этот интеллигент и автор пьес вопреки всякой вероятности стал звездой телеэкрана. Его шоу пользовались наибольшей популярностью в стране. Благодаря личному обаянию и искусству красноречия Гавел провел чешский народ через болезненный разрыв со Словакией и подготовил своих сограждан к существованию в качестве самостоятельной нации. Он говорил, что чувствовал себя в роли отца, который пытается научить кучку невоспитанных детей «вести себя как взрослые».

Это очень напоминает ту ситуацию, с которой Моисей столкнулся к концу своей жизни. Он не собирался быть вождем народа, до сорока лет он пас овец. Но внезапно Господь призвал его и поручил ему вызволить евреев из-под власти могущественнейшей империи. Моисей справился с этим и продолжал управлять только что вкусившими свободу рабами четыре десятилетия, то поощряя их, то браня. Он руководил ими сорок лет в их незрелости и постепенном возрастании во время скитаний в пустыне. И вот к концу жизни Моисея его племя стоит у пределов Земли обетованной, собираясь превратиться в нацию.

У Моисея остался последний шанс, последняя возможность сохранить историческую память, избавиться от боли и обид, внуить людям надежду и стойкость, которые будут им совершенно необходимы, когда его не станет. Для своего народа Моисей был не только руководителем нового типа, как Вацлав

Библия, которую читал Иисус filosoff.org
Гавел. Он был отцом нации, как Симон Боливар, Нельсон Мандела, Махатма Ганди и Джордж Вашингтон.

«Если бы мы уподобили авторов Библии композиторам, то автора Второзакония можно было бы сравнить с Бахом, с его безусловной и всеобъемлющей верой», – сказал джек Майлс.

Второзаконие завершает «Пятикнижие Моисеево». Это великий итог, первый запечатленный Библией развернутый монолог, это запись последней речи Моисея к сынам Израиля. Сорокалетний пастух-заика, боявшийся власти и помнивший о грозившей ему каре за совершенное в гневе убийство, он стал одним из гигантов мировой истории, одним из тех, чьи дела навеки меняют облик нашей планеты. Второзаконие – рассказ самого Моисея об этом потрясающем преобразовании.

Старик поплотнее натягивает плащ; он дрожит, хотя пустыня пышет жарой. Спутники помогают ему подняться на высокий обломок скалы. Перед ним вплоть до линии горизонта теснятся ряды сынов Израиля. Старик пережидает, пока смолкнут приветственные клики толпы. Взгляд его блуждает от одного лица к другому. Такие молодые, такие невинные. Никто из них ничего не помнит о славе Египта, этой легендарной страны пирамид, дворцов, колесниц. Эти дети пустыни знают лишь ее испытания: скорпионов и гадюк, слепящую жару и ночной холод, песчаную бурю, бесконечные поиски воды.

Никого из старшего поколения, за исключением двоих, уже нет в живых. Моисей вывел народ из Египта, но вскоре убедился: Египет внутри них. Теперь старик смотрит в лицо юным, полным энтузиазма потомкам. Тело народа сохранилось, но все клетки в нем обновились. Юнцы, дети, сущие младенцы. Чего бы он ни отдал за право самому перевести их через реку, на тот берег, в землю, о которой он мечтал все эти сорок лет. Старик вздыхает. Вздох его больше похож на стон. Он знает: этого не будет. Он умрет здесь, быть может, в этот самый день. Скоро дети, рожденные пустыней, останутся одни. Старик собрал их, чтобы проститься.

Толпа, словно пчелиный улей, гудит, распираемая волнением и энтузиазмом. Моисей не видел на лицах людей подобного восторга с тех пор, как родители этих юношей вышли из Египта, нагруженные золотом фараона. Как быстро улыбки уявили на тех лицах. Кто знает, как долго сохранятся они на лицах этих молодых людей? дети слушали рассказы своих отцов, которые ворчали, жаловались и восставали против него. Сегодня последняя возможность выправить предание, опровергнуть обвинения, сообщить истинную историю не только этим юнцам, но и всем, кто придет на свет вслед за ними, всему их потомству.

Глаза Моисея, затянутые катарктой, цветом напоминают скипшее молоко. За восемьдесят лет жизни в пустыне глубокие морщины прорезали его лицо. Он почти утратил слух, голоса множества людей сливаются в единый, раздражающий гул. Иисус и Халев, его верные помощники, угомонили толпу и подали старику знак начинать. Они приказали вестникам повторять слова Моисея, выкрикивать их, чтобы каждый смог их разобрать. «Говори помедленней, – советуют они вождю, – не спеши». Но стоит ему заговорить, и голос изменяет ему, возвращается давно преодоленное заикание.

Моисей – самый старый человек, которого когда-либо доводилось видеть этим юным израильтянам, единственный старик среди них. Он почти вдвое старше Иисуса и Халева. Его снежно-белые волосы и развевающаяся борода превращают его в какую-то мифологическую фигуру. С самого рождения этих юношей Моисей присутствовал, руководил их жизнью. Они слушали рассказы о том, как он прошел мимо стражей в покой могущественного фараона, застав врасплох правителя, с которым некогда участвовал в детских играх. Казни египетские, когда-то внушавшие ужас, с годами стали казаться забавными: лягушки, скачущие по кухне, мухи и комары, жалящие солдат, нарывы, заставлявшие египетских волхвов кататься по песку в поисках облегчения. Вот что мог сделать волшебник Моисей!

Родители этой молодежи с тоской вспоминали пальмы и высокие дома, такие высокие, что и солнца за ними не было видно, улицы, запруженные колесницами и повозками с осликами и растянувшимися до горизонта караванами верблюдов. Эти же люди не хранят подобных воспоминаний, у них нет ничего, кроме надежды на новое начало, на создание государства, где они будут господами,

Библия, которую читал Иисус filosoff.org
а не рабами, кроме надежды на страну, не ведающую засухи, изобильную
урожаями, на страну, которую они назовут своей родиной.

Жизнь Моисея выстроена вокруг единой темы: такова воля Господа. Сколько раз
матерь пересказывала ему чудесную историю его спасения в тот страшный год,
когда фараон затеял истребление еврейских младенцев! «Бог спас тебя,
Моисей, – вновь и вновь повторяла она. – Он для чего-то особенного
предназначил тебя», – и она смеялась счастливым и гордым материнским
смехом, вспоминая, что Бог устроил так, чтобы фараон платил ей жалование за
воспитание ее собственного сына, а тот играл во дворце, получал лучшее по
тем временам образование, сидел за столом с правителями империи.

Моисей, знавший о своем происхождении, чувствовал себя человеком без
родины. Египетские князья отпускали грубые шутки в адрес евреев, а Моисей
кусал губы. Его родичи, иудеи, упрекали его за высокомерие и великосветское
произношение, и он вновь закусывал губы. Моисей любил обе свои семьи: и
родную, и приемную. Ему нравились тихие семейные вечера, завершившиеся
пересказом преданий об Аврааме, Исааке и Иакове, и о Боге, Которого они
продолжали чтить, хотя Он словно впал в спячку, а за это время на земле
сменилось вот уже двенадцать поколений. В особенности Моисей любил рассказ
об Иосифе. «Ты станешь вторым Иосифом, – говорила ему мать, целуя на
прощание. – Ты тоже живешь в покоях фараоновых. В тебе Бог уготовил нам
спасение».

Но, с другой стороны, он не мог лишиться удовольствий дворцовой жизни,
учебы в числе отборной молодежи, спортивных состязаний, празднеств,
хорошего вина, общения с теми умашенными и пахнущими благовониями
женщинами, которые обучали его музыке и изящным искусствам. Словно шпион,
он какое-то время балансировал на грани двух миров, не позволяя им
смешиваться друг с другом, а сам наслаждаясь обоими. Но однажды эти миры
столкнулись, и Моисею пришлось выбирать между ними.

Сначала казалось, что он просто совершил естественный и справедливый
поступок. Одетый в богатый наряд египетского принца, с золотой диадемой на
голове и с золотой пряжкой, показывающей его высокое положение, Моисей по
поручению фараона осматривал строительную площадку. Он увидел, как
египтянин – бригадир или десятник – жестоко избивает еврея, его сородича.
Моисей нанес негодяю сильный удар, прикончил его на месте и, зарыв тело в
песок, ушел оттуда как ни в чем не бывало. Однако нашелся свидетель, и этот
поступок недолго оставался тайным.

Именно тогда Моисей окончательно понял, на чьей он стороне. Египтяне дали
евреям презрительную кличку «хапиру» – «пыльные». Если умирал египтянин,
кто-то должен был ответить за это, но если умирал хапиру – никому до этого
не было дела. «Мне есть дело, – решил Моисей. – Пусть они рабы, но они –
мои родственники. Ни с кем из них не дозволено так обращаться».

С точки зрения фараона, это означало, что Моисей перешел на сторону врага,
что он стал мятежником. Ведь это был тот самый фараон, который в свое время
пытался истребить младенцев племени Моисея. Фараон приговорил к смерти
принца-самозванца по имени Моисей.

Спасая свою жизнь, Моисей бежал из Египта и на сорок лет расстался и с
родной, и с приемной семьями. Новая жизнь, существование кочевника
неожиданно оказались ему по душе. Он обзавелся женой, его семья росла,
появились навыки выживания в пустыне. Из осторожности Моисей предпочитал не
рассказывать о своем прошлом, тем более что в земле Мадиамской никого не
интересовали ни евреи, ни египтяне. Мир замкнулся в кругу семейного
благополучия, и в зрелом возрасте, в восемьдесят лет, Моисея интересовали
только его дети, зятья с невестками да овцы.

Но у Бога были другие планы. Пока Моисей заново строил свою жизнь в земле
Мадиамской, вдали от своего племени, Господь внял стонам евреев-рабов. И
внезапно таинственно действующая рука Божья пришла в движение, и
обнаружилось, что в странной и сложной жизни Моисея все было не напрасно.
Теперь Господь располагал нужным ему орудием – евреем, получившим
образование египетского правителя и притом вполне способным выжить в
условиях пустыни. Настало время избавления народа избранного. Оставалось
лишь одно: убедить Моисея... и фараона.

Моисей сразу же подверг замысел Бога серьезным исследованиям. Во-первых, он
Страница 34

Библия, которую читал Иисус filosoff.org сомневался, поверят ли ему. С какой стати евреям слушать человека, воспитанного в стане врага, изгнаниника, который на сорок лет покинул страну? К тому же для убеждения евреев и фараона требуется красноречивый вождь – зачем же Бог избирает заику? «Господи, пошли им кого-нибудь другого», – взмолился Моисей, но несколько резких слов, раздавшихся из горящего куста, сломили его сопротивление. Убедить фараона было труднее.

Так неуверенный в себе пастух стал первым посредником, избранным Богом для общения со Своим народом, первым человеком, о чудесах которого сообщает Библия. И все же страхи Моисея были обоснованными. Стоило рассерженным египтянам удвоить ежедневный объем работы для евреев, и евреи отвернулись от Моисея и его брата Аарона. Неужто дети Израиля поверят, что Господь, молчавший в течение четырехсот лет, внезапно решил осилить фараона с его войском? Пустые мечтания!

Моисей не чувствовал за спиной поддержки собственного народа, когда поднимался по широким каменным ступеням во дворец фараона, золотое убранство которого сверкало в лучах полуденного солнца. Моисей огляделся по сторонам. Амбициозные планы строительства близки к завершению. Вместо убогих построек, запомнившихся ему с детства, теперь высился кремль из белого известняка, слепивший глаза пуще лучей солнца.

Иероглифы, вырезанные на каменной стене, вели свой горделивый рассказ. Первый язык, выученный в детстве, почти забытый за сорок лет, теперь возвращался к Моисею. Он перечел список побед фараона и почувствовал укол в сердце, увидев знакомый символ, которым египтяне обозначали чужака: связанный человек с окровавленной головой. Мадиамская пустыня излечила его от ностальгии по роскоши Египта. Обильные пищества, оргии, нарядное платье, прически, повязки и даже покрой одежды, гласящий о высоком социальном положении, – все это перестало иметь значение. Моисей знал теперь, кто он такой: иностранец, чужак в чуждой ему стране. «Гирсон» («пришелец») – так он называл своего сына. Его народ, евреи – те самые связанные люди, чья кровь льется из пробитой головы, «хапиру», «пыльные», работающие в грязи, покрытые шрамами от бичей египетских надсмотрщиков. Все их надежды, все их будущее в руках Божьих.

«С какой стати мой секретарь допустил ко мне вонючего пастуха?» – подумал фараон, разглядывая, но не узнавая Моисея. Бедно одетый пришелец прошептал слова приветствия, которые должен был повторить за него Аарон, его «переводчик». Однако никто во дворце не разбирал деревенский выговор Аарона. Когда же наконец сам Моисей заговорил вслух, все присутствовавшие вздрогнули от изумления: из уст пастуха полилась безупречная речь египетского аристократа.

Через несколько минут Моисей, бывший некогда египетским принцем, и правящий фараон вместе смеялись, вспоминая детские забавы. Фараон хлопал в ладоши от радости, и его золотые браслеты и ожерелья звенели в такт. К удивлению стражи, он даже позволил этому бедняку обнять себя.

Когда-то эти двое играли вместе. Потом Моисей навлек на себя гнев прежнего фараона, отца нынешнего. Теперь бывший фараон уже упокоился в невероятной роскоши пирамид. «Мы положили в его гробницу столько пищи и вещей, что ему хватит на всю вечность, – похвастался его сын. – Я уже назначил пятьдесят тысяч рабочих для строительства моей собственной пирамиды. Всегда лучше позаботиться заранее».

Моисей мог получить все, чего хотел, то есть все, что понадобилось бы ему самому, а не его народу. «Подумай сам, Моисей. Поставь себя на мое место. Ни один царь не позволил бы такому количеству работников просто взять и уйти. Мне нужно строить города, водопроводы и крепости». Фараон не стал упоминать об этом вслух, но оба они знали, что еврейские рабы задешево делают самую тяжелую и грязную работу. «Возвращайся во дворец, наслаждайся жизнью, – настойчиво приглашал фараон. – Забудь о той истории с надсмотрщиком. Как прежде отец, так теперь я – Египет, я – утренняя и вечерняя звезда. Если я назову день ночью, так оно и будет. Живи со мной и забудь о евреях».

Но Бог не собирался забывать о евреях. «Я увидел страдание народа Моего и услышал его вопль», – сказал Он Моисею из горящего куста. Моисей тоже был не в состоянии оставить свой народ. В прежние времена предложение фараона могло бы соблазнить его, но не теперь. Моисей со стыдом оглядывался на те

Библия, которую читал Иисус filosoff.org дни, когда он называл отцом человека, истребившего еврейских детей. После сорока лет в пустыне он с ужасом и отвращением глядел на рабский труд. И Моисей бросил вызов. Он вызывал на бой целую империю, вызывал ее на космический поединок, в котором примут участие и небеса.

Вскоре Моисей и фараон уже вовсю состязались друг с другом, как в детстве, когда они перетягивали канат и ни один не желал уступить другому. «Не позволю мне указывать! Не допущу, чтобы мне угрожали! – таких интонаций от своего сверстника Моисей прежде не слышал. – Я утренняя и вечерняя звезда. Я фараон!»

Могущественные боги Египта строились великолепными рядами против невидимого Бога евреев. С точки зрения египтян, учение о единственном да еще и невидимом Боге было просто смехотворным. Они почитали множество богов, которых можно было видеть, которым можно было поклоняться в пышно убранных храмах: Гора-сокола, Тота-ибиса, Аписа-священного быка. Каждое божество обладало таинственными качествами, известными только его жрецам. Какой толк от Бога, Которого нельзя ни увидеть, ни изобразить в виде статуи или картины?

Просьба евреев отпустить их на три дня в пустыню для совершения жертвоприношения казалась грубой уловкой для побега. Разве в храме в Карнаке не служат 70 000 священников и их помощников? Если евреям понадобились какие-то священнодействия, почему бы им не обратиться к специалистам?

Однако боги Египта один за другим пали жертвой казней, насланных Богом Моисея: божество реки не смогло воспрепятствовать превращению воды в кровь, священные муhi сделались назойливыми паразитами, солнечный бог Ра скрылся за тучей, священный бык не сумел защитить свое потомство. Последняя, самая страшная казнь унесла первенцев Египта, не пощадив и сына фараона, и правитель признал свое поражение: незримый Бог победил. На следующий же день еврейские рабы, прихватив с собой богатства Египта, удалились прочь. Огромная, неорганизованная толпа следовала за своим вождем Моисеем, принцем Израиля.

Разумеется, сам Моисей не желал принимать этот титул. С того момента как он увидел горевший и несгоравший куст, один урок он усвоил твердо: эта миссия принадлежит Богу, а не ему, Моисей лишь исполнял роль, отведенную ему Богом. Он вбивал этот урок в израильтян каждый год, когда они праздновали Пасху, вспоминая последнюю, страшную ночь в Египте. Свобода настигла их посреди черной ночи. Семьи жались друг к другу за пасхальным столом, их вещи уже были сложены, но мощное войско египтян сторожило безоружных потомков Иакова. Бог избавил их в ту ночь и потом, когда фараон, переменив свое решение, послал боевые колесницы вдогонку за уходящим от него племенем и все израильтяне вопили в жалком страхе, Господь вновь пришел им на помощь. События Исхода стали одним из эпитетов Бога: «Я – Господь, который вывел вас из Египта».

Ту же детскую зависимость от Бога израильтяне испытывали на всем протяжении своего странствия. У них кончилась вода – Бог указал им источник. У них иссякли запасы пищи – Бог даровал им манну. На них напали враги – Бог спас их. Освобождение Израиля было всецело актом Бога, и Ему Одному надлежало воздавать хвалу.

Годы пастушеской жизни научили Моисея терпению, приготовили его к роли вождя народа. В прежние времена он все решал сам. Все три эпизода его юности, о которых мы знаем, были сценами насилия: он убил египтянина, разнял дерущихся соплеменников, разогнал пастухов, обижавших женщин, завоевав при этом любовь своей будущей жены. Но теперь неистовый характер Моисея смягчился.

Лишь однажды неукротимый дух взыграл в нем с прежней силой. Моисей гневно ударил посохом по скале: «Вы хотите пить? Я дам вам воду!» – крикнул он своим спутникам, жаловавшимся на непереносимую жажду. Этот проступок лишил его заветной мечты, надежды самому ступить в Землю обетованную. На один миг Моисей забыл, что все чудеса совершаются Богом, а не им самим. Вот почему теперь он стоял на высоком камне посреди взволнованной толпы – все еще на этом берегу Иордана.

Библия, которую читал Иисус filosoff.org
Надо ободрить их, – шептал он самому себе. – Не забывай, стариk, для них настает великий день. Не лишай их радости. Бога прогневили их родители, а не эта зеленая молодежь. Дай им надежду. Пусть веселятся».

Но как бы он ни сдерживался, гнев прорывался наружу. Он устал, изнемог, а его жизнь все эти последние годы состояла из сплошных разочарований.

«Вы слишком тяжелая ноша для меня одного», – произнес он и сделал паузу, пока глашатаи повторяли его слова.

Да уж, верно, они были для него тяжкой обузой, это блеющее стадо, жалкая кучка неблагодарных слабаков, которых он тащил через пустыню, словно ослик, влажащий в гору тяжело нагруженную тележку. Едва он вывел их из Египта, как они принялись сокрушаться о тамошних сладостях и приправах. О, неблагодарные! Бог дал им манну, а они требовали жаркое. Бог открыл источники в скале, а им подавай реки.

Жестоковынные, подобные тем волам, которых он запрягал в молодости и которые противились его ярму. Нужно дождаться, пока глупое животное расслабится, и только тогда удастся как следует закрепить ярмо на его шее, иначе вол за день работы натрет себе холку, поплатившись за собственное упрямство. А это племя блуждало сорок лет в пустыне, покуда «ярмо» ерзalo взад и вперед на его шее. Переход через пустыню должен был занять одиннадцать дней, только одиннадцать дней, а не всю жизнь.

«Вы не хотели идти, вы восставали против приказов Господа вашего. Вы ворчали, сидя в своих шатрах... Сколько я вас знаю, вы всегда норовили ослушаться Господа».

Потише, стариk. Вспомни – это же дети. Во всем виноваты их родители, а не они. Но Моисей не мог сдержаться. Слишком много желчи накопилось за эти сорок лет, а старших, на которых ему следовало бы обрушить свой гнев, уже не было в живых.

«Из-за вас Господь прогневался и на меня и сказал: «И ты тоже не войдешь в эту землю».

Вот что терзает его. Как же так, зеленая молодежь войдет в землю, текущую молоком и медом, а освободитель народа, тот, кто нес эту тяжкую ношу на своих плечах, кто заступался за них, когда Сам Господь отворачивался от избранного Им народа, останется здесь, по эту сторону границы, умрет здесь. Разве это справедливо? Нет, несправедливо. Несправедливо!

«Я говорил вам, но вы не слушали. Вы восставали против повелений Господа...».

Речь не удается. Моисей видит реакцию толпы: женщины отвлекаются и болтают, мужчины отводят глаза, переминаются с ноги на ногу, дети убежали поиграть. Это его последний шанс, а он того и гляди лишится его. Но разве он не вправе даже выговориться? Разве он и этого не заслужил? Все равно, что они подумают. Они обязаны выслушать его. Когда-нибудь они сумеют понять сказанное. Когда-нибудь они пожалеют, что так обращались с ним.

«Я просил Господа: «Позволь мне перейти на ту сторону и увидеть прекрасную страну за Иорданом, эти сладостные горы и Ливан». Но из-за вас Бог прогневался на меня и не стал меня слушать».

Что понимала эта толпа? Она видела, что стариk опять сердится. Их родители уже упокоились в песках Синая, и вскоре Моисей ляжет рядом с ними. Жалкий конец жизни, отданной на служение. Немного радости получил он от этой жизни, и уж, конечно, израильтяне не облегчили ему задачу – напротив, каждый день они являлись к нему с новыми проблемами. Они сплетничали о нем, не доверяли ему, завидовали. Не было среди них ни одного, кто бы любил Моисея. Да и как можно любить человека, который старше тебя на сорок лет, который предпочел бы пасти овец, а не иметь дело с людьми, который с глазу на глаз беседует с Господом в тишине своего шатра? Его не любили, и Моисей об этом догадывался.

Он произнес длинную речь, даже три речи. И хотя он то и дело отвлекался, чтобы пожаловаться на свою несложившуюся судьбу, он сумел все-таки собраться с силами и передать им главную весть, главное наставление, суть

Библия, которую читал Иисус filosoff.org которого сводилась к одному слову: «Помните!». Тремя речами во Второзаконии Моисей установил ту великую традицию исторической памяти, которой его народ, позднее названный еврейским, оставался верен всегда: «Не забывайте! Никогда не забывайте». Мы никакими силами не сможем изменить прошлое, но мы обязаны чтить его и свидетельствовать о нем, помнить его, чтобы зло не могло повториться.

Казалось бы, столько всего было пережито: столетия рабства, десять казней египетских, чудо на Черном море, победы над племенами пустыни. К чему евреям это упорное, педантическое напоминание? Разве могут они забыть Господа, когда всего лишь одно поколение миновало с момента Исхода? Разве могут они усомниться в таком Боге? Но Моисей знал, что памяти потребуется ежедневное усилие воли.

Берегитесь, не забывайте Господа Бога своего, не нарушайте Его заповедей и законов, о которых я напоминаю вам ныне, иначе, когда вы поедите и будете удовлетворены, когда вы построите красивые дома и поселитесь в них, когда ваши стада возрастут, когда накопится у вас много золота и серебра и богатство ваше умножится, ваши сердца сделаются надменными, и вы забудете Господа Бога вашего, Который вывел вас из Египта, из земли рабства. Он провел вас по огромной и страшной пустыне, по безводной, томимой жаждой земле, кишащей ядовитыми змеями и скорпионами. Он дал вам воду из твердой скалы. Он питал вас манной в пустыне, пищей, неведомой вашим отцам, Он смирял и испытывал вас, чтобы даровать вам награду. Но потом вы скажете: «Это мой ум и мои руки создали для меня богатство». Но помните Господа Бога вашего, ибо это Он дает вам возможность наживать богатство, верный завету, который Он заключил с вашими отцами и который Он хранит поныне.

По-видимому, больше всего Бог боится, как бы о Нем не забыли. В эти десятилетия странствия по пустыне, в повседневной зависимости от Бога израильтяне не имели возможности забыть о Нем. Бог кормил Свой народ, одевал его, вел за Собой, помогал в битвах. В те дни ни один израильтянин не мог усомниться в бытии Бога, ибо Он предшествовал им в столпе облачном и в столпе огненном.

Но скоро Бог откажется от ежедневного попечения. Как только Его народ отведает плодов Земли обетованной, он перестанет получать манну. Отныне им придется возделывать землю и собирать с нее урожай. Они начнут строить города и воевать, они изберут себе царя. Они будут процветать, и сердца их покроются жиром. Они решат, что их войска и колесницы – более надежная защита, чем Господь, они забудут урок, преподанный надменному Египту. Они будут унижать бедняков и чужеземцев, забыв, что сами были рабами и пришельцами. Они забудут Бога.

Запишите на сердце своем заповеди, что даю вам ныне. Внушите их своим детям. Говорите с ними об этом, когда сидите дома и когда идете по дороге, когда встаете и когда ложитесь. Привяжите их, как знак, к ладоням своим, к лбу своему. Начертайте их на косяках дверей и на воротах у входа в ваш дом. Когда Господь приведет вас в землю, которой Он клялся вашим предкам, Аврааму, Исааку и Иакову, в страну больших богатых городов, которые не вы построили, домов, наполненных богатством, которое не вы скопили, страну колодцев, которые не вы выкопали, олив и виноградных лоз, которые не вы насадили, – когда вы отведете всего этого и насытитесь, берегитесь, не забудьте Господа, Который вывел вас из Египта, из земли рабства.

Моисей хорошо знал, что для любого, кто следует Господу, благополучие опаснее, чем неудача. Он сорок лет блуждал по пустыне в наказание за то, что израильтяне не сумели переварить первую же великую удачу – исход. Все тяжкие падения в его жизни происходили тогда, когда Моисей пытался присвоить себе высшую власть – справился с египтянином, высек воду из скалы, – а не тогда, когда он полностью полагался на Бога.

Напротив, величайшую победу он одержал, приняв на себя, можно сказать, пассивную роль. Он не вел свой народ в битву, как полководец, а стоял на соседнем холме, простирая к небесам руки в напряженной молитве. Пока молитва его возносилась к Богу, израильтяне одерживали верх; стоило ему опустить руки, им грозило поражение. К концу дня изнемогающий от усталости

Библия, которую читал Иисус filosoff.org
Моисей уже сидел на этом холме, а помощники поддерживали его руки. В слабости познает человек могущество Бога.

Почему-то разговор об обидах утишает боль. «Были ведь и хорошие времена», – думает Моисей. Он всегда чувствовал, что Бог направляет каждый его шаг, и даже в те минуты, когда казалось, что, кроме Бога, его никто не поддерживает, ему вполне хватало помочь Бога. Когда Корах и с ним многие взбунтовались против Моисея, он мог бы поразить их мечом, как в былые дни, но он предоставил уладить все Господу. Позднее, когда родные брат и сестра обратились против него, высмеивали его африканскую жену, он опять же попросил Господа разобраться в этом – и Господь проучил Аарона и Мирiam на всю жизнь. «Я говорю с ним лицом к лицу! – прогремел Господь. – Как смеете вы браниться со слугой Моим, Моисеем?» Моисею оставалось лишь скромно покраснеть.

Однажды Моисей услышал, что кто-то отзыается о нем, как о самом кротком, самом мягкому на свете человеке. Вот бы удивились его мать и фараон, если бы узнали об этом. Моисей даже рассмеялся. Бог, пожалуй, тоже не согласился бы с этим. «Это я – смиренный? Кроткий? Подумать только!»

За эти годы Моисей испытал нечто столь сладостное, необычное и таинственное, что лишь одно слово может передать это: благодать. Свободный, ничем не заслуженный дар Бога. Моисей узнал, что Бог любит его, несмотря на все его недостатки, любит чистой, постоянной, упорной любовью. Моисей прожил больше ста лет на этой земле и уже не пытался ломать себе голову, гадая, «что нашел» в нем Господь или что нашел Он в этом народе. Моисей принимает благодать и воздает хвалу.

Он отпивает большой глоток воды из козьего бурдюка, смачивает губы, полощет горло.

«Слушайте! И слушайте внимательно. Вот что вы должны помнить и, даже если вы все остальное забудете, не упускайте из памяти это».

Еще одна пауза, еще один глоток воды. Толпа замерла, подметив странную перемену в голосе Моисея. Лицо проповедника сияет блаженством, кажется, от него исходит пламя и свет. Они уже знают, что означает это выражение лица, они видели его, когда Моисей возвращался из священной скинии после общения с Богом.

«Слушайте! Господь избрал вас и возлюбил не потому, что вы более многочисленны, чем другие народы, напротив, вы из самых малочисленных. Но Господь возлюбил вас, Он соблюл клятву, данную вашим отцам, Он вызволил вас могучей дланью и вывел вас из земли рабства, из-под власти фараона, царя Египта. Узнайте же, что Господь ваш есть Бог, Бог верный, Он хранит Свой завет любви с тысячами поколений тех, кто любит Его и соблюдает Его заповеди».

С каждым словом слабый голос старика становится все отчетливей и громче.

«Господу Богу вашему принадлежат небеса и высочайшее из небес, земля и все, что есть на земле. Господь избрал ваших праотцев и полюбил их, и Он предпочел вас, их потомков, всем народам земли.

Господь – слава наша, Господь наш, Который совершил для нас все эти великие и дивные чудеса – вы видели их своими собственными глазами. Когда ваши предки явились в Египет, их насчитывалось всего семьдесят человек, а Господь умножил вас как звезды небесные».

Как звезды небесные – хорошее сравнение. Разве не это обещал Бог Аврааму? И
Страница 39

Библия, которую читал Иисус filosoff.org вот пророчество исполнилось на глазах у Моисея. Иудеи ворчали и восставали, и добились того, что старшее поколение преждевременно легло в могилы. Но вот они перед ним, израильянин, избранный народ Божий, сокровище его у самых пределов Земли обетованной.

Моисей еще раз отпивает из кожаного бурдюка, выжидая, пока толпа хорошенько вслушается в его слова. Теперь они внимают охотнее, ведь речь идет о чем-то приятном. Кому же не захочется узнать, что Бог его любит?

В первый раз, когда Моисей общался с Богом, он не совладал с собой, закрыл лицо в страхе и стыде. Но теперь, после сорока лет подобных бесед, они с Богом сделались, если можно так сказать, друзьями. Он спорил с Богом, даже торговался с Ним. Иногда проигрывал, например, когда ему было запрещено войти в Землю обетованную, иногда выигрывал, как в тот раз, когда Бог едва не отказался от Своего замысла, но Моисею удалось уговорить Его вновь простить Свой народ.

Моисей отвлекся от темы и начал снова напоминать толпе о том дне, о своем звездном часе. Они отошли всего на три дня пути от Египта и уже стали жаловаться на недостаток воды; через месяц они забыли бичи надсмотрщиков и с тоской вспоминали египетские гранаты и фиги, а еще месяц спустя наступил миг, когда Моисей встретился с Богом. Он общался с Богом на священной горе, он получил каменные скрижали, надписанные рукой Самого Бога. Он спустился вниз, возвращаясь к своему народу, и увидел омерзительную сцену. Он спустился к народу, его лицо излучало свет – а люди плясали вокруг золотого тельца, вокруг египетского идола! Это было уже чересчур! Ему следовало отречься от этого неблагодарного народа, он бы так и сделал, но Бог сделал это за него. И внезапно выяснилось, что только Моисей может спасти израильтян от уничтожения – всех, до последнего человека. Бог был настроен решительно. Моисей швырнул наземь каменные скрижали – они раскололись – и сам упал лицом вниз. Он лежал ничком сорок дней и сорок ночей, он искупал постом те дни торжества, которые провел рядом с Господом на священной горе. Он не вкушал хлеба, не пил воды, а евреи дни напролет толпились возле его неподвижного тела, гадая, не умер ли Моисей, не ждет ли смерть и их самих. И они бы умерли, все до единого, если бы Моисей не заступился за них перед Богом.

«Оставь меня, чтобы гнев Мой возгорелся на них и Я бы уничтожил их. Тогда Я произведу из тебя великий народ». Соблазнительное предложение, но Моисей не оставлял Бога в покое. Он заклинал, он плакал, он пускал в ход аргументы, взвывая к милосердию Бога, к Его гордости, к Его добре и славе. Он просил Бога взять его жизнь, но сохранить народ. Он напоминал Богу о тех людях, которых Он прежде любил, – об Аврааме, Исааке и Иакове. Наконец Бог уступил ему. Он даже явился Моисею в зримом облике, позволил увидеть Себя, чего не удостаивался ни один человек на земле. Бог заключил новый завет и обещал привести Свой народ в Землю обетованную.

Хотя Моисей был воспитан среди египтян с их тератоморфными богами, он вернулся к забытой за четыреста лет рабства фундаментальной истине: Бог – это личность. В эти годы «отсутствия Бога» израильтяне начали представлять Его себе (если они вообще о Нем вспоминали) как далекую, непостижимую, недоступную тайну, не соприкасающуюся с тем, что происходит на земле. Моисей напомнил израильтянам, что Бог столь же личностей, как и они сами, и более того: их индивидуальность – лишь слабый отблеск личностности Бога.

Когда Бог составлял список заповедей, любовь заняла в нем первое место как основа Его отношений с человечеством. Бог встречался с Моисеем в шатре и обсуждал с ним текущие дела, как обсуждают их два друга. Он слушал человека, Он спорил с ним. Оказалось, что Бог уязвим; когда народ оскорбляет Его, Он страдает, как отвергнутый влюбленный. Он рассыпает угрозы, но воздерживается от их осуществления. Он вступает в переговоры и подписывает соглашение.

Вот что в особенности отличало израильтян от всех соседних народов: даже высокомерные египтяне жили в страхе перед своими непредсказуемыми богами; жители Ханаана приносили им в жертву детей. Но Бог Израиля пожелал заключить со Своим народом договор, в котором было точно обозначено, чего Он ждет от людей и что Он дает им взамен.

За исключением ортодоксальных иудеев, мало кто интересуется сегодня сводом
Страница 40

Библия, которую читал Иисус filosoff.org предписаний, запечатленных в Исходе, Левите и Второзаконии. Кажется, что эти законы назойливо повторяются и не имеют никакого отношения к современному обществу. Однако Второзаконие совершенно ясно показывает, что они заложили основания небывалых отношений – отношений между внушающим почтение и ужас святым Богом и обычными людьми, слабыми и вечно недовольными.

Моисей понимал: пройдут годы, и люди начнут сомневаться в необходимости тех или иных пунктов этого договора. Он предвосхищает все вопросы.

«В будущем, когда сын твой спросит тебя: «В чем смысл тех предписаний, заповедей и законов, которые Господь наш предписал тебе?», отвечай: «Мы были рабами фараона в Египте, но Господь могучей рукой вывел нас из Египта. На наших глазах Бог творил дивные и страшные знамения и чудеса над фараоном и домом его, и всем Египтом. Но нас Он вывел оттуда, чтобы привести нас в ту землю, которую Он обещал нашим предкам, и даровать нам ее. Господь велел нам соблюдать все эти предписания и бояться Господа Бога нашего, чтобы мы жили и процветали, как оно и есть ныне. И если мы постараемся соблюдать все, что сказано в законе, перед Господом Богом нашим, все, как Он заповедал нам, это вменится нам в праведность».

Итак, Бог дал законы, заботясь о благе самих израильтян. Их благополучие, сама их жизнь зависели от соблюдения условий этого договора. Моисей подробно изложил обязательства, которые берет на Себя Бог: женщины Израиля будут рожать множество детей, урожай на их полях произрастет изобильным, скот станет размножаться. Он добавляет даже поразительное обещание: «Бог сохранит тебя от всякой болезни». Бог выдвигает только одно условие, соблюдая которое, израильтяне смогут получить все эти выгоды. Но, как оказалось, выполнить это условие не так уж просто. От израильтян требуется, чтобы они соблюдали предписания этого завета.

Бог вступает в небывалые отношения с кучкой беглецов, сорок лет скитающихся без толку по Синайской пустыне. Моисей не в состоянии охватить разумом столь великое событие: «Спросите всех от одного края небес до другого. Разве свершалось ранее что-либо столь великое или кто-нибудь слышал, чтобы оно свершалось? Разве какой-нибудь бог выбирал для себя народ из всех народов, как Господь Бог твой выбрал тебя в Египте?»

Позднее народу придется пройти через испытания, подобные испытанию, постигшему Иова, и сам завет подвергнется сомнению. Вера столкнется с чувством богооставленности, с ощущением всеобщей несправедливости. Но сейчас, в этот момент, великий замысел начинает осуществляться. Бог, всевышний Господь, избравший Себе народ, Бог, верный Своим обетам, ведет избранный народ в Землю обетованную.

Голос Моисея слабеет. Он все чаще делает паузы. Совсем мало сил осталось, совсем мало времени. Когда он приступил к этой речи, ему казалось, что смерть помедлит, пока он не закончит. Но теперь ему все равно. Усталость отирает у него остаток жизни. Он сказал все, что хотел, и сказал много лишнего, он сбивался с мысли, повторялся, разражался слезами – и все некстати.

Так что же, будут ли они помнить? Писцы торопятся запечатлеть его слова для потомства, но израильтянам предстоит вскоре столкнуться с врагами, против которых слова почти бессильны.

Погодите, вот хорошая мысль! Там, в Египте, возводят монументы из камня. На колоннах и обелисках, на высоких каменных стенах записывают подвиги фараонов и законы страны. Если преступник говорит, что не знает их, его тащат к камню и указывают на закон, который он нарушил. Может быть, израильтянам стоит поступить так же?

«Сделайте это! – приказывает Моисей. – Когда вы перейдете через Иордан в землю, которую Господь Бог ваш отдает вам, установите большие камни, покройте их известью и напишите на них все слова этого закона. Когда вы перейдете через Иордан, установите эти камни на горе Эбал и напишите на них то, что я говорил вам ныне».

Библия, которую читал Иисус filosoff.org

Начало положено. Что же еще остается? Как внушить этим людям всю важность договора с Господом всемогущим? Вот еще хорошая мысль: Моисей назначает колено левитов провозглашать закон. «Проклят тот человек, который сдвинет межевой камень на соседнем поле!» – кричат они, и народ должен дружно ответить: «Амины!». Теперь они не отговорятся незнанием. Пусть они так подтверждают весь завет, вслух, строка за строкой.

Затем Моисей назначает два «полухория» – они ведут не мелодию, но две противопоставляемые друг другу интонации. За рекой Иордан две горы сходятся, образуя природный амфитеатр. На горе Гаризим шесть колен «оптимистов» будут повторять благословения:

«Поразит перед тобою Господь врагов твоих, восстающих на тебя; одним путем они выступят против тебя, а семью путями побегут от тебя.

Откроет тебе Господь добрую сокровищницу Свою, небо, чтобы оно давало дождь земле твоей во время свое, и чтобы благословлять все дела рук твоих: и будешь давать взаймы многим народам, а сам не будешь брать взаймы. Сделает тебя Господь головою, а не хвостом, и будешь только на высоте, а не будешь внизу, если будешь повиноваться заповедям Господа, Бога твоего, которые заповедую тебе сегодня хранить и исполнять».

И много еще благословений присоединяются к этим: победы, хорошая погода, экономическое процветание, здоровье. Разумеется, подобные обещания дает любой политический лидер, но в данном случае гарантом выступает Господь. Быть может, хоть это произведет впечатление на людей.

Но этот народ нуждается также в предостережении, он особенно нуждается в предостережении. Так пусть он услышит проклятия. Не надо сдерживаться, пусть обрушатся угрозы на эти головы. Не жалей их, Моисей! Надо хорошенъко запугать их, чтобы отвратить от греха.

«Поразит тебя Господь чахлостию, горячкою, лихорадкою, воспалением, засухою, палящим ветром и ржавчиною; и они будут преследовать тебя, доколе не погибнешь. И небеса твои, которые над головою твою, сделаются медью, и земля под тобою железом. Вместо дождя Господь даст земле твоей пыль, и прах с неба будет падать на тебя, доколе не будешь истреблен. Предаст тебя Господь на поражение врагам твоим; одним путем выступишь против них, а семью путями побежишь от них, и будешь рассеян по всем царствам земли. И будут трупы твои пищею всем птицам небесным и зверям, и не будет отгоняющего их. Поразит тебя Господь проказою Египетскою, почечуем, коростою и чесоткою, от которых ты не можешь исцеляться. Поразит тебя Господь сумасшествием, слепотою и оцепенением сердца, и ты будешь ощупью ходить в полдень, как слепой ходит в потьмах, и не будешь иметь успеха в путях твоих, и будут теснить и обижать тебя всякий день, и никто не защитит тебя».

Господи, возможно ли это? Неужели Ты и впрямь можешь предать Свой народ всем этим казням? Но Моисей видит это столь отчетливо, что колени его подгибаются и сердце сбивается с ритма. Возможно ли поверить, чтобы такое произошло с народом, который Бог любит?

«И придут на тебя все проклятия сии, и будут преследовать тебя и постигнут тебя, доколе не будешь истреблен, за то, что ты не слушал гласа Господа, Бога твоего, и не соблюдал заповедей Его и постановлений Его, которые Он заповедал тебе.. За то, что ты не служил Господу, Богу твоему, с веселием и радостью сердца, при изобилии всего, будешь служить врагу твоему, которого нашлет Господь, в голоде, и жажде, и наготе и во всяком недостатке.. И ты

Библия, которую читал Иисус filosoff.org
будешь есть плод чрева твоего, плоть сынов твоих и дочерей твоих, которых Господь, Бог твой, дал тебе, в осаде и в стеснении, в котором стеснит тебя враг твой. Муж, изнеженный и живший между вами в великой роскоши, безжалостным оком будет смотреть на брата своего, на жену недра своего и на остальных детей своих, которые останутся у него, и не даст ни одному из них плоти детей своих, которых он будет есть, потому что у него не останется ничего в осаде и в стеснении, в котором стеснит тебя враг твой во всех жилищах твоих. Женщина, жившая у тебя в неге и роскоши, которая никогда ноги своей не ставила на землю по причине роскоши и изнеженности, будет безжалостным оком смотреть на мужа недра своего, и на сына своего и на дочь свою, и не даст им последа, выходящего из среды ног ее, и детей, которых она родит; потому что она, при недостатке во всем, тайно будет есть их, в осаде и стеснении, в котором стеснит тебя враг в жилищах твоих»
(второзаконие 28:45, 47–48, 53–57).

Моисей видит вражеское нашествие столь отчетливо, словно все происходит перед его глазами. Он видит груды тел, родителей, вырывающих друг у друга плоть своих детей, прекрасных девушек Израиля, иссохших, как старые ведьмы. О, если б зрение покинуло его и он бы избавился от этого кошмара! О, если б израильянне могли оглохнуть и не внимать этим проклятиям. Нет, пусть слушают, пусть слушают! Это единственный способ предотвратить ужас.

«И рассеет тебя Господь по всем народам, от края земли до края земли... И Господь даст тебе там трепещущее сердце, истаевание очей и изнывание души. Жизнь твоя будет висеть перед тобою, и будешь трепетать ночью и днем, и не будешь уверен в жизни твоей. От трепета сердца твоего, которым ты будешь обят, и от того, что ты будешь видеть глазами твоими, утром ты скажешь: «о, если бы пришел вечер!», а вечером скажешь: «о, если бы наступило утро.» И возвратит тебя Господь в Египет на кораблях тем путем, о котором я сказал тебе: «ты более не увидишь его»; и там будете продаваться врагам вашим в рабов и в рабынь, и не будет покупавшего» (28:64–68).

Моисей останавливается, он не может продолжать. Да и что еще говорить? Он едва выговаривает слова, ужас сотрясает его душу. Он ощутил реальность всего сказанного им. Он уже едва шепчет. То, что звучало как угроза, удерживающая народ от греха, стало пророчеством. Моисей внезапно догадался об этом: он описал будущее своего народа, который нарушит завет с Богом – и не один раз, а снова и снова.

И Моисей с неожиданной силой выкрикивает: «Вот, я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло... во свидетели пред вами призываю сегодня небо и землю: жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь... ибо (Господь)... жизнь твоя» (30:15, 19–20).

Измученный, обессиленный, лишившийся голоса старик падает на руки своих спутников. Толпа, замерев, следит, как ее вождя осторожно передают из рук в руки, спуская со скалы на землю.

Более всего Господь желал сохранить Свой завет с Израилем. «О, если б их сердца были склонны бояться Меня и всегда соблюдать Мои заповеди, чтобы было хорошо им и детям их вовеки», – говорил Он Моисею. Но постоянные мятежи, которыми сопровождалось странствие в пустыне, утомили даже Бога. Теперь в голосе Бога появилась интонация обреченности, словно у родителей наркомана, которые понимают, что им не спасти свое дитя от пагубной привычки.

Двух уроков, которые будут столь красочно оформлены, все-таки недостаточно. Моисей изнемогает, но Бог требует от него выполнения еще одной задачи – странной, непривычной для старика. «Напиши песнь, – говорит Господь, – и пусть твой народ запомнит ее как историческое свидетельство. Законы, записанные на камне и известке, благословения и проклятия, выкликаемые с вершины горы – и буква, и звук, – все померкнет, сотрется. Заставь их всех, всех до одного, заучить наизусть Мои слова. Вбей в них эту весть».

Песнь, помещенная в главе 32 второзакония, передает ощущение Самого Бога: боль родителя, оскорбленного до такой степени, что он готов отречься от своего ребенка. Так в момент рождения нации, в час ликования, когда им предстояло перейти реку Иордан, Израиль получил национальный гимн, самый странный гимн, который когда-либо был у народа. В этой песне нет почти ни слова о надежде, в ней звучит обреченность.

В начале этого гимна говорилось о тех благословенных временах, когда Бог нашел Свой народ посреди пустыни и сделал его драгоценным, как зеницу Своего ока. Но дальше песнь повествовала о будущем страшном предательстве, когда народ позабудет Бога, давшего ему жизнь. Люди пели о проклятиях, которые поразят их, об изнурительном голоде, смертоносной чуме и стрелах, скользких от крови. Эта горестная музыка звучала в их сердцах, когда они входили в Землю обетованную.

— Я поднялся на вершину горы, — сказал Мартин Лютер Кинг в своей последней речи, очевидно, намекая на пример Моисея, — Бог позволил мне подняться на эту гору, и я посмотрел вниз и увидел Землю обетованную. Быть может, мне не дано будет войти туда вместе с вами. Но я хочу, чтобы сегодня вы поверили: наш народ войдет в Землю обетованную. Вот почему я так счастлив сегодня... Глаза мои видели грядущую славу Божью.

После этого Кинг вернулся в гостиницу, где его настигла пуля убийцы.

В тот день, когда Моисей сочинил для поучения Израиля эту печальную песнь о будущем, он поднялся на гору Нево и, прищурившись от солнца, поглядел во все стороны — далеко, насколько хватал глаз. Он поднялся на гору, он увидел Землю обетованную. И там, на границе этой земли, Моисей умер.

Второзаконие завершается хвалой Моисею: «И не было более у Израиля пророка такого, как Моисей, которого Господь знал лицем к лицу, по всем знамениям и чудесам, которые послал его Господь сделать в земле Египетской над фараоном и над всеми рабами его и над всей землею его, и по руке сильной и по великим чудесам, которые Моисей совершил пред глазами всего Израиля» (34:10–12).

Моисей был проповедником, историком, воином, пророком, судьей, политическим вождем, священником. Спустя несколько тысячелетий другой еврейский писатель, Элия Визель, так воздавал хвалу Моисею («Вестники Бога»):

«Моисей — самый выдающийся и самый одинокий герой библейской истории. Его великая задача и необычайные события его жизни вызывают у нас изумление, почтение и преклонение. Моисей — это человек, в одиночку изменивший ход истории, его рождение — это поворотный пункт. После него все существенно изменилось.

И неудивительно, что Моисей занимает особое место в еврейской традиции. Его страстное стремление к социальной справедливости, его борьба за национальное освобождение, его триумфы и разочарования, его поэтический гений, его дар полководца и талант организатора, сложные отношения с народом и с Богом, его требования и обещания, проклятия и благословения, взрывы гнева и молчание, его усилия примирить закон и милосердие, власть и достоинство человека непревзойденны. Ни один человек нигде никогда не делал столько для своего народа и в столь разных областях жизни. Его влияние безгранично, звук его ощутим во все времена. Закон носит его имя, Талмуд — лишь комментарий к его книгам, Каббала — лишь попытка постичь его молчание».

После Моисея все изменилось. Один человек представлял целый народ, и на то были свои причины. Усыновленный представителем царского дома, наказанный за необдуманный поступок, приговоренный к сорокалетнему изгнанию, прощенный, лично избранный для исполнения непосильной миссии, постоянно общавшийся с Богом — Моисей в своей личной истории воспроизводил историю Израиля.

Современный читатель, вдохновленный событиями Исхода, почти не обращает внимания на четыре столетия горя, которые предшествовали освобождению, и на те неудачи, которые постигли израильтян в Синайской пустыне, а потом и в Земле обетованной. Именно по этой причине Второзаконие включено в Библию, и

Библия, которую читал Иисус filosoff.org именно по этой причине чересчур оптимистичным американцам не мешало бы почаше перечитывать эту книгу.

Многие пытались брать на себя часть миссии Моисея, но никому не удавалось в точности повторить его весть. Всякого рода благодетели народа – от марксистов до освободителей американских рабов и создателей фаланстеров в Латинской Америке – прибегали к языку Исхода, но им недоставало беспощадного реализма этого пророка. Они тут же переходили к утопическим описаниям Земли обетованной, к посулам, которые никогда не были и никогда не будут осуществлены на этой земле.

О Ханаан, сладостный Ханаан,
Я спешу в землю Ханаанскую.
Я положу свой меч и свой щит у берега реки,
И больше мне не придется воевать.

Нередко из этих утопий вырастают тирании куда более страшные, чем та политическая система, от которой они призывали избавиться. Африканские колонии сбрасывали иго империализма и сталкивались с грозными проблемами племенных войн. Маленькие страны освободились от влияния Советского Союза и развалились на части в результате гражданского раздора. Ветхий Завет должен послужить предостережением: нельзя читать Исход без Второзакония. Будь мы повнимательней, это избавило бы от многих разочарований всех нас, включая политиков и проповедников.

Христианские священники также прибегают к языку Моисея, чтобы описать торжество христианской жизни по ту сторону Иордана.

Я стою на берегу бурного Иордана
И стремлюсь душой
На счастливые земли Ханаана,
Где все мое счастье.

Ни холодный ветер, ни ядовитый туман
Не коснется этих благословенных берегов,
Ни смерть, ни боль, ни скорбь, ни тоска
Не страшны там более.

В этих проповедях Египет превращается в темную страну плотских соблазнов, а пустыня – в тяжкое испытание, которое необходимо пройти, чтобы в итоге попасть в залитую солнцем страну обетованную. Но последние семь глав Второзакония должны были бы навеки рассеять этот сладостный обман: жизнь с Богом оказывается отнюдь не простой и не безмятежной. Она не была спокойной и безопасной для тогдашних израильтян, не будет она такой и для нас сегодня. Путнику предстоит идти и идти вперед, и за каждым поворотом его вновь подстерегает враг.

Моисей – единственный человек, который вполне отдавал себе отчет в том, что значит жизнь с Богом. Этот пророк пророков передавал людям Божью весть, не пытаясь ничего приукрасить. Этот первый из священников ходатайствовал за свой народ перед Богом со страстью, убежденностью и любовью. Он никому не обещал «хэппи-энд», и его собственная жизнь не имела счастливого завершения, но он и не оглядывался с тоской на прошлое. И роскошь Египта, и безмятежное одиночество кочевой жизни не смогли полностью покорить его. Моисей отдал себя своему народу, этой сварливой, требовательной толпе, и они познакомились с Богом, стали близки к Нему, как к лучшему другу, лицом к лицу.

«Щедр и милостив Господь, долготерпелив и многомилостив», – так пел автор Псалма 102, спустя много столетий после Моисея повторяя священную Шма, данную Моисеем народу. Эту молитву и поныне утром и вечером повторяют иудеи во всем мире. Господь подтвердил Свою любовь заветом. Хотя чувство знает приливы и отливы, в конце концов любовь всегда берет верх.

Не до конца гневается,
И не вовек негодует...

Библия, которую читал Иисус filosoff.org
Ибо, как высоко небо над землею,
Так велика милость Господня к боящимся Его.
Как далеко восток от запада,
Так удалил Он от нас беззакония наши.
Как отец милует сынов,
Так милует Господь боящихся Его.
Ибо Он знает состав наш,
Помнит, что мы – перстъ.

Перстъ, прах и пыль. «Хапибу», «пыльные» – так прозвали египтяне своих рабов-евреев. Бог помнит, что мы – пыль. Моисей не оставил сомнений на этот счет: зло неотвратимо и кара неизбежна. Но Бог по Собственной воле прощает нам грехи, ибо помнит о нашей слабости. Бог идет рядом с нами, Бог живет в шатре рядом с нами посреди огромной и страшной пустыни. Бог милости, любящий даже тех, кто из пыли, в особенности тех, кто состоит из пыли.

*

Прекрасные и горестные речи Моисея, запечатленные во Второзаконии, имели два великих поэтических события. Одним стало событие, произошедшее тогда, когда сбылись страшные предсказания Моисея о судьбе его народа. После смерти пророка израильтяне перешли через Иордан, завоевали землю Ханаанскую, построили там города, сделались богатым и процветающим народом и быстро забыли о Боге. Народ раскололся надвое, подвергся вторжению завоевателей, Иерусалим пал после осады, и совершились все те ужасы, о которых говорил Моисей: родители поедали своих детей. Но Господь вновь послал чудесное избавление, чтобы дать Своему народу еще один шанс.

Спустя два поколения мальчик-царь Иосия почувствовал ностальгическое желание восстановить храм и возобновить исполнение древних религиозных обрядов. В то время святой град Божий был позабыт. В его храмах красовались идолы, его жрецы занимались блудом во славу своих богов, солнцепоклонники приносили жертвы изображению коня. В соседней долине родители сжигали первенцев на костре, пытаясь умилостивить Ваала. Священные книги были потеряны, Бог Авраама, Исаака и Иакова, Бог Моисея превратился в пустой звук. Священники, роясь в развалинах, обнаружили «Книгу завета» – по всей видимости, какую-то часть Второзакония.

Главы 22–23 4-й книги Царств передают эту драматическую историю очищения храма и такого обновления, какого, быть может, еще не знала история. Царь плакал, раздирая на себе одежду, и приказал вернуть народ к закону Моисееву. Свою религиозную реформу Иосия завершил тем, что собрал весь народ и приказал праздновать пасху. «Потому что не была совершена такая пасха от дней судей, которые судили Израиля, и во все дни царей Израильских и царей Иудейских» (23:22). Моисей не вошел в Землю обетованную, но его дух жил в ней, возвращая надежду, жизнь, спасение потомкам тех, кого он привел к границам этой страны.

Второе событие описано в Новом Завете. Иисус хорошо знал текст Второзакония. Подвергаясь искушению в пустыне, он трижды цитировал эту книгу в споре с Сатаной. Позднее, в один из самых торжественных моментов Своего служения, Иисус поднялся на гору, чтобы встретиться там с Отцом. Его лицо преобразилось после этого, как преобразилось когда-то лицо Моисея после общения с Богом. «Вид лица Его изменился, и одежда Его сделалась белою, блистающей» (Луки 9:29).

Петр и Иоанн отшатнулись, ослепленные. Голос зазвучал с небес, и внезапно на горе перед учениками предстало два титана израильской истории. Они сразу же узнали Илию, того неистового, творившего многие чудеса пророка, о возвращении которого мечтали все иудеи. И рядом с ним стоял Моисей. Оба дружески беседовали с Иисусом.

Петр настолько развелся, что как-то неуклюже попытался предложить построить кущи на этой горе, чтобы удержать здесь небесных гостей. Иисус, успокоив учеников, повел их обратно, вниз с горы. Чудо придало Ему новые силы и мужество, чтобы встретить ожидавшие Его тяжелые дни.

Этот эпизод содержит одну подробность, о которой часто забывают христиане, но которая должна быть дорога каждому иудею: в этот миг любви и милосердия

Библия, которую читал Иисус filosoff.org
сбылась наконец заветная мечта Моисея. Он стоял на вершине горы посреди
Земли обетованной. И впрямь, Господь помнит «пыльных», помнит их всех – и
первых, и последних.

Глава четвертая.

Псалмы: переизбыток духовности

Если для одних людей псалмы стали источником духовного наставления и утешения, то других они изумляли и озадачивали. Эти древние молитвы преисполнены ярости, страсти и тайны.

Джон Могабгаб

Я должен кое в чем признаться. Годами я избегал книгу Псалмов. Я знал, что для многих христиан псалмы – самая любимая часть Библии. Церковь включила эти стихотворения в свою обрядность, и английский язык полон поэтических выражений, заимствованных из книги Псалмов. По сей день псалмы включают как приложение во многие издания Нового Завета, т.е. они входят в самое ядро нашей веры. И все же, как я ни старался, я не испытывал удовольствия при чтении Псалтыря.

Многие мои знакомые прибегали к этой книге как к своего рода домашней аптечке. Если вы чувствуете депрессию – читайте Псалом 37, если плохо со здоровьем – Псалом 120. У меня так никогда не получалось. Словно по чьему-то злому умыслу, я непременно натыкался на такой стих, который не только не улучшал мое состояние, но и усугублял его. Мартин Марти уверял, что более половины псалмов довольно «угрюмы», и я, берясь за эту книгу в мрачном настроении, непременно попадал на самый что ни на есть угрюмый. «Дней лет наших семьдесят лет, а при большей крепости восемьдесят лет; и самая лучшая пора их – труд и болезнь» (Псалом 89:10).

Однако такое отношение к псалмам меня смущало, и как-то летом я решился на эксперимент. Мне предстояло провести июнь в Брекенбридже, штат Колорадо. Этот город расположен на высоте двух миль в Скалистых горах. Там красиво, как на открытке. Я решил, что я буду каждый день подыматься рано поутру, отъезжать от города на несколько миль в пустынные, не тронутые цивилизацией места и там читать по десять псалмов подряд. Я рассчитывал, что восход солнца в горах и великолепный пейзаж, на фоне которого будут происходить мои размышления, сокрушат наконец ту стену, которая вечно препятствовала мне проникнуть в смысл псалмов.

Каждый день я слышал, как птицы приветствуют восход, и видел, как солнце окрашивает снежные пики сперва в розовый, затем в оранжевый и, наконец, в ослепительно белый цвет. Однажды утром я сидел возле озера и смотрел, как трудится семейство бобров, выстраивая целый каскад плотин. В другой раз прямо передо мной прошелествал олень, чьи рога были украшены десятью отростками. Он склонил голову, чтобы напиться из горного ручья. Как хорошо было бы, если бы этот опыт изменил мое отношение к книге Псалмов! Я сохранил прекрасные воспоминания от этого отпуска, почувствовал новый прилив благоговения. Но чтение Псалтыря скорее разочаровало, нежели вдохновило меня.

В особенности я терялся оттого, что, верный своему решению, я читал десяток псалмов подряд. Все они противоречили друг другу. За песней, исполненной мрачнейшего отчаяния, следовал псалом парящей радости, словно певцы, составлявшие сборник, пародировали диалектический принцип Гегеля. К примеру, в первый день этих упражнений я воспарил духом при чтении Псалма 8:

Когда взираю я на небеса Твои, –
дело Твоих перстов,
на луну и звезды,
которые Ты поставил,
то что есть человек, что Ты помнишь его,
и сын человеческий, что Ты посещаешь его?

Луна, серебряный кружок на фоне голубого неба, висела над горным пиком высотой более четырех километров. Той ночью Млечный Путь казался освещенным шоссе, проложенным через все небо. Посреди величия и великолепия этого горного пейзажа я готов был вместе с автором псалма дивиться привилегированной роли человечества в драме творения.

Следующий псалом подхватил эту тему, он восхвалял вечную власть Бога, Его справедливое правление,

Его милосердие к угнетенным и утверждал, что мы всегда можем положиться на Господа. Но вдруг настроение внезапно переменилось. Я уже приближался к завершению утреннего урока, как вдруг наткнулся на потрясающие слова:

Для чего, Господи, стоишь вдали,
скрываешь Себя во время скорби?

(9:22)

От этого вопля автор псалма переходит к гневному описанию нечестивца и требует, чтобы Бог сокрушил «мышь у нечестивому и злому» (9:36). Чувство благоговения, блаженный покой были грубо нарушены. Помимо прочего, я вычитал в комментарии, что Псалмы 8 и 9 могли первоначально составлять один текст, так что противоположные интонации должны были создавать напряжение внутри самого стихотворения.

И дальше, день за днем, я натыкался на такие же вопиющие противоречия. Вместо того чтобы начать свой день в состоянии мирного и спокойного благочестия, я словно летал на американских горках, то погружаясь в бездны отчаяния, то достигая небес хвалой, – и все это в течение одного часа. В сочетании с разреженным горным воздухом и утренней чашкой крепкого кофе все это доводило меня до легкого головокружения, которое не проходило и в течение дня.

После недели таких духовных упражнений я столкнулся с очередной проблемой. Мне показалось, что тексты начинают утомительно повторяться. С какой стати понадобилось включать в Библию все 150 псалмов? Разве 15 не хватило бы, чтобы передать все основные идеи? Я продолжал ежедневно сражаться с десятью псалмами, но, покидая Брекенридж, я любил эту книгу еще меньше, чем прежде. Эксперимент провалился. Как подобает верному представителю евангельской церкви, я возложил вину за неудачу на себя, а не на святую книгу.

Вернувшись на равнину Иллинойса, я попытался взяться за дело с другого конца и принял систематически изучать эти тексты. Я научился ценить поэтическое мастерство, породившее образный параллелизм иудейских псалмов и акrostих. Я научился классифицировать различные виды псалмов: призывы и жалобы, песнь восхождения, царскую песнь и благодарственную песнь. Я познакомился с различными методами разрешения текстологических и прочих трудностей, связанных с псалмами. Приобретя все эти сведения, я смог прочесть псалмы с большим пониманием, но удовольствия от этого так и не получил. После этого я на многие годы оставил Псалтырь. Я решил так: можно найти псалом любого содержания, более того, можно подобрать дюжину псалмов с одним и тем же содержанием – так стоит ли голову себе морочить?

Читаем через плечо

Теперь я вижу, каким скучным было тогдашнее мое понимание. Я сосредоточился на подробностях, на типах псалмов, на комментариях к ним, на их внутренней логике и поэтической форме и упустил из виду самое главное, а именно, что Псалтырь представляет собой нечто вроде отрывков из дневника души или личных писем к Богу. Я искал очки, через которые я сумел бы прочесть эту книгу, а мне требовалось читать ее «через плечо пишущего», потому что адресатом предполагался не другой человек, а Бог. Даже те псалмы, которые использовались в публичном обряде, представляли собой общую молитву т.е. были обращены в первую очередь к Богу.

Наверное, я бессознательно пытался воспринимать псалмы с точки зрения того
Страница 48

Библия, которую читал Иисус filosoff.org
отношения к Писанию, которое задано апостолом Павлом. Но здесь мы имеем
дело не с апостольским авторитетом и не с гласом свыше, наставляющим нас в
вере и в практике повседневной жизни: это личностные молитвы, написанные в
поэтической форме самыми разными людьми, крестьянами, царями,
профессиональными музыкантами, знатными дилетантами, находившимися в
различных душевных состояниях. Книга Иова и Второзаконие приводят нам два
замечательных случая, когда признанные праведники взывают к Богу в трудный
для них час. Псалмы показывают, как обычные люди пытаются примирить свою
веру в Бога со своим повседневным опытом. Иногда эти авторы кажутся слишком
мстительными, порой они склонны к самооправданию, кто-то из них страдает
манией преследования, а иной чересчур мелочен.

Поймите меня правильно: я отнюдь не думаю, что псалмы обладают меньшей
ценностью, меньшей богоухновенностью, чем послания Павла или Евангелия.
Просто псалмы предлагают нам совершенно иной взгляд на отношения людей с
Богом: здесь не столько Бог открывает Себя людям, сколько люди раскрываются
перед Богом. Псалмы входят в Слово Божье, но входят в него на тех же
основаниях, что и книга Иова или Екклесиаста. Мы воспринимаем речи друзей
Иова, эту четкую запись, отражающую человеческое заблуждение, не так, как
нагорную проповедь. «Псалмы не занимаются богословием, — пишет Кэтлин
Норрис в «Прогулках по монастырю», — и прежде всего потому, что это
поэтические произведения, а задача поэзии — не теоретизировать, а создавать
образы и сюжеты, созвучные нашей жизни».

Поняв эту особенность, я уже по-другому прочел псалмы. Прежде я обращался с
этой книгой, как студент-старшекурсник с учебником: пролистывал поэтический
текст в поисках верных и важных понятий, которые следует подчеркнуть и
аккуратно систематизировать. Псалмы сопротивляются любым попыткам
классификации, и эта книга вполне способна довести до безумия всякого, кто
попытается втиснуть ее в жесткие рамки логики. Теперь я научился подходить
к Псалтырю совершенно иначе.

Приведу пример из своей жизни. Мой отец умер, когда мне едва миновал год. У
меня нет отчетливых воспоминаний о нем, и сохранилось очень мало предметов,
хранящих память о его кратком пребывании на земле. Я берегу несколько
фотографий, на которых он держит упитанного златокудрого младенца (меня),
не слишком искусно вырезанную из дерева статуэтку (он сделал ее еще
мальчиком) и несколько книг из отцовской библиотеки, в том числе Библию в
черном переплете. Даже сейчас я могу отчасти понять отношения моего отца с
Богом, потому что на широких полях этого издания отец вел своего рода
духовный дневник. Он вовсе не думал обо мне, когда делал эти записи, ведь
меня тогда и на свете не было. Однако теперь, спустя многие годы, я
испытываю волнение и живой интерес, и что-то меняется в моих убеждениях,
когда я вникаю в отношения отца с Богом.

Псалмы более «правильны», чем беглые заметки моего отца. Они основаны на
общем для всех контексте, на завете между Богом и Израилем. Авторы находили
выражение своим чувствам в прекрасной, зачастую высокоразвитой и сложной по
форме поэзии. Теперь, когда я читаю эти стихи, я как бы сливаюсь с душой их
автора, как сливаюсь с душой своего отца, оставилшего краткие записи. «Могу
ли я повторить эту молитву? — спрашиваю я себя. — Случалось ли мне
испытывать такую, именно такую скорбь? Пытался ли я воздавать такую хвалу?»
И затем я начинаю представлять ситуации, когда я мог бы повторить, как
молитву, тот псалом, который я читаю в данную минуту. В час искушения или
ликования, затаив недовольство, возмущившись несправедливостью, — при каких
обстоятельствах я готов был бы повторить этот псалом?

Каждая из этих песен по отдельности, вырванная из контекста всей книги,
может привести нас к неправильному пониманию. Нил Платинга в размышлениях о
Псалме 90, опубликованных в журнале «Христианство сегодня», обсуждает
прекрасный образ покровительства Бога: «Перьями Своими осенит тебя, и под
крыльями Его будешь безопасен... Всевышнего избрал ты прибежищем твоим. Не
приключится тебе зло». Как же так? А что же христиане, которых нацисты во
время Второй мировой войны бросали в концлагеря, или те, кого сейчас
угнетают в фундаменталистских государствах ислама? Как для них прозвучал бы
этот псалом, если бы они читали его накануне казни, когда все обещания этого
псалма показались бы откровенной ложью?

Платинга напоминает, что и Сатана цитирует этот псалом, выдергивая строку
из контекста и используя ее для того, чтобы побудить Иисуса броситься вниз
со скалы. Иисус возражает ему другим стихом из Писания. Платинга заключает:

«Псалом 90 выражает одно из прекраснейших, наиболее драгоценных, но тем не менее лишь одно из состояний веры, а именно: состояние ликующей уверенности в защите и покровительстве Бога. Вероятно, автор в какой-то опасный для него момент жизни был спасен Богом и за это воздает Ему хвалу. Но в другой день с другим настроением в более темные и мрачные периоды своей жизни тот же автор мог бы возвзывая к Богу из глубины отчаяния и попытаться передать чувство богооставленности (здесь Платинга цитирует Псалом 21, строку из которого повторил на кресте Иисус).»

Псалом 90 представляет лишь часть картины, лишь одно из настроений веры. В мирном и блаженном изумлении автор свидетельствует, что под крылами Бога могут спастись даже дурные. Еще один-два псалма – и картина будет дополнена, поэт возопиет: «Под крылами Бога с хорошиими людьми подчас тоже приключаются беды».

Псалтирь, занимающий центральную часть Библии, дает нам полную картину жизни с Богом, целое собрание личного опыта и духовной жизни разных людей. Я начал обращаться к псалмам не как ученый в поисках нового знания, а как путник, ищущий в долгой дороге товарищей. Первая и величайшая заповедь – возлюбить Господа Бога нашего всем сердцем и всей душой, и всем помышлением. Псалтирь, как никакая другая часть Библии, раскрывает эту сердечную, душевную и глубоко индивидуальную связь с Богом.

Пестрые и путаные, как сама жизнь

Магия поэзии действует исподтишка. В нашем столетии мы редко обращаемся к поэзии в поисках наставления или знания. Мы читаем стихи потому, что поэтические образы и выражения доставляют нам удовольствие и пробуждают определенные чувства. Однако, если поэт сумеет достичь своей цели, мы извлечем из его произведения нечто большее, чем знание: преобразится само наше видение. Такова магия псалмов, наконец-то подействовавшая и на меня. Эти песни преобразили мое духовное зрение и понимание отношений с Богом.

Прежде всего псалмы помогли мне соотнести представления о жизни с реальным опытом. Ребенком я заучил предобеденную молитву: «Бог велик, Бог благ, спасибо Богу за нашу пищу». В этой молитве есть определенный ритм, и она вполне могла бы прозвучать в каком-либо из псалмов. Что может быть проще – два фундаментальных богословских положения и призыв к благодарению, причем выраженные самыми простыми и короткими словами.

Тем не менее даже эта молитва может подвергнуть нас такому же испытанию веры, как то, которое некогда проходил Авраам.

«Бог велик»? Отчего же мы не располагаем более очевидными свидетельствами Его бытия? Почему специалисты, посвятившие свою жизнь изучению чудес природы, не приписывают эти чудеса Богу с такой готовностью, как делали это неграмотные крестьяне? Почему наш век поражен чумой безбожных тиранов – Сталин, Гитлер, Иди Амин, Пол Пот? Почему в этом веке больше христиан пострадало за веру, чем во все предыдущие вместе взятые?

«Бог благ»? Так почему же мой отец умер, не дожив до тридцати лет, так и не реализовав заложенный в нем огромный потенциал миссионера? Почему миллионы евреев и христиан были уничтожены в пору холокоста? Почему самая религиозная часть нашего населения – афроамериканцы – живет в бедности и лишена надежды?

«Спасибо за пищу»? Я соблюдал этот ритуал даже в годы подросткового всезнайства, когда гораздо более заслуживающими хвалы мне казались щедрые американские реки и умелые американские фермеры. Но как быть с христианами Мозамбика и Судана? За что им благодарить Бога, когда они умирают от голода?

Если при чтении последних трех абзацев вы начали испытывать некоторое
Страница 50

Библия, которую читал Иисус filosoff.org
беспокойство, прошу вас, перечитайте Псалтырь, этот дневник духовной жизни
людей, пытавшихся сохранить веру в любящего, милосердного, верного Своим
обещаниям Бога, когда вокруг них рушился мир.

Авторы псалмов часто возвращаются к этой проблеме. Как случилось, что амаликитяне, хетты, филистимляне и жители Ханаана, не говоря уж о чудовищных империях Ассирии, Вавилона и Египта, раз за разом сокрушали избранный народ Божий? Почему Давид, помазаннык Божий, десяток лет вынужден был прятаться в каких-то пещерах, страшась воинов Саула, хотя Бог уже объявил о ниспровержении этого царя? Как мог народ Божий испытывать благодарность, за что он должен был благодарить?

Многие псалмы показывают, как яростно их авторы боролись со своими сомнениями. Порой уже в процессе создания стихотворения им удается примирить свои чувства с основными положениями веры. Как Моисей в речах, из которых состоит Второзаконие, они стараются припомнить участие Бога в истории Израиля, возвращаясь мыслью к тем славным временам.

Ищите Господа и силы Его,
ищите лица Его всегда.
Вспоминайте чудеса Его, которые сотворил,
знамения Его и суды уст Его

(104:4-5).

Псалом 61 решительно, не пускаясь в объяснения, настаивает на двух положениях, которые Иов никак не мог примирить: «Сила у Бога, и у Тебя, Господи, милость». Однако подчас поэту не удается постичь смысл того, что видят его глаза, и псалом завершается плачем, подобным плачу Иова:

Я изнемог от вопля,
засохла гортань моя,
истомились глаза мои
от ожидания Бога моего

(68:4).

Теперь становится понятной последовательность 150 псалмов, которая прежде казалось случайной: этот цикл близости к Богу и покинутости Им точно соответствует тому, что большинство людей испытывает в своих отношениях с Богом.

Мы наталкиваемся на самый поразительный контраст почти в начале Псалтыря: Псалом 22, песнь о Паstryре, полная обещаний и успокоения, следует сразу за Псалмом 21, за воплем, повторенным Иисусом на кресте: «Боже мой! Боже мой! для чего Ты оставил Меня?». Авторство обоих псалмов приписывается Давиду, но трудно представить себе два более различных по духу произведения. В конце Псалма 21 давид обретает некоторую уверенность в предвидении времен, когда Бог будет править народами и бедняки наедятся досыта. Однако он не скрывает тех чувств, которые переполняют его в этот момент: «Я вопию днем, – Ты не внимашь мне... Я же червь, а не человек... Раскрыли на меня пасть свою, как лев, алчущий добычи и рыкающий... все кости мои рассыпались... язык мой прильнул к гортани моей». Когда же перевернешь страницу и прочтешь: «Господь – Паstryр мой; я ни в чем не буду нуждаться... Благость и милость да сопровождают меня во все дни», покажется, что эти две песни написаны существами из разных миров.

Так же противоречат друг другу и Псалмы 101 и 102. Первый с подзаголовком «Молитва страждущего, когда он унывает и изливает перед Господом печаль свою» красноречиво выражает отчаяние стареющего и слабеющего человека, которому кажется, что и друзья, и Бог отвернулись от него. Эта песнь – словно скорбный перечень боли и страданий, составленный пациентом в больнице, в лихорадочном состоянии. Зато следующий псалом – величественный хвалебный гимн, в котором нет ни одной мрачной ноты.

Боюсь, мало кто из священников решится выбрать для проповеди такую пару псалмов. Любой из них по отдельности – пожалуйста, но только не оба сразу. Я же научился ценить Псалтырь именно за то, что он выражает обе точки зрения, как правило, нисколько не облегчая нам переход от одного настроения

Библия, которую читал Иисус filosoff.org к другому. «Благослови, душа моя, Господа, и не забывай всех благодеяний Его», – провозглашает Псалом 102:2. Автор же предыдущего псалма отчаянно пытается припомнить эти благодеяния и утешиться ими в своем положении, что не так-то просто, ведь кости его «обожжены, как головня», и питается он пеплом и слезами.

Я рад тому, что в Библии приведены оба типа псалмов, поскольку может наступить время, когда мне доведется испытать то же, что и авторам Псалмов 21 и 101. В такой ситуации мне поможет мысль, что наши духовные учителя и Сам Иисус переживали нечто подобное. И как бы я ни жаловался, и ни стенал, и ни пытался вырваться из петли этого страшного испытания, я постараюсь и в этот час припомнить Благую весть Псалмов 22 и 102. Если взять только Псалом 22, может показаться, что это один из «легких ответов» веры. Если вырвать из книги Псалом 21, нам не останется ничего, кроме духовного отчаяния. Но вместе эти гимны дают необходимую человеку смесь трезвого реализма и упования.

Я пришел к выводу, что псалмы отражают различные типы веры. Псалом 22 – это детская вера-доверие, а Псалом 21 – вера-верность, более глубокий и таинственный пласт религии. Жизнь с Богом включает в себя и то и другое. Порой мы ощущаем необычайную близость к Богу, видим немедленный отклик на свои молитвы и воспринимаем Бога как нежного и заботливого отца. Но на нашу долю выпадают и черные полосы, когда Бог молчит, ничто не работает по правилам, и кажется, что все обещания, прозвучавшие в Библии, нарушены. Стойкая вера-верность помогает нам ощутить присутствие Бога там, за пределами области тьмы: там Он по-прежнему царит, и, что бы нам ни мерещилось в отчаянии, Он не покинул нас.

150 псалмов сложились в непонятный, пестрый, непоследовательный узор, очень похожий на саму жизнь, и сделались для нас прибежищем и утешением. В «Прогулках по монастырю» Кэтлин Норрис описывает, как она научилась использовать псалмы применительно к конкретной ситуации, к «молитве по поводу теленовостей»:

«Псалом 73 оплакивает осквернение святыни: «Все разрушил враг во святилище», и я использовала его, когда молилась о жертвах семейного насилия и о тех, кто совершают эти преступления. Репортаж о погромах в Лос-Анджелесе в начале 1992 года придал новый смысл словам Псалма 54, который наутро исполнил монастырский хор: «Я вижу насилие и распри в городе». Псалом 78 («Пролили кровь их, как воду, вокруг Иерусалима, и некому было похоронить их») я услышала в тот момент, когда читала о событиях гражданской войны на Балканах, и эти слова заставили меня задуматься о том зле, которое приносят в наш мир насилие и племенная вражда, зачастую оправдываемые религией.

Но беспощадный реализм псалмов не ввергает в уныние так, как это зачастую делают телерепортажи, хотя вроде бы речь в них идет об одних и тех же событиях – резне, издевательстве над беззащитными, злонамеренном лишении человека добного имени. Псалмы, этот сборник хвалебных гимнов, предназначенных для хора, сохраняет надежду, которую неспособны сообщить нам «сюжеты из жизни», дополняющие подборку политических новостей. Псалмы отражают события нашего мира, не превращая нас в сторонних наблюдателей. Они заставляют нас – народ, предпочитающий не обращать внимания на творящееся вокруг нас и среди нас насилие, – признать свою ответственность и подвергнуть переоценке свои ценности».

Вот пример того, как псалмы помогают в испытаниях. В 1977 году в разгар холодной войны Анатолий Щаранский, блестящий молодой математик и шахматист, был арестован КГБ за неоднократные попытки эмигрировать в Израиль. Он провел в ГУЛАГе тринадцать лет. С утра до вечера Щаранский читал и изучал все 150 псалмов (на иврите). «Что это мне дает? – говорит он в письме. – Вот что: постепенно чувство великой утраты и скорби превращается в прекрасную надежду».

Щаранский так дорожил этой книгой, что, когда тюремщики попытались ее отнять, он лег на снег и отказался вставать, пока ее ему не вернули. Все

Библия, которую читал Иисус filosoff.org тринадцать лет, что он томился в заключении, жена Щаранского вела по всему миру кампанию за его освобождение. Принимая от имени мужа почетную степень доктора, она сказала в речи перед университетской аудиторией: «В камере-одиночке в Чистополе наедине с псалмами давида Анатолий нашел выражение самых глубоких своих чувств в словах, вылившихся из души царя Израиля тысячи лет тому назад».

Терапия души

Псалмы показались мне образцом душевной терапии. Мне довелось написать книгу, которую я озаглавил «Разочарование в Боге». Издателей это название обеспокоило, и они предложили немного изменить его: «Преодоление разочарования в Боге». Им казалось несколько еретическим подобное негативное название. Они не представляли, как будет смотреться такая книга в христианском книжном магазине перед множества томов о красоте и радости христианской жизни. Однако, когда я писал эту книгу, я имел в виду множество подробных библейских рассказов о людях, испытавших жесточайшее разочарование в Боге. Не только Иов и Моисей вступали в подобный конфликт, но и пророки Иеремия и Аввакум, и все неизвестные нам по имени авторы псалмов. Некоторые псалмы можно было бы озаглавить: «В гневе на Бога», «Преданный Богом», «Оставленный Богом», «Разуверившийся в Боге».

Вот несколько строк из Псалма 88:

Доколе, Господи, будешь скрываться непрестанно,
будет пылать ярость Твоя, как огонь?...
На какую суету сотворил Ты
всех сынов человеческих!

(стихи 47–48)

Или Псалом 87:

Для чего, Господи, отрешаешь душу мою,
скрываешь лицо Твое от меня?...
Ты удалил от меня друга и искреннего;
знакомых моих не видно

(стихи 15,19)

Может показаться странным, что Священное Писание включает в себя эти вопли духовного поражения, но присутствие этих сцен и описаний составляет важный принцип терапии. Консультант по браку часто предупреждает своих пациентов: «Ваши отношения могут стать еще хуже, прежде чем дело пойдет на лад». Обиды, напряжение, которые скрывались годами, теперь поднимутся на поверхность. Придется обнажить и выявить все разногласия и взаимное непонимание, и лишь потом установится подлинное согласие. Псалмы, как и психоанализ, помогают выявлению наших неврозов.

Кэтлин Норрис рассказывает о монахине, которая помогает женщинам решать их жизненные проблемы: безработным, женам, подвергающимся жестокому обращению, людям, пытающимся после многолетнего перерыва возобновить учебу. Эта монахиня обнаружила, что псалмы помогают ее подопечным выплеснуть эмоции, которые церковные наставники часто пытаются подавить. «Терпите, улыбайтесь, страдание закаляет душу», – твердят иные наставники, но псалмы говорят другое. Они не пытаются рациональными доводами устраниить гнев или абстрактными рассуждениями унять боль. Они выражают все эмоции громко и яростно, обращая их напрямую к Богу.

150 псалмов отражают различные этапы и ситуации душевной терапии. Здесь есть все: сомнение, паранойя, смятение, низость, восторг, ненависть, радость, хвала, месть, предательство. Когда-то подобное излияние чувств казалось мне чудовищным хаосом, теперь я вижу в нем признак здоровья. Псалтирь показал мне, что я вправе говорить Богу о любых своих чувствах. Не нужно скрывать свои неудачи, не нужно приукрашивать дурное в себе – лучше откровенно сказать обо всех своих слабостях Богу, ибо лишь Он может исцелить их.

Лучше всего эта целительная сила передана в Псалме 50, который, по преданию, создал сам Давид после постыдного поступка с Вирсавией. Царь признает, что совершил прелюбодеяние и убийство: «Тебе, Тебе единому согрешил я». Ему нечего принести в жертву Богу, кроме сокрушенного духа и смиренного сердца, но само признание открывает путь к исцелению. В слезах и скорби Давид исповедуется, и его псалом становится образцом для других исповедей.

Вальтер Брюгеманн предложил назвать «псалмами растерянности» те псалмы, которые передают смятение, признание в грехах или сомнение. Обычно они начинаются с мольбы к Богу об избавлении от беды или отчаяния. С этими мольбами переплетаются поэтические образы скорби, призывы к Божьей справедливости, даже упреки: «Что пользы Тебе, если я умру? Как буду тогда хвалить Тебя?». Однако, научившись выражать эти чувства, автор уже обретает некую перспективу, начинает вспоминать о лучших временах, об исполнившихся молитвах, о тех милостях, которые он не умел ценить. И ближе к концу псалма он переходит к благодарности и хвале. Он чувствует, что его выслушали и очистили. Псалом, как молитва, сам по себе осуществляет это преображение.

Псалом 70 может послужить примером того, как действует эта духовная терапия. В его строфах настойчивые призывы к Божьей помощи сменяются исповеданием веры, а затем новыми страхами, уже относительно будущего. В завершение гимна поэт восхваляет истину и надежность Бога. Воспоминания о чудесах, которые Бог совершал ради Израиля, и о моментах близости самого поэта к Богу успокаивают на какое-то время мучительные сомнения псалмопевца. Многие псалмы передают это настроение. «Верую, Господи, помоги моему неверию»: поэт как бы уговаривает самого себя, нащупывает путь к вере среди приливов и отливов эмоций.

Меня уже больше не смущает эта странная смесь псалмов-проклятий, псалмов-восхвалений, псалмов-исповедей. Теперь я дивлюсь духовной целостности древнееврейских поэтов, которые пытались вовлечь Бога во все области своей жизни, обращая к Нему все чувства, повседневно переживаемые человеком. Не нужно ничего приукрашивать, не требуется «делать хорошую мину», чтобы предстать перед Богом, нет никаких запретных тем. Бог готов говорить с нами о нашей реальности.

Для древнееврейских авторов реальность Бога затмевала их собственные переживания и сложную историю их народа. Они обсуждали с Богом каждую подробность своей жизни, они спорили и боролись с Ним, и самой этой борьбой утверждали свою веру.

Мой друг Гарольд Фиккетт имеет обыкновение удаляться порой на несколько дней в монастырь. Устав многих монашеских орденов предписывает повторять псалмы вслух утром, днем и во время вечерней службы. За несколько недель монахи проходят весь цикл, вновь возвращаясь к первому псалму[3 – до недавних пор католический священник, исполняя службу по бревиарию, повторял все псалмы за неделю. Англиканской литеургии для этого требуется месяц. Историк Пол Джонсон назвал Псалтирь одной из главных скреп христианской истории: бенедиктинцы и пуритане, Лютер и иезуиты, Уэсли, кардинал Ньюмен и Кальвин – все эти столь разные люди любили и постоянно твердили псалмы.]. Гарольд говорил мне, что порой, когда уста его твердили о том, как он «входит во врата Господа с благодарением», сам он продолжал вспоминать вчерашнюю обиду или прикидывал, скоро ли рассеется туман над заливом Сан-Франциско. Но постепенно, день за днем, он покорялся ритму псалмов. Не все в них подходило к его душевному состоянию, но понемногу он проникался той реальностью, которая нашла выражение в псалмах, и не пытался приспособить текст к своим мирским соображениям.

Вспоминая время, проведенное с монахами, Гарольд писал:

«Псалмы вооружили меня теми словами, с которыми я должен был и хотел обратиться к моему Богу, словами, которые прославляют реальность Его присутствия – «Полны небеса и земля славы Твоей»; словами, которые признают Его вмешательство в нашу жизнь – «Ты обратил нашу печаль в ликование»; словами, которые выражают всю глубину моей зависимости – «В утробе матери соткал Ты меня»; словами, которые передают надежду на встречу и близость с

Библия, которую читал Иисус filosoff.org
Ним – «Только об одном я мечтаю, чтобы мне войти в дом Господень навеки». Псалмы наставляют мою душу в любви к Богу».

Звуки хвалы

Псалмы также учат нас, как поклоняться Богу и восхвалять его. Заметим, что американцы делают это крайне неуклюже. Мы не сохранили традиции британцев, кланяющихся королеве и не смеющих ее перебивать. Мы предпочитаем превращать своих руководителей в персонажей телевизионного фарса.

Откровенно говоря, трудно представить себе, что Богу и впрямь хочется, чтобы мы все сели в ряд и начали говорить о Нем что-нибудь хорошее. Зачем вообще Богу наша хвала? Сомерсет Моэм рассказывал о своем благочестивом родственнике, который прилежно вычеркнул все восхваления из молитвенника. «Любой нормальный человек смутится, если начать хвалить его в лицо, каково же слушать все это Богу?» – так рассуждал этот человек. Клайв Льюис в «Размышлениях о псалмах» сказал примерно то же: «Мне не нужно, чтобы мой пес пытался лаем выражать восторг от моих книг». Так почему же Бог хочет услышать хвалу?

Льюис предлагает сравнить эту хвалу с непосредственной реакцией на произведение искусства, на некую прекрасную гармонию, вообще на что-либо необычайно красивое. Самой первой и естественной реакцией будет замереть и попытаться впитать в себя эту неземную красоту, склониться перед ней. А затем мы спешим разделить это чувство с другими людьми. Эта потребность разделить удовольствие проявляется на всех уровнях от «Огромный серый кит проплыл рядом с нашей яхтой – я чуть было не дотронулась до него» и «О, если бы ты был тут и видел, как падает снег, – все кажется словно заколдованным» до «Ну, наши ребята показали класс во вчерашнем матче!»

Каждый раз, когда я прихожу на стадион, я наблюдаю этот восторг, близкий к поклонению. Мне повезло, я жил в Чикаго, когда восходила звезда Майкла Джордана. Я много раз бывал на играх «Чикаго Буллз». За несколько часов до матча на пронзительном ветру фанаты уже собираются возле площадки, отведенной для машин игроков, чтобы хоть на миг увидеть знаменитого спортсмена. Вот появляется из-за угла его автомобиль. Поклонники вопят, подпрыгивают, выкрикают имя своего кумира, рвутся вперед, чтобы получить автограф, пытаются прикоснуться к нему, обменяться хоть словом, как-то сблизиться с Величайшим. Вот странная цивилизация – люди с готовностью преклоняются перед Майклом Джорданом и даже перед Деннисом Родманом или Мадонной, но не понимают, как надо восхвалять Господа.

Хвала – это та же естественная реакция разделенной радости (разве в человеческих силах утаить от друзей хороший анекдот или собственную помолвку?), только эта радость подымается еще на несколько ступеней выше. «Поведай мне старую, старую историю о Невидимом в вышине», – поется в одной христианской песне. Как футбольные болельщики, ветераны военных компаний и выпускники одной школы готовы вновь и вновь вспоминать все те же истории, так и хвала отчасти звучит ностальгически.

Флэннери О'Коннор в очерке о своих павлинах написала, как реагировали люди при виде их раскрытых веером, переливающихся всеми цветами радуги хвостов. Водитель грузовика резко затормозил, вскрикнул: «Ну и дела!», иные люди просто не находили слов. Но больше всего ее растрогала старая негритянка, провозгласившая: «Аминь! Аминь!». Эта старуха понимала толк в хвале.

Хвала – это радостное признание тварным существом блага, истины и красоты, которые исходят от Творца вселенной. Это признание важно для нас самих, поскольку оно устанавливает наше истинное положение перед Богом. Я обнаружил, что общение с детьми помогает научиться правильно воздавать хвалу: дети могут в любой момент разразиться радостными и благодарными воплями, когда что-то поразит их. Вероятно, все дело в том, что у них нет претензий на более высокий статус – они просто дети.

Авторы псалмов и в особенности Давид были ближе к источнику хвалы, поскольку еще не были нарушены их связи с миром природы. Давид в юности был пастухом. Потом он много лет прятался от Саула в безлюдной горной местности. Ничего удивительного нет в том, что его стихи полны огромной

Библия, которую читал Иисус filosoff.org любви и, можно сказать, почтения к миру природы. Этот мир представляется гармоничным целым, а личностный Бог оберегает и удерживает все воедино.

Это был первый смысл, который мне удалось извлечь из псалмов, когда я тщетно пытался читать их подряд в колорадских горах. Я не мог согласовать столь противоречивые настроения этих стихотворений, но по крайней мере окружавший меня величественный пейзаж подтверждал их описание величия и достоинства Бога. Одиночество возвращает нас на полагающийся нам уровень бытия, напоминая о том, о чем мы предпочли бы забыть, – о нашей тварности. Все наши чувства впитывают блеск и славу невидимого Бога дикой природы. Можно ли не воздать хвалу Тому, Кто задумал лося и дикобраза, рассыпал зеленеющие деревья и кусты по склону серой скалы, Тому, Кто с каждым рассветом и каждым закатом словно заново творит этот пейзаж?

Псалмы не учат нас трезвой и сдержанной хвале. Нет, поэты самозабвенно и чувственно восхваляют Бога, их богослужение больше напоминает рок-тусовку, чем солидный симфонический концерт. «Пойте в веселье! Кричите громче!». – призывают они. В те времена оркестр состоял из цимбал, бубнов, труб, рогов, арф и лир. Иногда этот концерт включал в себя и танцы. Воображение псалмопевца заставляло весь мир пуститься в пляс от восторга, вызванного присутствием Бога. «Восклицайте Господу, вся земля; торжествуйте, веселитесь и пойте» (97:4). Природа участвует в празднестве: «да рукоплещут реки; да ликуют вместе горы» (97:8).

Псалмы могут решить проблему нашей не умеющей восхвалять цивилизации, они снабдят нас нужными словами. Надо лишь прислушаться к этим словам, понять, как содержание псалмов соответствует нашим настроениям. Дитрих Бонхоффер назвал псалмы уроками Божьего языка. Как дети учатся родному языку от родителей, так псалмы учат христиан языку молитвы.

«Поклонение – это способ оторваться от самих себя и постичь присутствие Бога, – пишет Юджин Петерсон. – Мы выделяем особое место и время, чтобы сосредоточить внимание на Боге не потому, что Он ограничен пространством и временем, но потому, что мы настолько озабочены самими собой, что если не будем заставлять себя сознательным усилием в определенный момент переключиться, то и в другие моменты и в другом месте у нас не будет ни малейшего шанса ощутить Его присутствие».

При виде чего-то прекрасного или величественного инстинктивным порывом древних израильтян было не созерцать это зрелище и не анализировать его, но воздать Богу хвалу и, если удастся, написать гимн. Руки сами тянулись к арфе, голосовые связки напрягались, готовясь петь. Хвала – это радость, изливающаяся в речи и пении, «звуки, выражющие внутреннее благополучие», по определению Клайва Льюиса. Они могут и нас приобщить к душевному здравию.

Из всех созданий моря и земли Лишь человеку Ты открыл пути Свои. И лишь ему Тобой дано стило, что восхвалить дела Твои могло.

Джордж Герберт

Переориентация

Юджин Петерсон, опубликовавший новый перевод псалмов, отмечает, что лишь немногие из них полны хвалой и благодарностью, а более семидесяти процентов составляют жалобы. Петерсон полагает, что эти две категории псалмов отражают два основных состояния жизни: страдание и благополучие. Я не проводил подобных исследований, но мне кажется, что в целом современная христианская литература обнаруживает противоположную пропорцию: не менее семидесяти процентов книг, плакатов, наклеек провозглашает наше благополучие, и едва ли треть еще помнит о наших скорбях.

Царь Давид особо распорядился о том, чтобы народ научили жалобной песне[4 – в русском переводе – «луку», в переводе Лютера – «песне лука».] (см. 2 Царств 1:18). Жалобные псалмы ничего общего не имеют с бессильным скулежом или нытьем. Мы склонны плакаться по поводу того, чего не изменишь, но жалоба – это попытка добиться перемен. Псалмопевец, как и Иов, упорствует в своей вере в благого Бога. Что бы ни происходило сейчас перед его глазами, он будет требовать справедливости и просить о ней. Псалмопевец скорбит о том, что на земле не творится воля Бога так, как на небе, и эти стихи помогают человеку примирить вечную веру и повседневный опыт.

Писатель Дэн Аллендер задает вопрос:

«К кому вы обращаете наиболее яростный, иррациональный, не находящий выражения гнев? Выскажетесь ли вы перед тем, кто вправе уволить вас с работы, лишить вас репутации, разрушить отношения? Вряд ли. Вы не можете положиться на этих людей, вы не уверены, что они в состоянии вынести всю глубину вашего разочарования и растерянности. Только тот может выслушать ваши жалобы и, более того, вытерпеть ваши жалобы на самого себя, кому вы – как это ни парадоксально – верите до конца... Жалобы и возмущение – это оборотная сторона веры».

Многие псалмы были написаны вождями Израиля, и потому этот сборник позволяет нам проникнуть в скрытые за историческими событиями эмоции людей. По-моему, со времен античности не сохранилось другого собрания, столь полно отражающего личные чувства, вызванные историческими катаклизмами. Мы видим, как каялся царь, совершив прелюбодеяние и убийство, как он возносил благодарность, когда спасся от убийц, как он молился, проиграв сражение, и как молился, посвяшая Богу новую столицу.

Я приложил немало усилий к тому, чтобы попытаться получше понять Давида. Этот царь, научивший свой народ выражать горе песней, дал народу и несравненной красоты гимн для общего исповедания веры и создал еще множество прекрасных хвалебных песнопений. Давид, несомненно, был грешником, как и многие другие персонажи Ветхого Завета. И в то же время он был особенно любезен господу. Жан Кальвин назвал Давида «зеркалом, которое Господь в неисчерпаемой Своей благодати поставил перед нами». В чем же заключается духовная тайна Давида?

Семьдесят три псалма, приписываемых царю, позволяют нам заглянуть в его душу. Некоторым из них предписано сообщение о тех обстоятельствах, в связи с которыми они были написаны. Я решил читать их в такой последовательности: сперва выдержку из духовного дневника самого Давида – псалом – и, основываясь на этом внутреннем свидетельстве, пытаться вообразить себе, какие «внешние» события вылились в эти слова. Затем я обращался к историческому повествованию Второй книги Царств и сопоставлял свои фантазии с тем, что имело место на самом деле.

В Псалме 55 (со знаменитой строкой «На Бога уповаю») Давид благодарит Бога, спасшего душу его от погибели и не давшего ноге его оступиться. Когда я читал этот псалом, я предполагал, что чудесное вмешательство Бога избавило Давида от некой грозной опасности. Что же было на самом деле? Я раскрыл главу 21 Первой книги Царств и выяснил, что Давид, попав в плен и страшась за свою жизнь, стал пускать слюни и рисовать на стенах, притворяясь безумцем и надеясь таким образом избежать казни. Никакого чуда не произошло – речь шла о хитром беглеце с хорошо развитым инстинктом самосохранения. Быть может, Давид в отчаянии взывал к Богу, и в какой-то момент озарения его осенила идея симулировать помешательство, но он приписал всю заслугу Богу, а не самому себе. Давид даже прибег к строгой форме акrostиха, чтобы выразить свои мысли. Каждый стих этого псалма начинается со следующей по порядку буквы еврейского алфавита. Это серьезное и искреннее размышление о пережитом.

Затем я прочел Псалом 58: «Сила моя! Тебя буду воспевать я; ибо Бог – заступник мой, Бог мой, милующий меня». Вновь, когда читаешь этот псалом, кажется, что вмешательство Бога спасло Давида. Однако глава 19 Первой книги

Библия, которую читал Иисус filosoff.org

Царств описывает такую сцену: Давид выскользнул в окно, пока его жена отвлекала преследователей, подсунув им завернутую в козью шкуру статую. Вновь псалом приписывает Богу заслугу в таком деле, которое мы бы отнесли на счет обычной человеческой смекалки.

В Псалме 56 звучит иная интонация – интонация смятения и страха. «По-видимому, вера Давида поколебалась в тот час, когда он писал этот псалом», – подумал я и вновь ошибся. В главе 24 Первой книги Царств сообщается об одном из наиболее отважных подвигов этого героя.

Псалом 17 подводит итоги военной карьеры Давида. Эта песнь, написанная, когда он уже был царем, победившим всех соперников, перечисляет множество чудес, с помощью которых Бог избавлял Давида от опасностей. Если прочесть только этот псалом, не обращаясь к историческому повествованию, может сложиться впечатление, что Давид жил под покровительством какого-то доброго волшебника. Здесь ни словом не упоминаются годы изгнания,очные битвы, бегство, хитроумные уловки, которыми заполнены Первая и Вторая книги Царств.

Словом, любая попытка судить о «реальной жизни» на основании псалмов обречена на провал. Воображение рисует нам благочестивого отшельника не от мира сего или робкого, подверженного неврозам человека, верившего в постоянную помощь Бога, но никак не сильного и доблестного героя. Как объяснить столь разительное несоответствие внутренней и внешней жизни царя Давида?

Для всех нас внутренняя и внешняя жизнь протекают параллельно. Если мы с вами участвуем в одном и том же мероприятии (скажем, в вечеринке), то «внешние» факты – что там было и кто присутствовал – будут для нас обоих одинаковыми. Но совершенно различными могут оказаться «внутренние» ощущения. Я начну размышлять о том, какое я произвел впечатление, показался ли я остроумным и симпатичным, не обидел ли кого, не допустил ли нелепый промах? Как я выглядел в глазах этих людей? Скорее всего и вы станете задаваться теми же вопросами, но уже со своей точки зрения.

Давид, похоже, воспринимал жизнь по-другому. Его подвиги – он убивал хищников голыми руками, сразил Голиафа, выскользнул от насланных Саулом убийц, разгромил филистимлян – давали ему право ощутить себя главным героем этой истории. Однако когда он вспоминал эти события и писал о них стихи, он выводил на первый план Иегову, Бога Израиля. Давид поистине переживал и ощущал постоянное присутствие Бога, он выражал это ощущение и в возвышенных стихах, и в земных делах, в любом случае сознательно вовлекая Бога в события своей жизни.

Давид полон уверенности, что он что-то значит в глазах Бога. Об одном из «чудесных избавлений» он говорит: «Он (Бог) вывел меня... ибо Он благоволит ко мне» (17:20). Когда царю кажется, что Бог его покинул, он тут же вопиет к Богу. Он первым произнес слова: «Боже мой, Боже мой! Для чего ты меня покинул?». Он призывает Бога к ответу, требуя, чтобы Господь тоже поддерживал их особые и столь важные для обоих отношения.

На протяжении всей жизни Давид был твердо убежден, что духовный мир, оставаясь невидимым, является столь же реальным, как и «естественный» мир мечей и копий, пещер и царского дворца. Его псалмы – это подробный отчет о сознательных усилиях по приспособлению повседневной жизни к реальности этого сверхъестественного мира. Теперь, спустя столетия, мы опираемся на эти псалмы, как на ступени веры. Мы идем по ним, как по тропе, ведущей от одержимости самим собой к осознанию реального присутствия Бога.

Я старался научиться этому искусству «впускать» Бога во все сферы своей жизни. Живя в сложном индустриализованном мире, мы норовим делить свою жизнь на специальные отсеки. Заполняем день «делами»: чиним машину, ездим на каникулы, ходим на работу, косим лужайку перед домом, отвозим детей в школу. А потом надо еще уделить время для «духовности»: посетить церковь, принять участие в собрании группы верующих, предаться размышлению. Псалмы подобного разделения не ведают.

Давид и другие авторы псалмов сумели превратить Бога в физический центр своей жизни, и все в их жизни соотносилось с Богом. Для них общение с Господом было основным делом жизни, а не перерывом между «делами». Как сказал Клайв Льюис, в идеале практика христианской жизни подразумевает, что

Библия, которую читал Иисус filosoff.org
«каждый поступок и каждое чувство, каждое переживание, приятное или неприятное, должно быть связано с Богом».

Я изучаю этот повседневный процесс перестраивания, переориентируя свою жизнь. Псалтирь стал для меня еще одним шагом к осознанию подлинного, центрального места Бога. Я стараюсь превратить слова древнееврейских поэтов в свои собственные молитвы. Это удалось авторам Нового Завета, которые цитировали Псалтирь чаще, чем любую другую книгу. Сын Божий в Своей земной жизни поступал точно так же, язык Псалтиря служил Ему для выражения взаимоотношений между человеком и Богом.

Я уверен, что мне потребуется вся моя жизнь для того, чтобы псалмы сделались подлинно и до конца моими молитвами. Я чувствую, что по сравнению с их порывом, их устремленностью к Богу моя вера выглядит жалкой и анемичной. Псалмопевцы мчались к Богу, как загнанный олень мчится к воде. Ночью они лежали без сна, размышляя о «славной красе Господа». Они предпочли бы прожить один день с Богом, чем тысячу лет без Него. Эти поэты учились в высшей школе веры, и я рядом с ними чувствую себя подготовившкой. Теперь я вновь перечитываю эту книгу и надеюсь хоть что-то из нее усвоить.

Послесловие

Проблемные псалмы

Не успеваешь прочесть несколько первых псалмов, как натыкаешься на странные и тревожные строки, на яростные взрывы мин, притаившихся посреди столь мирной на первый взгляд и даже буколической поэзии. Иной раз все сводится к понижению на уровне «Чтоб тебя грузовиком задавило», который принят среди подростков. Эти псалмы называются «заклинательными», «мстительными» или попросту «псалмами проклятий», поскольку именно из проклятий они и состоят.

Эти «псалмы проклятий» становятся серьезной проблемой для читателя. «Да как же можно читать, а тем более повторять вместо молитвы эти яростные понижения, пришедшие к нам из культуры древних воинов? – спрашивает Кэтлин Норрис. – На первый взгляд они кажутся такими устаревшими, они полны злобы, мстительности, и подчас думается, что в них сосредоточено все зло нашего мира».

Почему же эти всплески ярости тоже вошли в Святое Писание? Читатели предлагали несколько объяснений.

1. Проклятия выражают «праведный гнев» против сил зла.

Профессор Аллан Блум, автор книги «Закрытие духа Америки», рассказывал о том, как он предложил своим первокурсникам в Чикагском университете дать определение плохого человека. Ни один из студентов не справился с этой задачей. Категория «плохого» попросту отсутствовала в их сознании. Блум считает неспособность распознавать и определять зло одним из тревожных симптомов нашего времени.

Мне оказалась большую помощь моя жена Джэнет, которая несколько лет проработала в городских трущобах социальным работником. Она каждый день сталкивалась с различными видами зла, видела бандитов, нападавших с автоматом в руках на прохожих, полицменов, избивавших ни в чем не повинных людей только из-за цвета их кожи, воров, вырывавших у пенсионеров кошелек у самого выхода из банка, куда те приходили за социальным пособием.

Однажды вечером Джэнет вернулась домой, кипя от возмущения. В одном доме для престарелых управляющий превратился в грозу для всех обитателей. Используя находившийся в его распоряжении универсальный ключ, он врывался в комнаты вдов, избивал их и отбирал деньги. Все знали виновного, но, поскольку он совершил эти преступления в маске и не мог быть с полной уверенностью опознан, муниципалитет готов был ограничиться его увольнением или даже переводом на другую работу. Если бы в те времена Аллан Блум попросил мою жену описать дурного человека, он получил бы вполне выразительный ответ.

Авторы псалмов говорят именно о том зле, которое внедряется в саму систему государства: продажные судьи, рабовладельцы, разбойники, угнетатели бедных,

Библия, которую читал Иисус filosoff.org расисты, террористы. Псалом 108 призывает все беды на голову человека, который «преследовал человека бедного и нищего и сокрушенного сердцем, чтобы умертвить его. Возлюбил проклятие, – оно и придет на него» (стихи 16–17).

Читая эти псалмы, полезно припомнить свидетельство родных жертвы. Иногда их слова звучат в эфире во время теленовостей. Отец девушки, сбитой пьяным водителем, дрожа всем телом, дает показания в суде и говорит о ране, которой не суждено исцелиться. Вспомните показания семьи Голдмена по гражданскому иску против О. Симпсона. Дитрих Бонхоффер мог без труда понять чувства, воодушевлявшие «псалмы проклятия», поскольку они как нельзя лучше отражали страдания всей христианской общины под властью нацистов.

Мотив «праведного гнева» может отчасти прояснить природу «псалмов проклятия», но он не устраняет проблемы. Джэнет была в ярости, но не бродила по дому, бормоча: «да скитаются дети его и нищенствуют, и просят хлеба из развалин своих» (108:10) или «Блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень» (136:9).

2. «Псалмы проклятия» отражают духовную незрелость, позднее устраниенную Новым Заветом.

Клайв Льюис, которого такие псалмы искренне удручили, предложил этот подход в своих «Размышлениях о псалмах». Он противопоставлял мстительности псалмопевца заповедь любить врагов своих, просьбу «Прости им, ибо не ведают, что творят», прозвучавшую в Новом Завете. «Реакция псалмопевцев на обиды, хотя она безусловно естественна, столь же безусловно неправильна», – заявляет Льюис и далее характеризует эти эмоции как «дьявольские», «достойные презрения», «яростные», «варварские» и «эгоистичные».

Отметив, что в языческой литературе нет ничего равного мстительности псалмопевцев, Льюис приходит к довольно сложному выводу относительно богоизбранности евреев. «Из всех дурных людей хуже всего религиозные дурные люди», – говорит он. Призвание свыше сделало евреев сnobами, убежденными в своей правоте, и это нашло выражение в псалмах проклятия. Подобные соображения Льюиса не слишком-то понравились самим евреям. Недавно журнал «Век христианства» опубликовал статью раввина, опровергающую эти рассуждения Льюиса.

Разумеется, Иисус обновил заповеди («Вы слышали... Я же говорю вам»), но, как указывает сам Льюис, в Библии не происходит столь четкого прогресса от Ветхого Завета к Новому. Заповедь любить врагов появляется уже в Ветхом Завете. Кроме того, новозаветные авторы с полным одобрением цитируют строки из самых «проблематичных» псалмов. К примеру, Петр напрямую адресует одно из проклятий Псалма 68 Иуде (см. Деяния 1:20), а Павел применяет другое («Пусть глаза их помрачатся, чтобы они ослепли, и спины их согнутся навеки») к неуверовавшему Израилю. Не так-то легко отбросить псалмы проклятия.

Британский исследователь Деррик Шериффс напоминает, что сам Льюис переменился после личных испытаний, перенесенных им в конце жизни. Достаточно сопоставить его книги «Страдание» и «Исследуя скорбь», чтобы эта перемена сделалась очевидной. Первое произведение рассматривает страдание как абстрактную проблему и вполне философски трактует значение боли в жизни. Вторая вещь, написанная Льюисом после того, как его жена умерла мучительной смертью от рака костного мозга, местами читается как псалом проклятия. Льюис возвращается к идеи Бога-космического садиста, палача, захлопнувшего дверь перед теми, кто наиболее остро в Нем нуждался. В этом дневнике Льюис отмечает:

«Все эти рассуждения о космическом садисте выражают не здравое суждение, а ненависть. Я извлекал из них единственное удовольствие, доступное страдальцу, – я мог нанести ответный удар. Я ругался вслух, я «говорил Богу в лицо, что я о Нем думаю».

Интересно, что бы Льюис написал о псалмах-проклятиях, после того как сам
Страница 60

Библия, которую читал Иисус filosoff.org прошел через такую душевную пытку?

3. Лучше всего воспринимать эти псалмы как еще один вид молитвы.

Смысл этих псалмов предстанет нам совершенно иным, если мы вспомним их жанр: мы как бы подслушиваем молитвы, обращенные к Богу. С этой точки зрения псалмы проклятий также являются душевной терапией, крайним ее выражением. Как сказала однажды Дороти Сейерс, всем нам свойственны дьявольские мысли, но вся разница заключается в том, чтобы отреагировать на них словом, а не делом – к примеру, написать детектив, а не совершить убийство.

Если кто-то несправедливо обидел меня, я могу выбрать один из трех путей:
1) я попытаюсь осуществить личную месть, но Библия осуждает такую реакцию;
2) я постараюсь скрыть, как-то подавить свои чувства гнева и боли или же 3) я обращаю их к Богу, возложив на Него обязанность соблюсти справедливость. Псалмы проклятия представляют собой именно этот третий вариант. «Мне отмщение, и Аз воздам», – говорит Господь. Молитвы, подобные псалмам проклятия, передают дело мести в верные руки. Важно, что в псалмах проклятия ярость изливается перед Богом, а не напрямую обрушиается на врага.

Кэтлин Норрис, тщетно сражавшаяся с проблемой псалмов проклятия в книге «Монастырские прогулки», сумела найти ключ к ним в другой своей работе – «Дивная благодать». Она рассказывает, как предложила ученикам воскресной школы самим составить подобный псалом. Она поняла, что те, кого угнетают старшие братья и сестры, обнаруживают недюжинные способности в этой области поэзии:

«Один маленький мальчик написал стихотворение о «Раскаявшемся чудовище». Начиналось стихотворение с того, что противно, когда отец кричит на тебя. Согласно этому стихотворению, в ответ мальчик готов столкнуть с лестницами сестренку, учинить разгром в своей комнате и в конце концов уничтожить весь город. Стихотворение завершалось такими словами: «И вот теперь я сижу посреди беспорядка и говорю себе: «Зачем я все это наделал?!»

«Если бы этот мальчик был послушником в раннехристианском монастыре, – добавляет Норрис, – его наставники сочли бы, что он уже на пути к покаянию. Он уже осознал, что нужно исправить в его «полном беспорядке» доме, чтобы он стал подходящей обителью для Бога».

Мы инстинктивно стремимся как-то «очистить» свои чувства для молитвы, но, возможно, мы и тут ошибаемся. Наверное, нам следовало бы открывать Богу худшие свои помышления. В конце концов то, что между людьми – сплетня, перед Богом – протест. То, что в обыденной жизни является злобным ругательством («будь они прокляты!»), – становится выражением беспомощной зависимости, когда обращается напрямую к Богу («В Твоей власти проклясть этого человека, ведь Ты один – судья праведный»).

Я взял себе за правило раз в неделю отправляться на длинную прогулку по холмам рядом с моим домом, чтобы рассказать Богу о своем гневе на людей, которые чем-либо меня обидели. Я перечислял все случаи, когда со мной обошлись несправедливо или неверно меня поняли, и принуждал себя открывать Богу самые глубокие свои чувства. Разве Бог и так не знает, что я чувствую? Однако я могу подтвердить, что это излияние чувств само по себе имело терапевтический эффект. Я возвращался домой, словно избавившись от тяжкого бремени. Несправедливость уже не торчала шипом, терзая мои внутренности, – я рассказал о ней вслух, рассказал Господу. Иногда, когда я так изливал свои чувства, я даже получал ответ: дух Божий напоминал мне о моем эгоизме, склонности осуждать других, о моих проступках, которые люди простили, об ограниченности моего взгляда на события.

Мирослав Вольф, хорват, преподававший на родине богословие во время гражданской войны и ощущивший, как точно псалмы проклятия передают его собственные чувства, в книге «Отвержение и принятие» рассказывает, как эти псалмы в конце концов учат прощать:

«Для последователей распятого Мессии суть заклинательных псалмов в итоге сводится к следующему: гнев надо излить перед Богом... Это не просто катарсис и разрядка агрессии перед лицом Всемогущего, Который обязан прислушаться. Гораздо важнее, что, поведав о своем бессильном гневе Богу, мы ставим и нашего неправедного врага, и свое мстительное «я» лицом к лицу с Создателем, любящим и творящим справедливость. Ненависть, таящаяся в темных уголках наших сердец и питаемая системой запретов, вырастает и отравляет все в адском стремлении к уничтожению. В свете Божьей любви и справедливости ненависть съеживается, и сеется семя чудесного прощения».

Постепенно эти еженедельные упражнения научили меня не сосредоточиваться на себе самом, адекватно воспринимать окружающих меня людей. Иной раз я обнаруживал, что за неделю во мне не накопилось никаких личных обид и огорчений, но ведь я мог использовать эти псалмы для слияния с другими, страдающими людьми. Я вспоминал о странах, только что подвергшихся наводнению, землетрясению или цунами. Разве христиане в этих местах не обращаются к Богу, Который их оставил? Я думал о своих друзьях, болеющих раком, о женщинах, избиваемых мужьями, об алкоголиках, которые пытаются преодолеть свой недуг. Эти «проблемные» псалмы помогали мне ощутить их трудную борьбу и молиться за них.

Еще один ключ к пониманию псалмов проклятия я получил, когда прочел до конца книгу Откровения. В Апокалипсисе перед нами предстают времена, когда сбудутся самые ужасные из псалмов проклятия, даже самый гневный – Псалом 136: «С таким стремлением повержен будет Вавилон, великий город, и уже не будет его» (Откровение 18:21). В итоге воцарится абсолютная справедливость, но этому предшествует период катаклизмов, яростной борьбы против сил зла.

Я считаю, что псалмы проклятия – это образец отношения ко злу и несправедливости. Не надо подавлять в себе ужас и гнев. Но нельзя брать правосудие в свои руки – следует обратиться с этими чувствами к Богу, обнажить их перед Ним. Книги Иова, Иеремии и Аввакума ясно показывают, насколько Бог терпит ко всему, что мы можем сказать Ему в молитве. Бог может совладать с моей яростью, и я скоро увижу, что мой гнев и жажда мести нуждаются в определенной коррекции. Но, только обратив эти чувства к Богу, я получу необходимое мне исправление и исцеление.

Глава пятая.

Екклесиаст: итоги мудрости

Екклесиаст – это, по сути дела, классическое выражение крайней скуки, однако эта скука достигает столь высокого уровня, что ее выражение само по себе оказывается захватывающим. Тот, кто читает Екклесиаста, не будет томиться скукой так, как сам Екклесиаст.

Чарльз Уильямс

Помню, как я впервые увидел это слово на ярко-красной обложке книги, которую принес в дом мой старший брат: «Экзистенциализм сегодня». Я понятия не имел, что такое «экзистенциализм», но книга манила меня в таинственный мир передовой философии. Я рос в обстановке строжайшего консерватизма. Нас оберегали от опасных соблазнов, и цивилизация Левого Берега Сены была мне столь же мало известна, как обряды племени мумбо-юмбо. И вот в начале шестидесятых я, будучи подростком, прочел книгу в красном переплете и принялся собирать романы Сартра и Камю. Что-то во мне ожило, зашевелилось.

Сквозь, казалось бы, герметичную оболочку традиционного христианства уже просочились некоторые эмоции: полное безразличие к другим людям, всеобщий сдвиг, невосприимчивость к боли, спокойное признание безумия этого мира... Я узнавал в этих книгах самого себя. Читая один том за другим, я твердил: «Это я». Я тоже был сыном своего века.

Теперь, вспоминая те годы, я вижу, что в первую очередь меня привлекало отчаяние. Зачем я живу? К чему вся эта суэта? Разве один человек среди шести миллиардов на этой планете может хоть что-то значить? Эти вопросы обрушились на меня, словно океанский прилив, когда я читал французские романы, а затем Хемингуэя и Тургенева. Все бурные волны шестидесятых годов прошли надо мной, а экзистенциализм давал своего рода ответ на животрепещущий вопрос, говоря, что на него нет и не может быть ответа. Я читал как одержимый и находил все больше авторов – Джон Апдайк, Курт Воннегут, Джон Ирвинг, Уолкер Перси – с тем же привкусом тщеты, с тем же ароматом давно угасшей сигары.

«Неважно, умрешь ты в тридцать лет или в семьдесят, – заявляет Мерсо в «Постороннем» Камю, – поскольку в любом случае другие мужчины и женщины будут по-прежнему жить и мир будет вращаться, как прежде». Ничто не имеет особого значения, верно? Проснешься ли ты или останешься валяться в постели, полюбишь жизнь или вознавидишь ее. Режь себе руку, как Матье у Сартра, застрели человека под жарким алжирским солнцем, как это произошло в «Постороннем» Камю, или просто шляйся на манер героев Хемингуэя из бара в бар в поисках новой потасовки. Жизнь идет независимо от того, пытаешься ли ты что-то изменить или просто отдаешься течению. Что такое человек, если не одно мгновение в миллиардах лет истории?

Таково общее настроение современной литературы, и на какое-то время оно стало и моим настроением. Карл Юнг отмечает, что по меньшей мере треть его пациентов страдала неврозом без конкретной причины, от общего ощущения бессмыслицы и пустоты жизни. Более того, Юнг называет утрату смысла жизни основным неврозом современности. Люди терзают себя вопросами, на которые ни философия, ни религия не дадут ответа.

Даже теперь, спустя десятилетия, я впадаю порой в экзистенциальное настроение. Например, когда я отправляюсь в далекое путешествие, связь с реальным миром ослабевает, и мне кажется, что я парю над человечеством и с некой одинокой вершиной наблюдаю за людьми в Японии или Египте, или еще где-нибудь. Они отчасти похожи на меня, отчасти нет, и вершат заведомую рутину человеческой жизни. Дети учатся говорить, начиная с сообщения о потребности сходить «пи-пи», потом они вырастают, соблюдают различные запреты, рождают своих детей, а в старческом маразме вновь начинают говорить «пи-пи». В чем смысл этой карусели? Чем мы отличаемся от других животных? Наверное, мы сообразительнее муравьев, но зато мы не столь способны к совместному труду. Зачем мы вообще живем на земле?

Честертон как-то сказал: «Все люди важны. Вы важны. Я важен. Из всех богословских истин в эту труднее всего поверить».

Первый экзистенциалист

Через несколько лет после моей первой встречи с экзистенциализмом, когда Бог уже отчасти исцелил во мне чувство тщеты и отчаяния, я с ужасом обнаружил выражение тех же самых чувств не где-нибудь, а в Священном Писании. Эта таинственная, редко вспоминаемая читателями книга Екклесиаста содержит в себе все мысли и эмоции, которые я находил у проповедников экзистенциального отчаяния. Автор этой книги, безымянный Проповедник, кажется некой величественной фигурой – это самый мудрый, самый богатый, самый могущественный человек своего времени. Первые же слова книги раскрывают его отношение к жизни:

«Суэта суэт,
сказал Екклесиаст, суэта суэт, –
все суэта!»

Это ключевое слово «суэта» повторяется в небольшом по объему тексте
Страница 63

Библия, которую читал Иисус filosoff.org тридцать пять раз, подтверждая, закрепляя основную тему. За пределами книги Екклесиаста это слово встречается только у Иова. Книга пронизана острым чувством бессмыслицы существования. Проповедника тревожат те же вопросы, какие терзали Иова и какие и поныне мучают любого честного человека. Богатые становятся богаче, бедные – беднее, дурные люди процветают, хорошие страдают, страной правят тираны, происходят стихийные бедствия, жизнь полна несчастий, а заканчивается она смертью, и человек обращается в прах. Ни в чем нет смысла, мир сошел с ума, все в нем извращено.

«Так забудьте о благоразумии, – говорит Проповедник. – Ешьте, пейте, хватайте мимолетное счастье. Какой еще смысл можно обрести в жизни? Человек работает изо всех сил, а плоды его труда пожинают другие. Человек старается быть хорошим и праведным – и превращается в пыль под ногами дурных. Копит деньги – их унаследуют глупцы; ищет удовольствий – они оставляют кислый привкус во рту. И в любом случае всех нас – богатых и бедных, хороших и дурных – ждет один конец: все мы умрем. Смерть, постоянно нависая над нами, опровергает робкие попытки утверждать, будто человек рожден для счастья. Одно лишь слово точно описывает эту жизнь: «суэта»!

Одно дело – прочесть нечто подобное у Альбера Камю, но в Библии?!

Интересно, оценили ли современные экзистенциалисты тонкую ironию Екклесиаста 1:9–10, где сказано: «Нет ничего нового под солнцем», «ничего, о чем можно было бы сказать: «Смотри, вот это новое». Оказывается, то, чтоказалось в 1960-е годы отважным ниспровержением всех идолов, было попросту осуществлением усталых пророчеств древнего Проповедника, за три тысячи лет предвидевшего весь объем человеческого опыта. Поражало другое: почему этот текст включен в Библию? И в это же время музыкальная группа «Бёрдз» выпустила пластинку с названием, заимствованным из Екклесиаста 3: «Всему свое время». Складывалось впечатление, что книга Екклесиаста и впрямь годится на все времена, и я решил, что пора попытаться как-то постичь этот текст.

После того как я преодолел первое изумление, эта книга заставила меня искать ответы на еще несколько вопросов. Одна проблема возникла сразу же, поскольку я читал книги Ветхого Завета подряд. Как эта книга сочетается с непосредственно примыкающим к ней текстом Притч? Трудно представить себе две более противоречащие друг другу книги. Стоит их сопоставить, и возникает впечатление, что книга Екклесиаста – это издевательское опровержение притч.

Притчи предлагают нам разумную упорядоченную жизнь: изучай мудрость, будь благоразумен, следуй правилам – и будешь жить долго и счастливо. Эта интонация мирского оптимизма напоминает мне афоризмы Бенджамина Франклина. Даже сегодня в нашей стране производятся настенные коврики в раннеамериканском стиле с вышитыми на них изречениями из Притчей. Однако мне нигде не попадались коврики с цитатами из Екклесиаста, который убеждает нас, что в этом мире притчи неприменимы. Этот уверенный, деловитый тон – я-де разобрался в жизни, а тебе остается лишь следовать моим разумным наставлениям – исчезает, сменившись тоской и цинизмом. Честные и бережливые страдают и умирают наравне со всеми, дурные процветают и богатеют, сколько бы притчи ни твердили нам об обратном.

«Есть и такая суэта на земле: праведников постигает то, чего заслуживали бы дела нечестивых, а с нечестивыми бывает то, чего заслуживали бы дела праведников. И сказал я: и это – суэта!»

Чтобы ощутить поразительный контраст между Притчами и книгой Екклесиаста, достаточно сопоставить, как в этих текстах употребляется слово «мудрость». Притчи превозносят мудрость, они персонифицируют ее, здесь даже чувствуются некоторые мессианские интонации. Что думает о мудрости проповедник?

Библия, которую читал Иисус filosoff.org
«Потому что во многой мудрости много печали;

и кто умножает познания, умножает скорбь»

(1:18).

Проповедник признает, что мудрость имеет определенное преимущество перед глупостью. Но что в этом толку? Обоих постигнет одна и та же судьба (см. 2:13-14). «Ибо кто знает, что хорошо для человека в жизни, во все дни суетной жизни его, которые он проводит как тень? И кто скажет человеку, что будет после него под солнцем?» (6:12).

Этот контраст между двумя соседними книгами Ветхого Завета озадачивал и раздражал меня. Неужели даже в Библии нет последовательности? Но со временем я научился ценить разнообразие как одну из наиболее сильных сторон Ветхого Завета. Библия, словно огромная симфония, звучит то радостно, то печально, и каждая интонация вплетается в общий хор. Весь наш опыт отражен в этой книге: иногда это испытания Иова, а порой – блаженная уверенность Псалма 22. Мы живем в мире, который то разумно следует принципам Притчей, то разрывается безумными противоречиями Екклесиаста.

Проклятие благополучия

Меня также озадачивало традиционное отождествление проповедника с Соломоном, автором многих притчей. Большинство исследователей Библии сомневаются в авторстве Соломона (сама книга не называет автора по имени, и некоторые приметы предполагают более позднюю датировку). И все же «тень» Соломона ощутимо присутствует в этом тексте (ср. 1:1, 12, 16; 2:4-9; 7:26-29; 12:9). Предположим, что герой какой-нибудь пьесы – президент, сложивший с себя полномочия в результате скандала, угрожавшего ему импичментом. Нет никакой необходимости называть имя Ричарда Никсона, поскольку публика и так узнает его. Точно так же вся интонация Екклесиаста вполне соответствует духу царствования Соломона, когда государство Израиль достигло высочайшей точки в своей истории.

В том-то и загвоздка. Почему черное отчаяние Екклесиаста просочилось в золотой век Израиля, в эпоху, когда все шло как нельзя лучше? Мне казалось, что столь мрачная книга должна быть написана в пору египетского рабства, а не в славные дни Соломона и его ближайших преемников. Но когда я внимательней присмотрелся к современной литературе, полной отголосков Екклесиаста, я понял, что был неправ.

Мне всегда казалось странным, что современная философия экзистенциального отчаяния зародилась в прекраснейшем городе Париже в пору его богатства и все возрастающих возможностей. Я убедился в том, что экзистенциальное отчаяние и проповедника, и Камю порождено жирной почвой успеха. Но почему?

Книга эссе Уолкера Перси «Послание в бутылке» начинается с разговора об этой аномалии. Перси задает целый ряд вопросов и среди них следующие.

Почему в самом красивом городе Америки – Сан-Франциско – совершаются больше самоубийств, чем где-либо в стране? (В Европе на первом месте по количеству самоубийств стоит Зальцбург в Австрии.) Почему Жан-Поль Сартр, писавший «Тошноту» в парижском кафе, говоривший о бессмыслице человеческого существования и об отвращении к жизни в XX веке, был самым счастливым человеком во Франции?

Почему человек в поезде дальнего следования «Ларчмонт – Нью-Йорк», имея в своем распоряжении все для удовлетворения своих желаний и потребностей, хороший дом, любящую жену и семью, нормальную работу, располагая прекрасными «возможностями для досуга и отдыха», часто впадает в тоску, сам не зная, отчего?

Перси объясняет далее, что отчаяние порождается скорее изобилием, чем лишениями. И в самом деле, я не увидел ни тени отчаяния или богооставленности в мрачном трехтомнике «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына:

Библия, которую читал Иисус filosoff.org видел гнев, страстное стремление к справедливости и упорное желание выжить. Виктор Франкл в книге «Человек в поисках смысла» также свидетельствует о том, что узники концентрационных лагерей, и он в их числе, не позволяли себе поддаваться чувству бессмыслицы, поскольку только стойкая вера в смысл жизни могла поддержать их.

Экзистенциальному отчаянию нет места в аду Освенцима или Сибири. Оно появляется на свет в парижских кафе и кофейнях Копенгагена и на роскошных виллах Беверли Хиллз. Писатель Филипп Рот после поездки в страны Восточной Европы в период холодной войны писал: «На Западе все движется – но ничто не имеет значения. На Востоке ничто не тронется с места – но все имеет значение».

Итак, как это ни парадоксально на первый взгляд, книга отчаяния должна была скорее всего возникнуть в период расцвета. Сопоставим книгу Екклесиаста и книгу Иова. Они посвящены, в общем, одной и той же теме: несправедливому устройству мира, проблеме боли, страдания праведных и преуспления дурных. Но сколь различна их интонация! Екклесиаст твердит о суете и бессмыслице жизни, в то время как Иов кричит о предательстве и муке и требует справедливости. Иов потрясает кулаком, призывая Бога к ответу, он хочет услышать Его объяснения. Проповедник, пожимая плечами, бормочет: «Что с того?» и тянется за очередным бокалом вина. Мы видим два крайних выражения отчаяния – от муки неутолимого страдания до декадентской высокомерной скучи.

Интонация Екклесиаста в точности отражает настроения, господствующие в процветающих странах Запада. Энделл Берри так рассказывает о среде, в которой он вырос, – о благополучном американском обществе:

«Мы знали и принимали как должное брак без любви, секс без радости, выпивку без общения, рождение, праздник, смерть без сопутствующих обрядов, веру без сомнения и испытания, убеждения без дел, хорошие манеры без благородства... Словно подвергшись операции на мозге, мы утратили такие человеческие эмоции, как маленькие удовольствия, радость, удивление и восторг».

А что происходит в Европе? Люди ездят на «Вольво» и БМВ, едят в роскошных ресторанах, ходят в секс-магазины и хотят «жить хорошо». Избавившись от колонизаторских амбиций, они готовы даже отзваться с умеренным состраданием на очередной кризис за рубежом, будь то голод или наводнение. Этих людей не назовешь дурными, но их не интересует Бог и не волнуют проблемы нравственности. Такими людьми возмущался Иов:

«Они проводят годы свои в процветании
и с миром сходят в могилу.
Но они говорят Богу: «Оставь нас!
Мы не хотим знать пути Твои.
Кто такой Всемогущий, чтобы мы служили Ему?
К чему нам возносить Ему молитвы?»

Но Екклесиаста подобная модель мира привлекает. Как говорит Джек Майлс, «Екклесиаст не проклинает и не благословляет Бога, он считает Его непостижимым и старательно избегает любого пути, даже пути мудрости и праведности».

В первой главе Екклесиаста мы уже находим ключ к источникам экзистенциального отчаяния. Проповедник восклицает: «Это тяжелое занятие

Библия, которую читал Иисус filosoff.org дал Бог сынам человеческим» (1:13) и затем с биографическими подробностями описывает свое «бремя». В отличие от Иова проповедник согнулся не под бременем личных несчастий, а под непосильной ношей благополучия. Он приобрел великую мудрость, проводил широкомасштабные социальные преобразования, накопил больше богатства, чем какой-либо человек до него, испытал всевозможные удовольствия. И в конце концов он пришел к выводу, что «Все – суета и томление духа, и нет от них пользы под солнцем!» (2:11). В награду за все усилия он приобрел лишь страх смерти и тяжелую бессонницу. Чего же ради стараться?

Проповедник и не надеялся разрешить загадку жизни, и его сдержанная, отстраненная позиция резко отличается от воинственности Иова. В отличие от Иова и от большинства псалмопевцев проповедник, по-видимому, не устанавливает близкие отношения с Богом. Он вернулся к идолопоклонству. Это не означает, что он поклоняется статуям, его язычество больше напоминает современное состояние духа, когда лишь немногие люди посещают церковь, а большинство предпочитают «качество жизни». Таково язычество граждан Америки, где все утверждают свое право на удовлетворением удовольствие – и никто не смеет им в этом препятствовать. Проповедник вполне признал бы такую позицию с одной лишь оговоркой: все равно вы ничего не достигнете, потому что вам всегда потребуется нечто большее. Проповедник делает свои выводы:

Всего насмотрелся я в суетные дни мои:
праведник гибнет в праведности своей;
нечестивый живет долго в нечестии своем.

Не будь слишком строг,
и не выставляй себя слишком мудрым:
зачем тебе губить себя?

Не предавайся греху,
и не будь безумен:
зачем тебе умирать не в свое время?

Хорошо, если ты будешь держаться одного
и не отнимать руки от другого
(7:15–18).

Совет проповедника «Будь праведен, но не слишком, мудр, но не чересчур» – прекрасный образец Золотого правила. Испытав обе крайности, Екклесиаст пытается установить середину между гедонизмом и самоубийством.

Методика КГБ

- В чем смысл жизни ? – спросил ученик своего рабби.
- Какой прекрасный вопрос! – воскликнул рабби. – Неужели ты хочешь променять его на ответ ?

Очевидное противоречие между книгой Екклесиаста и практически всей Библией заставляло меня вновь и вновь ломать себе голову над тем, каким образом этот текст вообще оказался включенным в Ветхий Завет. Чтобы понять проблему Екклесиаста, прочтите эти строки. Они все вырваны из контекста, но каждая из них точно отражает точку зрения проповедника:

Смотри на действование Божие:

ибо кто может выпрямить то,
что Он сделал кривым?

(7:13)

Итак иди, ешь с веселием хлеб твой,
и пей в радости сердца вино твое,
когда Бог благоволит к делам твоим

(9:7).

Пиры устроиваются для удовольствия,
и вино веселит жизнь;
а за все отвечает серебро

(10:19).

Все, что может рука твоя делать, по силам делай;
потому что в могиле, куда ты пойдешь,
нет ни работы, ни размышления,
ни знания, ни мудрости

(9:10).

Каждое из этих высказываний отражает определенную стадию в своего рода обратном паломничестве проповедника, исследующего и не находящего смысл жизни. Каждое из этих высказываний резко противоречит другим частям Библии. Почему Екклесиаст столь подробно описывает все существующие заблуждения и пустые умозрения, включая в свои рассуждения лишь пригоршню фраз, которые более или менее соответствуют «общепринятому» библейскому учению?

Комментируя книгу Екклесиаста, консерваторы создали нечто вроде теории «методов КГБ». На исходе холодной войны видный офицер КГБ бежал в США. Он выступал в вечерних новостях, превознося ценности американской демократии. Затем он получил большой участок земли в Виргинии и благополучно устроился там. Однако не прошло и нескольких месяцев, как он укрылся в советском посольстве, отказался от политического убежища и заявил, что все хвалебные слова американскому образу жизни были ложью.

Многие комментаторы воспринимают Екклесиаста как такого же провокатора. Они говорят, что автор этой книги, искренне верующий человек, отнюдь не склонный впадать в отчаяние, надевает маску мирского человека, из тех, кто «под солнцем» (это выражение повторяется в тексте тридцать раз). Он заманивает читателя, всячески изобличая суету этой жизни «под солнцем», а под конец расставляет ловушку и – ага, попались! – возвещает истину, в которую он ни на минуту не переставал верить: «Бойся Бога и заповеди Его соблюдай, потому что в этом все для человека» (12:13).

Библия, которую читал Иисус filosoff.org

Апологет Фрэнсис Шеффер применяет подобный метод, подводя, как он говорит, «человека к логическим выводам из его предпосылок». На время дискуссии он готов принять крайние материалистические идеи – отсутствие Бога, отсутствие абсолюта, а затем демонстрирует, что логические следствия из этих предпосылок ведут к анархии и самоубийству. Многим этот метод кажется весьма убедительным. Его использовали русские писатели Тургенев в «Отцах и детях» и Достоевский в «Братьях Карамазовых» и «Бесах». Они доводили до крайности выводы нигилизма (само это слово ввел в оборот Тургенев) и показывали непригодность этой философии в качестве общественной или личной этики. «Если Бога нет, все позволено», – писал Достоевский.

Однако трудно поверить, чтобы Екклесиаст пользовался такой методикой апологетов. «Мирские» и «суэтные» высказывания занимают в этом тексте чересчур много места и выглядят куда убедительней, чем редкие лучи света. Мильтон, сам того не желая, превратил Сатану в подлинного героя «Потерянного рая». Так и в Екклесиасте отчаяние оказывается гораздо мощнее всего остального, а более оптимистичные или «благочестивые» высказывания выглядят достаточно чужеродными, словно проповедник вставил их в тщетной попытке вернуть себе надежду. Чтобы постичь смысл этой книги, я должен был погрузиться глубже в эту странную философию проповедника, изучить ее изнутри.

Бремя богов

Единственная мудрость, какую мы можем приобрести, – это мудрость смирения. Смирение бесконечно.

Т. Элиот

На мой взгляд, суть учения Екклесиаста сконцентрирована в главе 3 его книги. Здесь находится наиболее часто цитируемое выражение, которое повторили в своей песне популярные музыканты шестидесятых годов – «Всему свое время». Затем следует фраза, которую я уже приводил: «Видел я эту заботу, которую дал Бог сынам человеческим». Следующий раздел этой главы задает тон всему, что будет в дальнейшем.

Проповедник развивает учение, которое богословы называли антропологией, или учением о человеке. Он обсуждает сходство людей с животными – ведь всех нас ожидает одна и та же участь – и различия между нами. Главное отличие заключается в том, что мы несем бремя богов. Как говорил Паскаль, человек отличается от животного именно потому, что он сознает свою малость.

об этом «бремени» говорили греки в мифе о Промете, который дал людям огонь (искусство и просвещение). Но боги посчитали, что он дал им «честь сверх должно», и в наказание Зевс приковал Прометея к скале и послал орла, который терзал печень героя. Итак, превзойдя свою меру, человечество навлекает на себя вину и страдание.

У христиан есть параллель этому греческому мифу. Мы тоже верим, что Бог возложил на нас бремя, к которому мы сами потянулись. В саду Эдема не было и тени эзистенциального отчаяния, а труд и удовольствие полностью удовлетворяли человека. Но в эту блаженную пору Адам и Ева захотели уподобиться Богу, познав добро и зло. Они отвергли свой статус творения и потянулись к чему-то большему, чем Бог дал им. Они не смогли довериться Богу, и бремя богов легло на их плечи.

Наш век, как никакой другой, мучительно причастен к бремени богов. Мы открыли и высочайшую надежду, и сокрушительное отчаяние. Большинство наших проблем порождено, как это ни странно, мечтой о прогрессе, стремлением к самоусовершенствованию и лучшей жизни. В конце XIX века казалось, что наука и техника сумеют излечить болезни, облегчить боль и все мы заживем по-царски. Прогресс и впрямь даровал нам посудомоечную машину и многочисленные прививки, но заодно с ними атомное оружие, парниковый эффект и бесчисленное множество канцерогенов.

Бруно Беттельхейм писал:

«Никогда прежде такому количеству людей не жилось так хорошо: мы уже не дрожим в страхе перед болезнями и голодом, перед злом, таящимся в темноте, перед чарами ведьм. Мы избавлены от труда охотиться за своей пищей; машины, а не ручной труд поставляют нам почти все, что нам требуется, и много такого, без чего мы вполне могли бы обойтись. Мы унаследовали свободы, за которые человечество билось несколько столетий. Благодаря всему этому мы должны были бы ощутить рассвет новой великой надежды. Однако теперь, когда мы могли бы вовсю наслаждаться жизнью, мы испытываем глубочайшее разочарование, потому что свобода и комфорт, о которых мы так мечтали, не придали ни цели, ни смысла нашей жизни».

Наши достижения оборачиваются против нас самих. Мы стараемся продлить человеческую жизнь, но мы не в силах дать смысл жизни человеку, постоянно прикованному к сложнейшей аппаратуре, – и тут же появляются «альтернативные решения». Мы поставляем в страны третьего мира антибиотики, стремительно снижая показатели детской смертности, – в результате население резко возрастает, и ему уже грозит призрак голода. Мы ухнули сотни миллиардов долларов на войну с бедностью – в итоге бедняков стало больше, чем прежде.

Наиболее развитые в технологическом отношении страны занимают первые места по количеству разводов, наркоманов, абортов, разгулу насилия и преступности.

Как говорит Мальcolm Маггеридж в книге «Новое открытие Иисуса»:

«В итоге мы почти неизменно получаем совсем не то, к чему стремились. Распространение образования способствовало росту неграмотности, полстолетия пацифизма завершились двумя самыми страшными и разрушительными войнами, стремление ко всеобщему равенству только обострило классовое самосознание, а сексуальная свобода породила всевозможные мании в невиданных прежде масштабах».

Так и Екклесиаст произносит грозное пророчество в пору неслыханного благосостояния и общественного прогресса. Правитель Израиля чувствовал и в себе, и в своем народе неспособность выдержать это бремя. Он усвоил тот суровый урок, который Моисей старался преподать израильтянам: все, к чему притрагивается человек, отмечено роковым изъяном, и опасней всего хорошие времена, потому что лучшие наши побуждения приведут нас к краху. Иначе говоря, люди – отнюдь не боги, и именно эта мысль доводит проповедника до отчаяния. Роджер Шаттук назвал это в честь персонажа Чосера «синдромом Батской ткачихи»: «Мы недовольны своей участью, какой бы она ни была, просто потому, что она нам досталась».

Вечность в наших сердцах

Однажды в нескольких милях от города Анкоридж на Аляске я наткнулся на поразительно красивый пейзаж. Сначала я заметил множество автомобилей, свернувших с шоссе. Там, на фоне серого, как сланец, неба вода в океанском заливе приобретала слегка зеленоватый оттенок с редкими белыми прожилками. Вскоре я догадался, что эти белые просветы на самом деле дельфины, серебристо-белые дельфины-белухи, резвящиеся едва ли в пятидесяти футах от берега. Яостоял там сорок минут рядом с другими зрителями, прислушиваясь к ритмическому биению океана, следя глазами за изящными, призрачно-размытыми полумесяцами, пропавшими на поверхности там, где кормились дельфины. Люди замерли в благоговейном молчании. На этот миг все остальное – заказанный в ресторане столик, экскурсионный план, домашние дела – отошло на второй план. Мы умилительно созерцали мирную и вместе с тем величественную картину и чувствовали себя незначительными перед ней. Все мы, незнакомые друг другу, стояли рядом в молчании, а белухи потихоньку уплывали. Затем мы сели в машины, чтобы вернуться к своей занятой, организованной жизни. Но часть своего постоянного напряжения мы оставили на

Библия, которую читал Иисус filosoff.org
берегу океана.

Проповедник, несомненно, оценил бы наше отношение к дельфинам, ибо он настаивает, что хоть мы и не боги, но мы и не животные. Бог «вложил вечное в сердца людей». Эта красивая фраза охватывает многое в человеческой жизни. Она указывает и на присущий нам религиозный инстинкт, который, к изумлению антропологов, находит себе выражение в любом известном нам человеческом обществе. Однако наши сердца соприкасаются с вечностью и иными, не только религиозными способами. Проповедник отнюдь не является нигилистом, он отчетливо, ослепительно ясно видит красоту тварного мира.

Я нахожу в книге Екклесиаста следы той «ностальгии», того *Sehnsucht*, о котором столь красноречиво говорит Льюис. «Отблесками благодати» назвал он как-то эти отголоски трансцендентного, которые улавливали, слушая музыку, читая греческий миф или находясь внутри собора. Мы все порой испытываем эту тоску, этот порыв: в сексе или в созерцании, в музыке, в природе или в любви.

Каков источник нашего чувства красоты и связанного с ним удовольствия? Мне кажется, это ключевой вопрос. Для атеиста он может стать философским эквивалентом христианской проблемы страдания. Ответ проповедника совершенно ясен: благой и любящий Бог желает, чтобы Его создания испытывали восторг и радость и осуществляли свои цели. Честертон утверждает, что именно радость, эта «вечность в сердце», стала вехой, указавшей ему путь к Богу:

«Наконец – и это самое странное – мной овладело смутное и сильное чувство: все хорошее – остаток, который надо беречь и ценить, как осколок давнего крушения. Человек спас свое добро, как Крузо свое после крушения. Так я чувствовал, и век не сочувствовал мне. И все это время я и не думал о христианстве» («Ортодоксия»).

Столкновение с красотой или переживание глубокой радости помогает нам забыть наш статус смертных, но ненадолго. Днем мы ласкаем малыша, но вечером уже кричим на него; ночью мы занимаемся любовью, а днем вновь скоримся. Новобрачная выходит из церкви, надеясь на счастливую жизнь до гроба, и родители приносят младенца из роддома, преисполненные радости. Но мы знаем, что половина браков распадается и по меньшей мере треть детей подвергается насилию со стороны родителей. нет, нам не дано принять на себя невыносимое бремя богов.

Конечно, бывает и так, что человек ощутит прикосновение вечности в своем сердце, но не обратится к Богу, Который даровал ему это чувство. Для тех, кто живет «под солнцем», проповедник заготовил самую что ни на есть простую весть: вам никогда не удастся прийти к удовлетворению. «И это все?» – спрашивает певица Пегги Ли в собственной версии Екклесиаста. К краху ведет и позитивный путь – погоня за богатством, успехом, усладами секса, и негативный – отказ от всего, маргинальность, вызванный химическими средствами ступор. Проповедник в своей одиссее испробовал оба пути.

Этот рассказ о декадансе богатейшего, мудрейшего и самого талантливого человека своего времени может послужить аллегорией того, что происходит с каждым из нас, когда мы забываем о Даятеле, наслаждаясь Его добрыми дарами. Удовольствие – несомненное благо, но и грозная опасность. Если удовольствие превратится для нас в самоцель, то на этом пути мы упустим из виду Того, Кто дал нам эти дары: половое влечение, вкусовые ощущение и способность воспринимать красоту. По словам Екклесиаста, в таком случае стремление к удовольствию, как это ни парадоксально, приведет нас в пучину отчаяния.

Екклесиаст утверждает, что даже камни, которые мы попираем ногами, хороши сами по себе: «Все соделал Он прекрасным в свое время» (3:11). Но, приняв на себя бремя, не для нас предназначеннное, мы обратили наготу в порнографию, вино – в алкоголизм, пищу – в чревоугодие, разнообразие человеческих типов – в расизм. Отчаяние наступает тогда, когда мы злоупотребляем добрыми дарами Бога: они перестают быть дарами и в них уже нет добра.

Библия, которую читал Иисус filosoff.org

Книга Екклесиаста остается и для нас великим поэтическим произведением и истиной, поскольку этот текст показывает нам обе стороны нашей жизни: обещание удовольствий, столь привлекательных, что мы готовы посвятить им свою жизнь, и мучительное осознание того, что в конечном итоге эти удовольствия не насыщают нас. Великий и полный соблазнов мир Божий слишком велик для нас. Мы, созданные для иного пристанища, созданные для вечности, в конце концов понимаем, что по эту сторону рая ничто не утолит наш голод.

Так говорит проповедник: «Он вложил вечность в сердца людей, но они не в состоянии постичь, что Бог сделал от начала и до конца». В этих словах – суть книги Екклесиаста. Этот урок Иов усвоил в прахе и пепле, а проповедник – во дворце: людям не дано самим устроить свою жизнь. В конце концов Екклесиаст сам признает, что жизнь не получит никакого смысла вне Бога, а полного смысла не получит никогда, потому что мы – не боги. Как писал Кьеркегор: «Если человек не должен проспать свою жизнь в бездействии или растратить ее в суетной спешке, значит, есть нечто высшее, что притягивает его к себе».

Или, говоря словами проповедника:

Как ты не знаешь путей ветра
и того, как образуются кости во чреве беременной:
так не можешь знать дело Бога,
Который делает все
(11:5).

Пока мы не признаем свою ограниченность и не подчинимся власти Бога, пока не доверимся даятелю благих даров, нас неизбежно ожидает отчаяние. Екклесиаст призывает нас примириться со статусом тварного создания под властью Создателя, и лишь немногим из нас это удается без мучительной борьбы.

Повесть о двух царствах

Знаете, когда человек так стар, как я – мне семьдесят пять лет, – и близок к смерти, с ним происходят удивительнейшие вещи. Часто просыпаешься среди ночи, в два–три часа утра, и чувствуешь, что наполовину находишься в своем теле, а наполовину уже вышел из него. Странное, непривычное положение. Ты можешь видеть, как твое старое тело лежит в постели, и ты не знаешь, вернешься ты в него и пройдешь рутину еще одного дня или же устремишься туда, где сможешь увидеть небесные огни, огни Града Божьего. В этом лимбе, в пограничной ситуации – и внутри своего тела, и вне его – обретаешь потрясающую уверенность, необычайно обостренное чувство, что наша земля со всеми ее изъянами – это поразительно прекрасное место, что весь опыт нашей жизни уникален и замечателен, что отношения с другими людьми, человеческая любовь, рождение детей, работа – все это истинное чудо, несмотря на все трудности нашего положения. И, наконец, возникает особая уверенность, превосходящая прежнюю, – это чувство причастности к Его замыслу творения, к замыслу, который исполнен любви, а не злобы, к творению, а не к разрушению, к общему, а не к частному. И в этой уверенности я обретаю небывалый покой и беспредельную радость.

Мальcolm Maggeridg «Конец христианства».

Не так уж много проповедей берут за основу текст книги Екклесиаста, поскольку в Библии трудно найти более смущающую книгу. Многие консервативные христиане относятся к ней с вежливым неудовольствием, словно этот текст проник в канон самовольно, по чьему-то недосмотру. Я же начал воспринимать книгу Екклесиаста не как ошибку и не как хитроумную апологию

Библия, которую читал Иисус filosoff.org «от обратного», а как серьезное напоминание об ограниченности человеческого существования. Екклезиаст обнаруживает неизбежные итоги жизни, в которой Бог перестал быть центром и средоточием; он предупреждает о ловушках, грозящих верующему не меньше, чем язычнику. Наилучшим примером в этом отношении может послужить царь Соломон, чей призрак присутствует в этом тексте.

Начиная с главы 12 Бытия Ветхий Завет повествует о том, как Бог исполнял Свой завет с Авраамом. Сначала Бог отделил племя потомков Израиля, а потом в результате трудного и даже мучительного процесса превратил его в большой народ. После исхода из Египта израильтяне получили собственную страну, и таким образом исполнилось последнее обещание. В дни Соломона единый народ обрел мир и процветание. Кульминацией мы видим в Третьей книге Царств, главе 8, когда слава Господня изливается на землю, наполняя построенный Соломоном храм. В дни правления Соломона все сбывалось – евреи несли свет язычникам, множество иностранных правителей, начиная с царицы Савской, лично являлись в Иерусалим подивиться чудесам Израиля и его Бога. Царствование Соломона – это блестательный период благополучия в полной тревоге истории Израиля.

Наверное, никому из исторических деятелей не выпадало на долю столько преимуществ, сколько царю Соломону, начиная с привилегии царского рождения, невероятных природных талантов и сверхъестественного дара мудрости. И все же Соломон, несмотря на это, не осилил бремени богов. Его сексуальные излишества сделались легендарными: у него было семьсот жен и триста наложниц. Третья книга Царств долго и подробно описывает семилетнее строительство храма, а затем подчеркивает, что дворец Соломона вдвое превосходил своими размерами храм и что его строительство заняло вдвое больше времени. Именно Соломон первым установил идов в священных местах Иерусалима, потому что ему хотелось угодить своим чужеземным женам. Первый правитель, на чье царствование возлагалось столько надежд, в конце концов преступил все заповеди, ограничивающие самоуправство царей. Автор трех тысяч притчей нарушал свои же собственные правила с неслыханным размахом.

После смерти Соломона народ раскололся надвое и с тех пор двинулся навстречу гибели. Как предсказывал Моисей, час величайшего торжества Израиля обернулся упадком и разрушением. Екклезиаст заметил начало упадка и извлек из него жесточайший урок, какому только можно было научиться в Иерусалиме. Таковы итоги града человеческого, противопоставленного граду Божьему. К этому приходит человек, предпочитающий земное царство Царству Божьему.

Возможно ли, что Бог допустил трагический эксперимент, в который превратилась история Израиля, чтобы показать нам конец любого земного царства? Соломон, обладавший всеми преимуществами мудрости, власти и богатства, всеми дарами Господа, привел свой народ к гибели. Неужели Бог даровал Соломону эти блага только для того, чтобы уничтожить наши иллюзии и приготовить путь к Новому Царству? Царства века сего основаны на разуме, красоте, богатстве или силе, но даже лучшие из них, лучшие на соломоновский лад, не избегнут краха. Разве история не подтверждала этот урок снова и снова?

Другой Царь, Который утверждал, что Он превосходит Соломона, опирался на бедных, слабых, угнетенных и с ритуальной точки зрения нечистых. Он умалил славу Соломона, сравнив его с полевой лилией. Он не предлагал никаких наград, кроме весьма вероятной перспективы позорной смерти на кресте. Царство Соломона было основано на преуспеянии, Царство Иисуса – на самопожертвовании. «Кто отдаст душу свою, тот ее сбережет», – чаще всего мы вспоминаем именно эти слова Иисуса. Мир все еще не был готов принять такое Царство. Даже когда Он вернулся на землю после Воскресения, Его ученики все еще не могли постигнуть особенность этого Царства. «Господи, на этот раз Ты восстановишь царство Израильское?» – спрашивали они, все еще имея в виду земное царство Соломона.

Ни израильские цари, преемники Соломона, ни последователи Иисуса не усвоили этот урок. А как же мы? Представляю себе Екклезиаста перед витриной, забитой современными журналами. «Так, все эти журналы по культивизму и бодибилдингу – «Shape», «New Body», «Muscle and Fitness»; неужели вы думаете сохранить свою плоть навсегда? Вы и не вспоминаете о могиле? «Success, Inc.», «Entrepreneur» – к чему вы стремитесь? Думаете и в самом деле найти здесь удовлетворение? «Mad», «Lampoon», «Atlantic», «Hargre's» – я испытал легкомыслие наряду с мудростью: конец у них одинаков – могила».

Библия, которую читал Иисус filosoff.org
Таинственные слова Иисуса «Что пользы человеку обрести весь мир, а душу свою потерять?» подводят итог всей мудрости Екклесиаста.

Екклесиаст потому звучит столь современно, что мы так и не усвоили этот урок. Мы все еще гонимся за видимым царством.

Экзистенциальные писатели, столь популярные в шестидесятые годы, в одном отношении и впрямь оказались пророками: они исследовали наши иллюзии и разоблачили их. В этом смысле беспокойные души, остро ощущающие дисгармонию мира, ближе к Господу, чем те, кто всем доволен. Говоря словами Уолкера Перси, человеческая раздвоенность – это «прежде всего чувство бездомности, возникающее потому, что человек – не у себя дома». В отличие от Проповедника, большинство современных писателей винят в нынешнем состоянии человечества либо Бога, либо отсутствие Бога, и лишь немногие понимают отчаяние как признак нашей смиренной потребности в Боге. Поэтому только эти писатели могут показать нам путь в тот дом, который изначально был предназначен стать нашим прибежищем.

Сущность всего

У евреев есть обычай вспоминать слова Екклесиаста один раз в году, в Праздник кущей. Живя в Чикаго, я наблюдал, как семьи, селившиеся вдоль северного берега озера Мичиган, возводили палатки во дворах своих коттеджей и там вкушали пищу и вспоминали события, относящиеся ко времени странствия их предков по Синайской пустыне. В разгар этой церемонии руководитель празднества поднимался на ноги и читал вслух всю книгу Екклесиаста в качестве напоминания о том, что нельзя полагаться на успех и благополучие.

Быть может, нам всем следует ввести обычай такого ежегодного чтения. Особенно это было бы полезно нам, американцам, живущим в кондоминиумах и коттеджных поселках, посреди изобилия земного царства, уверенным в вечном торжестве капитализма и надежно укрывшимся за ядерным щитом. Дж. Паркер назвал книгу Екклесиаста «единственной книгой Библии, которая полностью предназначена для возвращения нам чувства реальности».

Для верующих христиан эта книга также служит надежным компасом. По временам и мы чувствуем, как вера угасает в нас, как привычные ответы уже не способствуют решению загадки бытия. Мы впадаем в депрессию, испытываем отчаяние, скуку, безразличие. Иногда наступает другая крайность, и мы идем на поводу у той блаженной «духовности», которая сулит нам счастье и здоровье. Бывает и так, что мы, напротив, навязываем себе духовный аскетизм, отвергая радости пищи и питья, отдыха и любви. Екклесиаст противостоит всем этим опасным тенденциям, предлагая нам сугубое решение, лишенный иллюзий реализм. Вечность заключена в наших сердцах, но бремя богов давит на наши плечи.

Разумеется, вся весть Писания не сводится к книге Екклесиаста. Здесь ничего не сказано о завете, здесь нет чудесных историй Божественного вмешательства, нет и обещания конечного избавления. Проповедник ограничил свое зрение достаточно узкой перспективой, он говорит лишь о том, что видит вокруг себя. И все равно книга кончается призывом:

Выслушаем сущность всего:

бойся Бога и заповеди Его соблюдай,
потому что в этом все для человека;
ибо всякое дело Бог приведет на суд,
и все тайное, хорошо ли оно или худо

(12:13-14).

Библия, которую читал Иисус filosoff.org которому автор хитроумно привел нас, обойдя все ловушки. Другие вообще считают эту главу позднейшим дополнением, состряпанным писцами, которых напугал чрезмерный радикализм этой книги. Я же представляю себе усталого старика, похожего на Соломона – человека, который усердно искал разгадку бытия. В начале главы 12 он рисует поистине шекспировскую картину старости. И теперь, отягощенный ошибками и сознанием своей смертности, он говорит со вздохом: «Лишь одно важно: постараитесь посреди этого бессмысленного и суетного мира не забыть своего Создателя».

Философ Людвиг Витгенштейн пишет: «Верить в Бога – значит понимать, что явления этого мира еще не составляют сущность всего. Верить в Бога – значит понимать, что в жизни есть смысл... И этот смысл заключен не в самой жизни, но вне ее». Давид и другие авторы псалмов подбирали каждый кусочек своей жизни, чтобы почтительно представить его Богу. Проповедник поступает иначе: он распыляет и труд, и удовольствие на элементы и заходит в этом процессе столь далеко, что уже не в состоянии собрать их вновь воедино. Он снимает один слой за другим и вот уже наткнулся на пустоту. И тогда звучит предупреждение для тех, кто еще может ему последовать: помни своего Создателя, бойся Бога.

Писатели-экзистенциалисты придумали выражение «скачок веры», описывая разрыв между нашими культурными предпосылками и верой в трансцендентное. Те из них, кто сохранял связь с религией, находили родственную душу в Кьеркегоре, поклоннике Авраама, Иова, Давида и прочих рыцарей веры, сохранивших ее вопреки всем сомнениям, вопреки даже фактам, которые могли бы разрушить ее. Один из экзистенциалистов напомнил мне рассуждения математика и философа XVII века Блеза Паскаля, который также сражался с ощущением бесцельности бытия. Паскаль утверждал, что вера иной раз напоминает пари. Он говорил приятелям: «Если я верю в Бога и жизнь после смерти, а вы нет, и в итоге окажется, что Бога не существует, мы оба останемся в проигрыше. Но если Бог есть, вы все равно окажетесь в проигрыше, а я выиграю». Полагаю, проповедник одобрил бы такой подход.

Вопль, звучащий в конце этой книги, – отнюдь не торжествующее «Говорил же я вам!» Скорее это последний вздох необычайной личности, посвятившей свою жизнь поискам всех мыслимых альтернатив. Я различаю в этом вскрике интонацию «Клубка змей» Франсуа Мориака и «Силы и славы» Грэма Грина: ту усталую и разочарованную интонацию, которой окрасилось наше столетие. Если вы попали в ловушку видимого мира и не желаете более ничего видеть, холодная логика приведет вас к осознанию бессмысленности бытия и отчаянию. Наш путь превратится, по словам Марка Твена, в «печальное паломничество, в отчаянное скольжение из вечности в вечность». В конце своей книги Екклесиаст призывает нас: «Постарайтесь как-нибудь совершить этот скачок веры, ощутить присутствие Бога, и тогда в один прекрасный день жизнь обретет смысл. Наступит субботний отдых для вечности, заключенной в наших сердцах, и бремя богов ляжет на плечи воскресшего человечества легкостью бытия».

«Не знаю, Кто или Что задает этот вопрос. Не знаю, когда он был задан. Не помню, чтобы я отвечал на него. Но в какой-то момент я Кому-то или Чему-то ответил «да», и с этого момента я знаю, что бытие имеет смысл и потому моя жизнь имеет цель».

Даг Хаммерскейльд

Глава шестая.

Пророки: Бог отвечает

Вникая в слова пророков, мы словно все время подвергаемся ударам равнодушия. Нужен поистине каменный череп, чтобы выдержать подобную встряску.

Абрахам Хешель

Библия, которую читал Иисус filosoff.org

Если взять в руки Библию, принадлежащую даже самому усердному читателю Писания, посреди книги обнаружится ряд страниц с чистыми, не захватанными руками полями – явное свидетельство того, как редко раскрывается эта книга на текстах ветхозаветных пророков. Хотя семнадцать книг пророчеств составляют примерно пятую часть всего объема Библии, ими, как правило, пренебрегают. Почему? Я задал этот вопрос группе студентов, и один из них попытался как-то выразить общие ощущения: «Пророки какие-то неистовые, странные, и потом все они говорят одно и то же». Размышая над этим ответом, я понял, что юноша затронул проблему, которая смущала меня многие годы и препятствовала изучению пророков.

да, неистовые – это чувство осталось у меня с детства, после того как я побывал на «пророческих собраниях». Огромные плакаты, развешанные над кафедрой проповедника, кое-как сшитые белые простыни с изображением монстров, не снившихся и научной фантастике, – по большей части это были видения Даниила и Апокалипсиса. Ораторы, дотрагиваясь концом длинной указки до многочисленных глаз, рогов и когтей, объясняли значение каждого элемента. Странные это были люди – пророки. Джек Майлс отмечает: «Три величайших пророка – Исаия, Иеремия и Иезекииль – могут восприниматься как представители маниакального, депрессивного и психотического пророчества, но мы не располагаем примерами спокойного, здравого, разумного прорицания».

Сбивает с толку? Еще как. На любом пророческом собрании у каждого участника была собственная теория относительно того, сколько месяцев нам, христианам, предстоит страдать в пору испытаний и где сейчас, в тот момент, когда мы тут беседуем, подрастает Антихрист. Когда организовывался Европейский рынок, все лихорадочно оживились – вот оно, чудище десятилапое! Однако затем волнение слегка улеглось, когда к Сообществу присоединились одиннадцатый и двенадцатый член.

Позднее, изучая историю Церкви, я обнаружил, что христиане ошиблись в своих пророчествах в 1940-х годах, когда на роль Антихриста претендовали разом Гитлер, Сталин и Муссолини, что не сбылись ожидания 1840-х годов, когда сектанты собирались на горах, чтобы там встретить Второе пришествие. То же самое повторялось в 1400-х годах и в 400-х и даже в первом столетии нашей эры. Такие гении, как Джонатан Эдварде, Мартин Лютер и Исаак Ньютон, торжественно заявляли об осуществлении пророчеств, когда об этом – как мы теперь понимаем – и речи быть не могло.

Припоминаю, как Сейлем Кирбен распознал во вторжении в Америку африканских «пчел-убийств» исполнение Апокалипсиса, главы 5, знамения пятой трубы; как в 1980-е годы Хэл Линдси связал шпионский скандал с приближением конца света, поскольку советские кораблестроители завладели секретом, который позволял им сделать подводные лодки, невидимые для системы наблюдения США. Я давно уже ничего не слышал о Линдси (его книга «Памяти великой планеты Земля», бывшая бестселлером в 1970-е годы, сейчас едва ли доступна); кажется, его внимание теперь обращено не столько к России, сколько к Ираку. Один мой приятель насмешливо утверждал, что своей популярностью Джеймс Добсон обязан провалу Хэла Линдси: христиане внезапно осознали, что у них до конца света еще достаточно времени, чтобы создать семью.

Недавно появился целый ряд книг, в которых важнейшие события отнесены к 2000 году – эхо истерии, охватившей Европу в конце первого тысячелетия. Специалисты по пророчествам намекают, что в Израиле тайно выращиваются рыжие коровы, что в Бельгии разрабатываются компьютерные программы, позволяющие отследить «метку зверя», а также что на военных базах США уже появляются представители войск ООН. Что все это может значить?

Истолкователи пророчеств всегда находили убедительные доводы в пользу того, что зашифрованные библейские предсказания должны осуществиться именно в их дни, и все они, как выяснилось, ошибались. Что тут удивительного? У еврейских книжников было несколько веков на то, чтобы поразмыслить над пророчествами о рождении и жизни Иисуса, над теми стихами, которые нынешним верующим кажутся до прозрачности ясными. Тем не менее ни один из них не сумел точно предсказать Первое пришествие Мессии. Вправе ли мы рассчитывать, что кому-то удастся предсказать точные сроки Второго пришествия? Такого рода размышления отврашали меня от чтения пророков: если люди не могут прийти к единому мнению относительно содержания этих книг, стоит ли вообще за них браться?

«Все они говорят одно и то же». Должен признаться, это соображение стало
Страница 76

Библия, которую читал Иисус filosoff.org главным препятствием на моем пути к знакомству с пророками. Они наводили на меня скуку. Под видом политических рассуждений, проповеди, поэзии или литературного произведения они твердили одну и ту же простую мысль: «Будет плохо, хуже некуда, а потом станет намного лучше». Словом, при мысли о пророках в моем воображении возникала вереница мрачных стариков, грозящих миру пальцем, точь-в-точь как на какой-нибудь политической карикатуре.

Удивительно современные книги

В моей Библии тоже были страницы с безукоризненно чистыми полями, свидетельствовавшие о том, что определенные разделы так и остались непрочитанными, пока моя работа над «Библией для студентов» не вынудила меня приняться за изучение пророков. Мне нужно было это сделать для работы, и тут произошла удивительная вещь: мое отношение к этим книгам изменилось столь кардинальным образом, что теперь я мог бы назвать книги пророков наиболее любимым разделом Библии.

Я увидел отнюдь не пропитанных пылью и бессильно грозящих миру пальцем стариков, а самых что ни на есть современных писателей. Глава за главой передо мной разворачивались те самые темы, которые мрачным облаком окутывают наше столетие: молчание Бога, экономическое неравенство, несправедливость, войны, господство зла, неисцелимое страдание нашего мира. Эти темы порой возникают и в книге Иова, и в псалмах, и в книге Екклесиаста, и даже во Второзаконии, но пророки полностью сосредоточиваются на них, изучая их пристально, словно под микроскопом. Книги пророков – наиболее горестные и реалистичные книги Библии – красноречиво говорят о сомнениях, страданиях и комплексах, знакомых всем нам и мне в том числе. Я начал воспринимать их как мощное свидетельство двойственности человеческого бытия.

Исаия, этот столп веры, в момент отчаяния восклицает: «Поистине, Ты – Бог, Который скрывается». В другой раз он с такой же печалью изливает свою жалобу: «О, если б Ты покинул небеса и спустился к нам».

Большая часть книги Аввакума – громкая и откровенная жалоба к Богу, начинающаяся словами, которые были бы вполне уместны и в устах современных скептиков:

доколе, Господи, я буду взывать –
и Ты не слышишь,
буду вопить к Тебе о насилии –
и Ты не спасаешь?
для чего даешь мне
видеть злодейство?

Малахия и Иеремия громогласно заявляют о провале «богословия успеха». В их дни пророки Божьи уже не поражали врагов, как Илия, огнем небесным: они томились в темницах и на дне высохшего колодезя или же подвергались пыткам. Иеремия, в память о котором мы и ныне называем красноречивую жалобу «иеремиадой», заполнил самую длинную из библейских книг воплями, перемежающимися с рыданиями:

О, если б голова моя стала источником вод,
и глаза мои – источником слез!

Библия, которую читал Иисус filosoff.org

Сердце разбито во мне;

все кости сотрясаются.

Я подобен пьяному,

подобен человеку, обессиленному от вина.

О горе мне, горе!

Я изнываю от боли, от муки сердечной!

Сердце бьется во мне,

и я не могу молчать.

Откуда это экзистенциальное страдание? Более, чем собственная мука и мука своего народа, Иеремию терзает кажущееся бессилие Бога. Он бросает Ему вызов: «Отчего Ты подобен человеку, застигнутому врасплох, подобен воину, бессильному помочь?». Философ-агностик Вольтер едва ли смог бы лучше сформулировать эту мысль. Как может всемогущий и милосердный Господь терпеть хаос, в который превратился наш мир?

Пророкам казалось, что Творец все больше отдаляется от творения. «Почему процветают безбожные язычники? – спрашивали они. – Какова причина стихийных бедствий? Зачем в мире столько бедности и несправедливости и так мало благих чудес? Где же Ты, Господи? Почему Ты не говоришь с нами, как говорил прежде? Покажи нам Себя, наруши молчание. Бога ради – буквально, Бога ради! – сделай что-нибудь!»

Бог отвечает

Самое поразительное в книгах пророков – и именно по этой причине данный раздел Библии заслуживает тщательного изучения – то, что Бог отвечает на дерзкие вопросы. Он является в громе и молнии, отстаивая Свой способ править миром. На притятия пророков Он отвечает, предъявляя Свои претензии.

Представьте себе, что писателю, взявшемуся составить биографию Авраама Линкольна, попали в руки семнадцать длинных писем президента – послания его жене, генералам, госсекретарю, в которых раскрываются его глубочайшие переживания и наиболее тайные планы периода гражданской войны. Разумеется, в некоторых из этих писем речь идет об одном и том же, однако и в этом случае они будут различаться по стилю и интонации в зависимости от момента написания и адресата. Историки будут «препарировать» каждую фразу этих писем, надеясь проникнуть во внутренний мир величайшего президента Америки. Почему Линкольн принял такое решение? Почему он поступил так, а не иначе? Пророки дают нам столь же уникальную возможность заглянуть в замыслы Бога.

Отвечая пророкам, переживавшим из-за Его отсутствия, Бог называет самих пророков в качестве доказательства Своего попечения о народе Израиля. «Ибо Он не творит ничего, чего бы Он не открыл служителям Своим, пророкам». Как может сетовать на молчание Бога народ, породивший Иезекииля, Иеремию, Даниила, Исаию?

Пророки, как и во дни Моисея, требовали чудесного подтверждения всемогущества Бога. Но приговор уже прозвучал: как мы видели во Второзаконии, Израиль «отблагодарил» за чудесные знамения упрямством и мятежом. К чему повторять пройденный этап? Теперь Бог прибегает к силе слова, и орудиями Его становятся пророки. Очевидно, для Бога слова отнюдь не являются низшей формой знамения – Он избрал пророков, чтобы они сообщили народу страдание, испытываемое Самим Богом. Несчастный Иеремия был бы рад, если бы нашелся какой-нибудь иной способ для выражения этого страдания. Слово Божье, жалуется он, «горит в моем сердце словно огонь, огонь проник в мои кости. Я не могу больше сдерживать его – поистине, я не в силах».

Нет возможности перечислять ответы, которые Бог давал вопрошившим Его

Библия, которую читал Иисус filosoff.org пророкам. Он говорит о необходимости обрезать непокорное растение или народ; с гордостью указывает на сохраненный остаток верных последователей; приводит исторические примеры Своей любви; обещает приход Мессии-Освободителя. И все пророчества завершаются провозвестием будущего, в котором будет исцелено все зло на земле. Но за всеми этими рациональными объяснениями проступает с величайшей силой одна нестерпимо яркая весть: Бог страстно любит Свой народ и ищет его любви. Пророки не устают повторять основную весть Ветхого Завета: мы нужны Богу.

Пророки пытаются передать величие Бога, создавшего вселенную словом и гасящего царства, словно свечи. В то же время они рассказывают о личной связи Бога с избранным народом и даже с его отдельными людьми. Абрахам Хешель, один из лучших иудейских интерпретаторов книг пророков, говорит: «Слова пророков передают гнев Божий... Поразительная идея, едва ли совместимая со сколько-нибудь рациональным подходом к пониманию Бога: Творец неба и земли возмущен тем, как некий никому не известный индивидуум обошелся с бедной вдовой и сиротами». Да, Богу есть до этого дела, и Свою озабоченность Он передает устами пророков.

Псалмы предоставили поэтам шанс выразить свои чувства и мысли, вознося их к Богу; пророки дают возможность Богу ответить в том же возвышенном стиле. Вместо сдержанно-философической интонации Екклесиаста мы слышим страстное объяснение Бога: Он подтверждает Свою тесную связь с народом Израиля. Пророки, в свою очередь, обращаются к Богу с шокирующей фамильярностью, словно Господь сидит в соседнем кресле. Извините, если подобная аналогия покажется вам непочтительной, но, читая пророков, я так и вижу пациента на приеме у психоаналитика. Бог выступает в роли пациента, Его спрашивают: «Что вы чувствуете?», и Он отвечает.

Я скажу вам, что чувствую! Я чувствую Себя, как человек, подобравший маленькую девочку-найденыша: она лежала в грязи при дороге и умирала. Я взял девочку в Свой дом, она стала Моей дочерью. Я отмыл ее, платил за ее учебу, кормил ее. Я любил ее, наряжал ее, увещивал ее драгоценностями. А потом она убежала из дома. Отовсюду до Меня доносились известия о ее дурном поведении. Она стала наркоманкой, блуждает неизвестно где, покрыла свое тело татуировкой, изуродовала себе кожу пирсингом. Мое имя она произносит не иначе, как с проклятием. Мне кажется, что она вонзила нож Мне в живот и поворачивает его в ране!

Я расскажу вам, что чувствую! Я чувствую себя, как человек, который полюбил самую прекрасную, самую нежную женщину на земле. Когда Я встретил ее, она была исхудавшей, измученной, подверглась издевательствам. Но Я привел ее к Себе домой, исцелил ее, и ее краса заблистала лучше прежнего. Она была зеницей ока Моего, Я осыпал ее дарами, ежесменно говорил ей о любви. Но она покинула Меня, она распутствует с Моими друзьями и недругами – ей все равно, с кем. Она стоит на улице и зазывает прохожих переспать с ней. Она еще хуже дешевой проститутки, ведь она даже не требует за это денег. Как Я Себя чувствую?! Я предан, покинут, обманут.

Бог прибегает к этим образам и ко многим другим, вкладывая в них всю силу и горечь Своей обиды. Израиль и человечество в целом предали Его, разрушили завет. Что чувствует Бог? Вот Его собственные слова (Исаия 42:14):

долго молчал я,
терпел, удерживался;
теперь буду кричать, как рождающая,
буду разрушать и поглощать все.

Читая пророков, мы сталкиваемся не с удаленной и абстрактной идеей божества, но с личностью, Богом, столь же страстным, как любой знакомый нам человек. Бог чувствует радость, разочарование, гнев, Он плачет и стонет от боли. Вновь и вновь Бога возмущает поведение людей: их идолопоклонство, человеческие жертвоприношения, сексуальные оргии – то, что, по словам Бога, Он «не предписывал и не упоминал и не входило это в Мой ум».

Вот основная весть, о которой гласят нам пророки: Бог любит людей. До этих семнадцати книг придется тщательно просеивать весь текст Библии в поисках

Библия, которую читал Иисус filosoff.org скудных упоминаний о том, что Бог радуется людям или получает от них какое-то удовольствие. Пророки громко и ясно изъясняют чувства Бога: Он любит нас. Из всех древних богов один лишь Господь Израиля унился до любви к грешным двуногим тварям, населяющим эту планету. Крик боли и гнева, который мы слышим из уст Бога, – это крик обманутого влюбленного, раненного недостатком взаимности.

Через пророков Бог грозит нам карой, но грозит с печалью и скорбью, с сокрушенным сердцем. Наша боль терзает Его Самого – так человеку трудно наказывать свое дитя. «Но что же Мне делать?» – вопрошает всемогущий Бог (Иеремия 9). Устами Исаии Он объясняет, что выбора у Него нет: поскольку мир отказался принять праведность через благодать, остается лишь прибегнуть к каре.

После каждой национальной трагедии, после нашествий ассирийцев, вавилонян, персов Израиль вновь бросался в объятия своего Творца, и каждый раз Бог обещал начать все заново: восстановить остаток народа, начертать закон на сердцах людей, послать Мессию-избавителя, вдохнуть жизнь в груду иссохших костей. Каждый раз Бог обещал не отступать от людей, навсегда сохранить любовь к ним.

Из всех пророков наиболее выразительно говорит об этом Осия. Посреди страшных угроз у Бога словно против воли вырывается вопль любви:

Как поступлю с тобою, Ефрем?
Как предам тебя, Израиль?..
Повернулось во Мне сердце Мое,
взоргелась вся жалость Моя!

(11:8).

Но, словно этих слов недостаточно для передачи Его чувств, Бог приказывает Осии разыграть, осуществить в жизни чудовищную притчу. Только сам пережив эту драму, Осия сможет понять и передать другим, как Бог воспринимает отступничество Израиля. Осия женится на женщине по имени Гомерь, которая рожает ему троих детей, а затем покидает его ради другого. Она становится проституткой, и тут Бог дает Осии страшный приказ: «Ступай, прояви вновь свою любовь к своей жене, хотя она была возлюбленной другого и стала распутницей. Люби ее так, как Бог любит Израиль, хотя тот обратился к чужим богам». Вот что говорят нам пророки о Боге, который сознательно уступает безумной, всесокрушающей силе любви.

Как говорит Абрахам Хешель: «Какой бы величественной ни казалась идея о Боге, столь возвышенном, что Он пренебрегает событиями на нашей ничтожной планете, подобные рассуждения о Боге порождены абстракцией» – и уж конечно, добавим, не чтением пророков. Когда я читал книги пророков, впитывая их страсть, я начал понимать, насколько ошибочным было мое первое впечатление. Люди, отождествляющие пророчество и предсказание и штудирующие эти тексты в поисках намека на то, что должно произойти после 2000 года н.э., упускают из виду главное.

Для чего нам читать пророков? На то есть только одна, но крайне важная причина: чтобы познать Бога. Пророки – наиболее мощное откровение о Личности Бога, какое мы только можем найти в Ветхом Завете.

Проблемные книги

Несмотря на обретенный мной интерес к чтению пророков, я покривил бы душой, если бы не указал и на некоторые сопряженные с этим проблемы. Книги пророков действительно трудны, они намного сложнее, чем другие разделы Библии. Некоторая доля истины заключалась и в приговоре, вынесенном моим студентом: неистовые, странные и говорят одно и то же.

Что касается неистовости пророков, со временем я научился ценить это их качество. Мне нравятся комедии Монти Пифона и трагедии Фланнери О'Коннор, а когда я называю свои любимые фильмы, некоторые люди поглядывают на меня так, словно я совершил непростительный промах. О'Коннор однажды сказала в защиту своего творчества: «Глухим приходится громко кричать и для

Библия, которую читал Иисус filosoff.org
слабовидящих создавать огромные и поразительные изображения».

Пророки и в самом деле создавали поразительные изображения, и, чем больше я в них вглядывался, тем больше они мне нравились. Горожанин Исаия бродил три года почти обнаженный, босиком, прежде чем сделать политическое заявление (интересно, как бы наши журналисты восприняли подобную форму гражданского протеста?); Иеремия согнулся под бременем ярма, чтобы заставить всех прислушаться к его роковой вести; Иезекииль месяцами лежал на боку, связанный по рукам и ногам, не отводя взгляда от глиняной модели Иерусалима. Такими способами пророки пытались передать нечто настолько важное, что оно не умещалось в слова. Неистовые, говорите? Когда на ваш дом обрушится стихия, вы не будете подбирать вежливые слова, вы будете метаться взад и вперед и вопить, как безумец.

И другая претензия – дескать, все они говорят одно и то же – оказалась несостоятельной. Возьмем три самые большие книги пророков – Исаии, Иеремии и Иезекииля. Я мог бы теперь по двум–трем строкам определить, кому из этих авторов принадлежит цитата. Исаия пишет красноречивой, возвышенной прозой; Иеремия заполняет страницу рыданиями и кровью; Иезекииль – уж этого необыкновенного человека ни с кем не перепутаешь. Ортодоксальные раввины до сих пор запрещают всем, кто не достиг тридцатилетнего возраста, раскрывать первые три главы книги Иезекииля.

Жалобы на однообразие исходят от людей, на самом деле не читавших пророков или не вчитывавшихся в них. Да, пророки передают одну и ту же весть, но стиль их разительно несходен. Авдий вместил свою весть в одну страницу, а свиток Исаии, если его развернуть во всю длину, вытянется на восемь метров. Амос был крестьянином, Исаия служил при одном царе и был казнен другим, Даниил добивался высоких почестей при двух различных иноземных тиранах, Иона предпочел бы утонуть, чем пророчествовать, на фоне видений Захарии, а видения Иезекииля кажутся прямо-таки ручными.

Единственное, в чем эти критики правы, – пророки и в самом деле ошеломляют и сбивают с толку. Их стиль и построение текста не способствуют легкости восприятия, зачастую высказывания пророков и не строились как особый текст. То, что мы теперь называем «книгой», может состоять из ряда речей, произносившихся на протяжении ряда лет, а затем соединенных в сборник почти без указаний на прежний их контекст. Мы обнаруживаем здесь не только повторы, но и перепады настроения, и причудливые образы, которые были понятны первым слушателям. Даже Мартин Лютер признавал, что пророки «высказываются странным образом, словно люди, которые, вместо того чтобы беседовать по порядку, переходят от одного предмета к другому, так что невозможно уловить ни начало, ни конец, ни вообще понять, к чему они клонят».

Нужно ли годами рыться в комментариях, чтобы все-таки разобраться в этих книгах? Как обычному человеку пробраться через этот лабиринт? Я подобрал несколько ключей, которые помогли мне проникнуть сквозь все завесы в суть пророческой вести. Теперь я расскажу вам об этих ключах, поскольку они позволили мне преодолеть препятствия к чтению пророков, особенно те, которые были порождены отождествлением пророчества и предсказания и были характерны для церкви моего детства.

Ныне и присно

Иногда нам кажется, будто пророки трудились исключительно для блага еще не рожденных поколений, для нас, например. Само слово «пророк» стало означать предсказателя будущего, гадателя с магическим кристаллом. Хотелось бы мне вычеркнуть это слово «пророк», заменить его на «проводник», которое точнее передает функцию этих людей: они видели то, чего другим не дано видеть, они, словно вооруженные рентгеном, проникали в настоящее и прошлое. Попросту говоря, эти люди были наделены особым зрением.

Когда читаешь пророков, довольно скоро понимаешь, что «ныне» для них было гораздо важнее, чем «потом». Можно было бы разделить высказывания пророков на три большие рубрики:

1. Ныне: пророчества, затрагивающие современные события (Ассирия завоевывает Страница 81

Библия, которую читал Иисус filosoff.org
Моав; союз Израиля с Египтом обернется катастрофой).

2. Потом: предсказание грядущих событий, достаточно удаленных во времени от эпохи самого пророка, но уже исполнившихся в ходе истории (к примеру, множество мессианских пророчеств, которые авторы Нового Завета применили к Иисусу Христу).

3. Намного позже: предсказания, которым, как кажется, еще надлежит сбыться (в том числе, вероятно, упоминания о времени всеобщего испытания и о массовом обращении евреев, хотя ученые расходятся в толковании практически каждого пророчества подобного рода).

Больше всего нас смущает в пророчествах то обстоятельство, что они не сообщают нам, осуществляется ли предсказание – будь то вторжение иноземцев, землетрясение, пришествие Мессии или возрождение земли – завтра, через сто лет или спустя несколько тысячелетий. Нередко мы находим в одном и том же стихе «слипшиеся» воедино пророчества о ближайшем и весьма удаленном будущем. Перечитайте, к примеру, главу 13 книги Исаи, и вам покажется, что ниспровержение Вавилона персами относится к событиям конца света. Быть может, пророки и не знали точного «расписания» – признавал же Иисус, что, живя на земле, Он не ведает о сроках, назначенных Отцом.

Или перечтите главу 2 книги Иоилля, где описывается вторжение саранчи. Большинство исследователей считает, что Иоиль описывал нашествие насекомых, произошедшее в его дни (по нашему определению, «ныне»). Однако в этой главе он говорит о временах, когда Дух изольется на всех людей и все сыны и дочери начнут пророчествовать – очевидно, эта часть главы относится уже к более позднему времени, к Пятидесятнице, как указывает в своей речи апостол Петр (см. Деяния 2). Но что означает стих посреди этого пророчества о будущем: «Солнце превратится во тьму и луна – в кровь, прежде нежели наступит день Господень, великий и страшный» (2:31)? Конечно, Иоиль прибегает к метафорам, но затем он описывает собрание всех народов на последний суд (отдаленное будущее?) и вновь переходит к обсуждению судьбы Тира и Сидона, ближайших соседей Израиля.

Дополнительная трудность возникает из-за того, что порой пророки описывают событие, которое должно исполниться дважды: ныне и позднее. Знаменитое пророчество Исаи: «Се, Дева во чреве примет, и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил» (7:14) служит тому примером. Следующие за этим стихом строки указывают, что пророчество осуществилось уже при жизни Исаи (многие комментаторы даже считают, что речь шла о его собственном сыне), однако Матфей относит окончательное исполнение пророчества к рождению Иисуса.

Исследователи Библии применяют особую терминологию для описания этих явлений. Они говорят о двойном и тройном исполнении пророчества, о подмене частью целого, о творческом расщеплении. Разумеется, столь сложные приемы порождают новые вопросы. Как вообще мы можем судить, описывает пророк современные ему события (ныне) или что-то еще не произошедшее (потом или намного позже), либо и то и другое одновременно? Творения пророков напоминают те примитивные рисунки, в которых отсутствует перспектива и все дома, горы, деревья, животные и фермеры кажутся одного роста. Чтобы понять такое изображение, нужно мысленно вычленить различные его элементы и перегруппировать их таким образом, чтобы они сложились в цельную картину.

Мне кажется, что эти ухищрения пророков, как бы они ни сбивали нас с толку, позволяют угадать, какой видится наша история Самому Богу. «Провидцы» заглядывают в Божью перспективу, а Бог, не знающий ограничений времени, мало заботится о последовательности событий. В Первом Послании Петра 1:20 апостол говорит о крови Агнца «предназначенного еще прежде создания мира, но явившегося в последние времена» для нас. Павел также утверждает, что Бог избрал Своих последователей «прежде творения мира» (Ефесянам 1:4) и вечная жизнь была нам обещана «до начала времен» (Титу 1:2). Задолго до возникновения теории Эйнштейна об относительности времени и пространства авторы Нового Завета утверждали некоторые в буквальном смысле слова вневременные истины. Бог, существующий вне времени, входит в нашу стиснутую временем историю, как художник в свою картину (этот образ предлагает Клайв Льюис).

Неудивительно, что вторжения вневременного существа во время порождает эхо, звучащее и в дни Исаи, и при рождении Иисуса, и в нашу эпоху. Рождение

Библия, которую читал Иисус filosoff.org ребенка в правление царя Ахаза подтвердило пророческий дар Исаи, придав тем самым силу и другим его предсказаниям о «Дивном Советнике, Могущественном Боге, Вечном Отце, Князе мира». Исаия не указывал временных границ для окончательного осуществления своего пророчества, скорее всего он не разбирался во временной последовательности.

Пророки Израиля обращались к свихнувшемуся миру. Израиль катастрофически уменьшался в размерах, стесненный со всех сторон тираническими империями, а Бог казался очень далеким и даже бессильным. Пророки проникали взглядом в те времена, когда Бог нарушит молчание: в тот день Бог явится во всей силе и славе, чтобы обновить небо и землю. Бог уничтожит смерть и осушит все слезы. Не станет больше ни бедности, ни голода, ни насилия, всех позовут на пир. Тогда мы встретим Бога лицом к лицу, и вся земля будет служить Ему.

Однако почти все пророчества имели непосредственное значение для тогдашних слушателей. Пророки говорили об обновлении неба и земли, показывая тем самым, что история определяется будущим, которое находится в руках Божьих, а не нынешним хаосом, страданиями и политической нестабильностью. Однако, чтобы принять столь возвышенные и далекие видения, люди нуждались в каких-то конкретных доказательствах, они хотели увидеть события, произошедшие согласно пророчеству при их жизни, «ныне». Отсюда и возникают предсказания, осуществлявшиеся при жизни самих пророков.

Кристофер Райт в книге «Иисус в Ветхом Завете!» предложил аналогию, объясняющую, почему последующим поколениям было так трудно признать осуществление давних пророчеств. Так, еврейские книжники не смогли истолковать пророчества об Иисусе из Назарета. Представим себе, что где-то в 1900 году отец обещает пятилетнему сыну подарить ему на 21 год лошадь. Испытает ли парень разочарование, если в 1916 году он получит в подарок «форд»?

«Странно было бы, если бы сын начал упрекать отца в нарушении обещания только потому, что получил что-то другое взамен лошади. Еще удивительнее было бы, если бы вместо того, чтобы радоваться куда более совершенному средству передвижения, он продолжал настаивать, что обещание будет исполнено только тогда, когда он получит лошадь, поскольку любое обещание следует понимать строго буквально. Очевидно, что, учитывая непредвиденное в 1900 году изменение обстоятельств, отец выполнил и перевыполнил свои обязательства. То, что он сделал, выходит за пределы изначального обещания, которое, естественно, было обусловлено и ограничено известными на тот день видами транспорта. Обещание было сформулировано согласно понятиям той эпохи – и было исполнено в свете новых исторических событий».

Именно поэтому, как это ни парадоксально, пророчество лучше работает, так сказать, в обратном направлении. Авторы Нового Завета, Матфей и Павел, могут оглянуться назад и показать, что Иисус исполнил условия завета и осуществил пророчества, хотя при жизни Иисуса большинство людей не сумели внести в эти предсказания должные корректизы. Современники Иисуса ожидали нового царя Давида, который будет править в Иерусалиме, а вместо него Бог послал Царя-раба, чтобы править всем миром. В Послании к Евреям 1:1–3 подчеркивается, что результаты исполнения намного превзошли само обещание:

«Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках, в последние дни сии говорил нам в Сыне, Которого поставил наследником всего, через Которого и веки сотворил. Сей, будучи сияние славы и образ ипостаси Его и держа все словом силы Своей, совершив Собою очищение грехов наших, воссел одесную (престола) величия на высоте».

По этой же причине мы должны относиться со смиренiem и осторожностью к Апокалипсису. Образы Иоанна вполне соответствовали его времени (всадники, вавилонская блудница, улицы, мощенные золотом), но трудно сказать, в какой

Библия, которую читал Иисус filosoff.org именно форме осуществляются эти пророчества. Мы можем, однако, быть уверены в том, что Бог исполнит их таким способом, который превзойдет и обещание, и наши ожидания.

Характер моего чтения изменился, когда я осознал, что и сами пророки стараются показать обратный поток времени – из «потом» в «ныне». Они понимали людские упования – нет ни одной утопии, которая не восходила бы к их чудесным видениям, – и изображали славное будущее в надежде воздействовать тем самым на поведение людей, живущих сейчас. Они показывали мир таким, каким Бог хочет видеть его, – показывали его, чтобы дать людям надежду даже в пору смятения и отчаяния.

Прежде я обращался к пророкам в поисках намеков о будущем – «потом» и «намного позже». Завершится ли мир ядерным взрывом? Является ли глобальное изменение климата началом конца? Однако весть пророков обращена в первую очередь к моему «ныне». Сохраняя ли я в наш мятежный век веру во всемогущего и любящего Бога? Стремлюсь ли я к угодным Богу миру и справедливости, пусть даже сама Церковь часто оказывается вовлеченной в войны и угнетение? Верю ли я в Царство Божье, хотя в нашем мире так трудно обнаружить его следы?

Инстинкт побуждает нас устремиться в будущее; пророки возвращают нас в настоящее, однако просят строить это настоящее с учетом открывшегося им будущего. Можно ли доверять их видениям и принимать их в качестве земной реальности вопреки всем опровержениям? Можем ли мы жить сейчас в ощущении милости, благодати, любви и всемогущества Бога? Пророки постоянно напоминают нам, что Бог именно Такой и что однажды именно Таким Он откроется в нашей истории, и мир сделается таким, каким Бог хочет его видеть.

Кэтлин Норрис, живущая в сельской местности в Южной Дакоте, отметила, что всем фермерам знакомо представление о «будущем году»: в будущем году придут дожди, в будущем году не выпадет град, в будущем году зима задержится на пару недель. И все же, заключает Норрис, ни один фермер не прибегает к этой идее «будущего года» для того, чтобы увильнуть от работы, необходимой сейчас. Норрис полагает, что так нам следовало бы воспринимать и пророков: «не как поощрение предаться мечтам не от мира сего, а как призыв побольше внимания уделять окружающему нас миру».

«Создатели апокалипсисов рассматривают Царство Божье, абсолютное будущее, с точки зрения нынешнего положения человека и мира. Вот почему их так волнует точная дата. Иисус действовал иначе: Он рассматривал современное Ему положение человека и мира с точки зрения неизбежного наступления грядущего Царства Божьего. Поэтому Его так мало интересует точная дата или способ его осуществления».

Ханс Кюнг «Быть христианином»

С точки зрения Бога

Нарушенная последовательность – Ныне – Потом – Намного позже – открыла мне наиболее важное качество пророков: они передают точку зрения Бога. Бог даровал им – а через их посредство и нам – сверхъестественное зрение, выходящее за пределы этого мира, где правят могущественные державы и жестокие тираны. Нам открывается иной уровень реальности и на миг – всего лишь на миг – мы видим историю с точки зрения Бога. Вот почему пророки кажутся столь странными – мы-то не можем воспринимать мир с точки зрения вечности.

Представьте себе, что вы всматриваетесь в одно из нынешних художественных произведений – в многомерную «стереограмму», а вокруг вас клубится влажный туман западного побережья. Сперва вы увидите довольно приятный узор, состоящий из штрихов и завитушек. Но если вы будете пристально разглядывать его в течение трех-четырех минут, внезапно проступит совершенно иной рисунок, и вы различите семейство китов – оно скрывалось посреди того, чтоказалось лишь случайным пересечением линий. Стоит этой картине пропустить,

Библия, которую читал Иисус filosoff.org как она затмевает все остальное, и уже нелегко заставить свой взгляд сфокусироваться на том, что вы видели прежде.

Я научился различать в пророках по крайней мере три уровня смысла – своеобразная оптика с тройным фокусом. Иногда пророки описывают современные им события в стиле, знакомом любому газетчику: «На севере собираются армии филистимлян... Огромная стая саранчи приближается к нашим южным границам... Сообщается, что Дамаск участвует в заговоре против Ассирии». Некоторые главы пророков (к примеру, Исаия 36–39) находят прямое соответствие в исторических книгах и сообщают о текущих событиях обычной приземленной прозой.

Однако на этом пророки не останавливаются. Как средневековые поэты, сочинявшие баллады, чтобы придать смысл очередному происшествию, пророки истолковывали «текущие события» с точки зрения их идеальной перспективы: иноzemные вторжения и нашествие саранчи были не обычными природными явлениями, а карой Господней. Такие несчастья неизменно навлекают на себя народ, повернувшийся спиной к Богу, угнетающий бедняков и презирающий слабых.

Этот уровень реальности также не является для нас неожиданным, поскольку подобный взгляд свойствен и нынешним пророкам. Мартин Лютер Кинг в своих трудах часто цитировал библейских пророков, определяя идеальное содержание борьбы за гражданские права: для него крестовый поход против расизма имел не только политический, но и религиозный смысл. Билли Грэм, выступая с проповедями по всему миру, постоянно говорит об изъянах современной цивилизации как о симптоме духовного упадка. Александр Солженицын считает всю сложную трагедию России XX века логическим следствием того, что люди забыли Бога. Даже нерелигиозные историки вынуждены задумываться об этом; когда разражаются расовые волнения, они вспоминают о моральных истоках сегодняшних бед: рабстве, нищете в трущобах и семейных неурядицах.

По мнению Абрахама Шехеля, древнее общество превыше всего ценило три вещи: мудрость, богатство и власть. Кажется, с тех пор мало что изменилось. Еврейские пророки ниспровергали все эти ценности, каждая из которых могла сделаться идолом. Ни мудрость, ни богатство, ни власть не способны служить надежным основанием общества – ничто нам не поможет, кроме веры в Бога живого. Подобный взгляд на историю радикально отличается от точки зрения теленовостей, сосредоточенных исключительно на мудрости, богатстве и власти, отвергнутых еще ветхозаветными пророками.

В эпоху Исаи тираны, подобные Сеннахерибу и Саргону Ассирийскому, также занимали центральное место в «новостях», и казалось, что мировая история покорна им. Когда ассирийские полчища вторглись в Иудею, все замерли в ужасе – все, кроме Исаии. Пророк, наделенный духовным зрением, презирал ассирийских правителей, немое орудие, которое Бог использует в нужный час и потом отбросит прочь. Яростно и язвительно Исаия обрушивается на всех великих владык своего времени. Слова главы 14 книги Исаии следовало бы выбрать на надгробье любого тирана – от Сеннахериба и Навуходоносора до Гитлера, Сталина и Пол Пота. Здесь говорится о том, как давно умершие вожди поднимаются из-под земли, приветствуя вновь прибывших: «И ты стал подобен нам! Под тобою подстилается червь, и черви – покров твой» (14:10–11). Всех тиранов ожидает одна и та же судьба. Люди будут спрашивать друг друга: «Неужто этот тот самый человек, который потрясал землю и заставлял содрогаться царства?». Исаия побуждал свой народ возложить все надежды на Бога.

Пророки, подобные Исаи, не имеют особого мужества по сравнению с прочими людьми: его препирательства с Богом – убедительное тому свидетельство. Но они обладают особым зрением, проникновением в замысел Божий, которое позволяет им иначе воспринимать историю. «Кто правит миром на самом деле? – спрашивали пророки Израиля. – Кто: Ахав или Господь? Ассирия или Господь?» (И мы ныне спросим: Конгресс Соединенных Штатов или Господь?). Не располагая никаким оружием, кроме чисто моральной силы произнесенного слова, пророки противостояли любой власти. Пророки всегда бываю отомщены – в том числе и тем, что все их предсказания, сколь бы чудовищными и несообразными они ни выглядели в свое время, рано или поздно сбываются. Что могли эти болтливые евреи знать о мировой политике и разделе сфер влияния? Но они оказались правы: пали и Ассирия, и Вавилон – могущественный Вавилон, – а за ним Персия, империя греков и в конце концов даже Рим.

Библия, которую читал Иисус filosoff.org

Сегодня археологам приходится просеивать слои иракской глины в поисках хоть каких-нибудь следов вавилонской культуры. Место Навуходоносора – в примечании к общей истории. А пророчества Иеремии и Даниила сохранились навеки, и их по-прежнему перечитывают миллионы людей во всем мире. Все предсказания о судьбе Моава, филистимлян, Ассирии и Вавилона сбылись. Не означает ли это, что истинным было и пророчество о завершении нашей истории?

Вселенская битва

Иногда к «новостной» и «моральной» точке зрения пророки добавляют еще и третий уровень интерпретации мировых событий: отодвинув прочь завесу, они позволяют нам заглянуть в космическую перспективу нашей истории. Подобно Джону Мильтону в «Потерянном рае» и Гете в «Фаусте», пророки представляют этот мир как сцену, на которой каждый человек играет свою роль, повинуясь однако силам, таящимся за кулисами. Книга Иова стала первым наброском космической перспективы; пророки, наделенные сверхъестественным зрением, позволили нам еще глубже заглянуть в эту тайну.

Захария и Иезекииль имели множество видений, открывавших им Историю, скрывающуюся за видимой историей. Они передавали эти видения в образах, которые с тех самых пор ввергают в смущение исследователей. Даниил (см. главу 10) узнал кое-что о космической перспективе, когда ангел сообщил ему, что «князь царства Персидского» в течение двадцати одного дня препятствовал ему явиться Даниилу. Затем прибыли подкрепления, и Михаил, «один из первых князей», помог сломить сопротивление врагов. Как и Иов, Даниил оказывается в центре битвы между силами добра и зла, хотя большая часть этого сражения недоступна его зрению.

Откровение – единственная книга Нового Завета, полностью посвященная пророчеству, – дает наиболее поразительные примеры «космического видения». Перечтите главу 12 Апокалипсиса, один из наиболее загадочных разделов Библии. Здесь появляется облеченная в солнце жена, рождающая ребенка, и огромный красный семиглавый дракон, чей хвост смел с неба третью часть звезд; говорится о бегстве в пустыню и о войне на небесах. Пролистывая комментарии, можно убедиться, что истолкований этих знамений окажется примерно столько же, сколько и самих истолкователей, однако почти все они согласны в одном: так или иначе здесь речь идет о Воплощении, о бегстве Марии и Иосифа в Египет, о воздействии рождения Иисуса на всю вселенную.

Глава 12 Откровения как бы предъявляет нам оборотную сторону Рождества, придавая иную перспективу знакомой сцене в яслях, поклонению пастухов и истреблению невинных младенцев. События на земле, описанные Матфеем и Лукой, – это лишь рябь на поверхности, а в глубине происходили титанические сдвиги, потрясшие основание вселенной. С точки зрения Бога (а также Сатаны), Рождество означало нечто гораздо большее, чем рождение чудесного младенца, – так начиналось вторжение небес на землю, решающая схватка в великой битве за власть над миром.

Какая картина Рождества является истинной: та, что описана в Евангелии, или же та, что предстает нам в Откровении? Следует ли нам понимать огромного красного дракона буквально или это «всего лишь метафора»? Но даже этот оборот речи изобличает наше неразумие: Клайв Льюис и многие другие напоминают нам, что мифологический образ служит мощным орудием для сообщения истины. Когда Бог хотел общаться со Своими пророками, Он открывал им космическую перспективу, изобилующую мифическими образами.

Осмелимся ли мы утверждать, что космическая перспектива находится ближе всего к точке зрения Самого Бога на историю? Давайте рассмотрим эту мысль. Многие из нас предпочитают более простой, «газетный» уровень сообщения. Сталкиваясь с космическими образами Откровения и пророков, мы спешим разъяснить их, перевести на язык современной нам истории. В результате организуются пророческие конференции, кафедра проповедника обрамляется плакатами, сшитыми из простынь, и видения Даниила последовательно применяются к Иерусалиму, Китаю, Европейскому союзу, а то и к Саддаму Хусейну. Нам вверяют искру небесного света, а мы спешим низвести этот свет на землю.

Пророки говорят нам, что вся череда мировых событий, в которую мы столь
Страница 86

Библия, которую читал Иисус filosoff.org погружены – военные союзы и выборы, возвышения и падения царств, – все это сцена, на которой мы видим представление, а не саму битву. Спрашивать надо не о том, какую территорию контролирует Навуходоносор, Россия или Китай, а о том, приблизилось ли к нам Царство Божие, остался ли народ Божий верным, помним ли мы, что наш Царь – Господь?

Когда родился Младенец, вселенная содрогнулась. Когда семьдесят два ученика отправились исполнять свою недолгосрочную миссию (см. Луки 10), Сатана спал с небес, как молния. Все, происходящее на земле, имеет космический отзвук. С точки зрения Бога, будущее всегда было предопределено, и пророки описывают это будущее во всех его упоительных подробностях: мечи перекуют на орала, ягненок уляжется рядом со львом, народ собирается на пир. Вот что Бог приуготовил нашей Земле, вот чего Он хочет для нас. Конец истории нельзя отменить – вопрос лишь в том, сумеем ли мы прожить жизнь, сохранив свою веру.

Что нам это дает

Ричард Фостер приводит старинную еврейскую притчу. Мальчик пришел к пророку и спросил его: «Разве ты не видишь, что ничего вокруг не меняется, хотя ты пророчествуешь вот уже пятнадцать лет подряд? Почему же ты не умолкаешь?». Пророк ответил: «Пойми, мальчик, я пророчествую не для того, чтобы изменить мир, а чтобы помешать миру изменить меня».

Нам трудно постичь космическую перспективу, и зачастую нас сокрушают невыносимые противоречия нашего мира. Как Иов и псалмопевцы, как Аввакум и Иеремия, мы начинаем сомневаться в мудрости Бога, в Его могуществе или в Его любви. Мы – пленники времени, мы воспринимаем историю секунда за секундой, минута за минутой, час за часом. Пророки выводят нас за пределы страхов и угрюмой реальности текущих событий в вечность, в эпоху, когда правление Бога наполнит всю землю истиной и светом. Вот что означает знаменитая формула Аввакума «Праведные будут жить верою»: мы держимся за нашу веру в благого Бога, даже когда мир вокруг нас разваливается на куски.

Пророки возвращают нам надежду. В «Записках из мертвого дома» Достоевский рассказывает об ортодоксальном еврее, который скрупулезно исполнял в русской тюрьме все предписания своей религии. Он застипал стол в углу камеры, раскрывал книгу, зажигал свечу, прикреплял кожаные повязки к запястьям и лбу и приступал к молитве. Читая священную книгу, узник порой закрывал лицо руками и всхлипывал, а порой, к изумлению всех сокамерников, его рыдания прерывались смехом, и он вслух пел благодарственный гимн.

Когда еврея спросили, что означают столь странные жесты, он ответил: слезы и рыдания – это воспоминание о разрушении Иерусалима. Закон предписывает ему стонать и всхлипывать. Однако в миг острой скорби он должен припомнить пророчество о возвращении в Иерусалим, и тогда он не может сдержать свою радость. Надежда вновь и вновь оказывается самым сильным из наших чувств.

Так нужны ли нам, узникам падшего мира, видения древних пророков, которые возбуждают в нас надежду и даруют нам истинный свет? Стоит ли чернокожим обитателям американских трущоб или христианам, томящимся в мусульманских темницах, верить, что Бог помнит о них? Помогла ли рабам на американском юге мысль о том, что Бога не устраивает мир, в котором торжествуют рабовладельцы с кнутами и виселицами? Нужно ли кому-нибудь из нас понимать, что Господь наш – Бог мира, справедливости и надежды, каким бы страшным ни казался нам сегодня этот мир?

Пророки помогают нам проникнуть в более глубокий слой реальности, в «радость за пределами этого мира, пронзающую сильнее, чем боль» (это выражение принадлежит Толкиену). Дав видение будущего и настоящего в его космической перспективе, пророки помогли нам сохранить веру в Божью справедливость. Справедливость – главная проблема для самих пророков, поскольку «репутация» Бога зависит от того, сможет ли Он в конце концов установить справедливость в этом мире. Словно глас колокола, раскачивающегося в ином мире, доносятся до нас слова пророков: «Что бы ни происходило сегодня на наших глазах, зло не имеет будущего – будущее есть только у добра».

Библия, которую читал Иисус filosoff.org вера, чтобы принять точку зрения Бога на историю, как она представлена в главах 25 и 65 книги пророка Исаи или в Откровении (главы 21–22). В Послании к Евреям (11:1) сказано: «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом». В той же главе говорится о верующих, которые «умерли в вере, не получивши обетования» (стих 13). И я готов отождествить себя с ними, поскольку вряд ли мне предстоит в этой земной жизни увидеть, как мечи будут перекованы на орала и смерть с ее новыми мерзкими обличиями – СПИДом, порожденным факторами окружающей среды раком – по-прежнему будет косить людей, и никто не положит ей предел. В нашем мире кажется, что верх берет зло, а не добро.

В своих странных и сложных образах пророки предлагали нам совершенно иной взгляд на мир. Они давали надежду, а порой и кое-что еще: они призывали нас прожить эту жизнь так, словно мы уже находимся в таком мире, каким хочет его видеть Бог. Как первопоселенцы Царства Божьего на земле, мы можем принять участие в великой борьбе, итогом которой однажды станет создание новой земли и нового неба.

Может, нам так и не удастся вычислить точное значение рогов и лап чудовищ даниила и постичь хитросплетения главы 12 Апокалипсиса. Однако, если мы сумеем поверить, что битва на самом деле идет на уровне ангелов и архангелов, что Господь оправдает наши надежды и исправит все, что искривлено, если мы сумеем хоть как-то постичь страстное стремление Бога установить истину и справедливость в нашем мире, – тогда, я полагаю, будет осуществлена важнейшая из задач пророков.

Должен признаться, что, сколько бы я ни вчитывался в эти книги, я так и не узнал из них, что произойдет в следующем году или в 2025-м, но зато теперь я гораздо отчетливее понимаю, чего хочет от меня Бог сейчас и в этой жизни. Постепенно я обретаю достаточную веру для того, чтобы доверить полное прояснение событий настоящего отдаленному будущему.

Глава седьмая.

Предвестие последнего ответа

Земля трепещет от шагов Иисуса Христа. Хорек проник в крольчатник.

Пол Клодель

В конце шестидесятых годов я отправился в поездку по Джорджии, своему родному штату для юга религиозное рвение не менее характерно, чем школьные команды по футболу. Там и сям, на ограде шоссе и на стене тоннеля я видел надпись, оставленную ревностным проповедником: «Иисус уже идет – готов ли ты?» или «Готовься к встрече со своим Богом». Однако насмешливый дух того десятилетия проник и в наши богоспасаемые места. Под очередным лозунгом «Иисус – это ответ», кто-то приписал: «На какой вопрос?»

Я запомнил этот заочный обмен репликами, а позднее подмечал ту же шутку на плакатах и на автомобильных наклейках. Те, кто делал приписку, скорее всего хотели поиздеваться над чужой набожностью, но я увидел в этом основной вопрос христианской апологетики. Разве не потому мы следуем Иисусу, что Он дает единственный ответ, удовлетворяет глубокую, внутреннюю потребность, которую ничто другое не устроит?

Я полюбил Ветхий Завет, потому что нашел в нем выражение моей внутренней потребности. Я нашел в этой книге то понимание человеческой природы, которого, увы, лишены чересчур оптимистичные проповедники. Авторы Ветхого Завета, в особенности пророки и псалмопевцы, предвещали также времена, когда Бог, согласно данному Им обещанию, ответит на никогда не смолкающие в нашей душе вопросы. Кроме того, они утверждали, что наши мучительные вопросы по крайней мере отчасти разрешатся с приходом Мессии.

Второзаконие заранее рассказывает о крахе завета Бога с народом избранным, во всех мрачных деталях рисует последствия предательства Бога Израилем. Жалобы пророков, постоянно ссылающихся на лебединую песнь Моисея, усиливают ощущение краха, причем оказывается, что вина лежит и на народе в целом, и на каждом человеке, не соблюдающем завет. Екклесиаст свидетельствует о

Библия, которую читал Иисус filosoff.org
тщете мудрости, богатства и знатности – ничто не изменит природу человека.
Итог Ветхого Завета – все тот же непреодоленный разрыв между Богом и
человеком.

Когда я писал книгу об Иисусе («Иисус, которого я не знал»), меня поразило, как последовательно Иисус ссылается на традицию Ветхого Завета. «Не думайте, что Я пришел уничтожить Закон или пророков, не уничтожить их Я пришел, а исполнить», – говорит Он в Нагорной проповеди. Он упрекал прилежных в изучении Библии фарисеев: «Вы так усердствуете, изучая Писания и надеясь таким способом войти в жизнь вечную; Писания полны свидетельств обо Мне, но вы не желаете обратиться ко Мне, чтобы иметь жизнь». На пути в Эммаус после Воскресения Он сказал: «Я говорил вам это, когда еще был с вами: исполнится все, что написано обо Мне в Законе Моисеевом, у пророков и в псалмах». По выражению Ричарда Нибура, Иисус – это Розеттский камень веры: по Нему мы угадываем все, что было до Него.

Ветхий Завет повествует о творении и грехопадении, затем о мучительных попытках Бога создать народ из оставшихся после краха, постигшего человечество. Новый Завет, продолжая этот сюжет, дает ему новую интерпретацию: «семенем женщины», которое было обещано еще в Эдеме, оказывается Иисус, Который связан и с другими центральными фигурами Библии: Он – Второй Адам, Сын Авраама, Сын давидов.

В определенном смысле вся библейская история может рассматриваться как приготовление к Первому пришествию; различные персонажи Ветхого Завета оказываются предками, предшественниками, соотечественниками Иисуса. Какую цель имел в виду Господь на всем протяжении длинной и запутанной истории Израиля? Новый Завет все проясняет: этой целью был Иисус. Его приход воссоединяет человечество с Богом, и границы Царствия Божьего выходят за пределы одного народа, охватывают всю землю.

«Писание в целом состоит из двух частей: из Закона и Евангелия, – говорит Филип Меланхтон. – Закон выявляет болезнь, Евангелие указывает лекарство. И эта мысль вновь возвращает меня к надписи на горе в Джорджии: что именно исцеляет Иисус? Быть может, я сохраняю веру по привычке, как местный акцент, от которого мне уж, видно, не суждено избавиться? Или же Иисус действительно дает ответ на основные вопросы моей жизни? Либо это так, либо я мог бы с тем же успехом перейти в иудаизм и ограничить свое чтение одним только Ветхим Заветом.

Три вопроса постоянно возникают в моем уме, когда я возвращаюсь к Ветхому Завету, особенно к тем его разделам, которые обсуждались в этой книге. Именно эти три вопроса больше всего мучили меня в жизни. И я вновь и вновь обращаюсь к книге, столь отважно берущейся за эти проблемы. «Имею ли я ценность в глазах Бога? Есть ли Богу дело до нас? Почему Он не вмешивается?» Вот те рифы, о которых могла бы разбиться моя вера. Если Иисус – «этот ответ», то Он должен в первую очередь ответить мне на эти вопросы.

Имею ли я ценность в глазах Бога?

Я стою в очереди в кассу супермаркета и оглядываюсь по сторонам. Бритоголовые подростки с кольцами в носу набирают пакетики чипсов; клерк берет на ужин стейк, несколько веточек аспарагуса и печенный картофель; старуха, скрюченная остеопорозом, исследует персики и клубнику, безжалостно тыча в них пальцем. Неужто Бог знает нас, всех и каждого? Неужели эти люди имеют какую-то ценность в Его глазах?

Когда я включаю телевизор и вижу репортаж о демонстрациях против абортов или за аборт, я пытаюсь вообразить себе эти нерожденные существа, из-за которых пылают подобные страсти. Я видел в музее препараты с эмбрионами различного возраста, показывающие различные стадии развития человека. В мире ежегодно «убивают», как говорят противники абортов, шесть миллионов таких вот крошечных зародышей. Богословы утверждают, что образ Божий запечатлен в каждом из них. Что думает Господь о шести миллионах человеческих существ, умерших прежде, чем они покинули материнскую утробу? Неужели и они имеют значение?

Познания в области астрономии также подпитывали мои сомнения: наука
Страница 89

Библия, которую читал Иисус filosoff.org говорит, что наше Солнце – одно из 500 миллиардов звезд, составляющих Млечный Путь; что наша галактика – один из 200 миллиардов звездных миров. Неужели существа на одной из пылинок мироздания имеют какое-то значение для Создателя вселенной?

Псалмопевец, также созерцавший звезды, воскликнул: «Когда гляжу я на небеса Твои – то что есть человек, что Ты заботишься о нем?». Любая книга Ветхого Завета сосредоточивается на этой проблеме. Еврейские рабы в Египте едва ли могли поверить Моисею, утверждавшему, что Бога тревожат их страдания. Друзья Иова посмеялись над глупцом, решившим, что Господу Вселенной есть дело до Иова. Проповедник в Екклесиасте формулирует ту же проблему еще циничнее: имеет ли значение хоть что-то «под солнцем»? Быть может, жизнь вообще лишена смысла?

Несколько лет назад меня и самого одолевали подобные сомнения, и тут я получил приглашение на конференцию в Новой Англии по проблемам христианства. Темой конференции был стих из книги пророка Исаии: «Вот, я начертал тебя на дланях Моих» (49:16). Я даже усмехнулся: в тогдашнем расположении духа я отнюдь не был готов обсуждать с проповедниками Новой Англии цитату, которую писали на плакатах и вышивали на настенных ковриках в качестве свидетельства веры. Я бы предпочел выступить на другую тему или вовсе отказаться от приглашения. Но все же сперва я раскрыл Библию и заглянул в текст книги.

Я обнаружил, что Бог дает поразительные гарантии Своему народу в самый тяжкий момент истории Израиля: страна уничтожена, священный город Иерусалим подвергся надругательству, вавилонские воины, не встретив сопротивления, вторглись в Святое Святых, и на этот раз Господь не пришел на помощь Своему народу. Храм был осквернен, столица разрушена, евреев в цепях увезли в Вавилон (нынешний Ирак).

Псалом 136 может поведать о том, что переживал в ту пору народ избранный:

При реках Вавилона, там сидели мы и плакали...
Если я забуду тебя, Иерусалим,
забудь меня десница моя.
Прилипни язык мой к гортани моей,
если не буду помнить тебя...
Дочь Вавилона, опустошительница!
Блажен, кто воздаст тебе
за то, что ты сделала нам!
Блажен, кто возьмет и разобьет
младенцев твоих о камень!

Внезапно я понял, что пленники в Вавилоне, внимавшие вести Исаии (стих 49), мучились тем же сомнением, что и я. Имеем ли мы какую-то ценность в глазах Бога? Вот, мы – народ избранный, но наша земля захвачена, наши города сровняли с землей, наших женщин и детей перебили, сильных мужчин увезли в плен. И те же вопросы задавали баптисты и гугеноты, армяне и русские пятидесятники, христиане Палестины и Судана и все верующие, подвергшиеся гонениям на протяжении многих столетий.

«Оставил меня Господь, и Бог мой забыл меня!» – плакались израильтяне в пору страшного бедствия (Исаия 49:14), но Бог ответил Своему народу новым обетом. «Забудет ли женщина грудное дитя свое? – вопрошает Бог. – Но если бы и она забыла, то я не забуду тебя. Вот, я начертал тебя на дланях Моих».

В этот трудный час, когда кажется, что завет с Богом полностью исчерпал себя, Бог дает ряд новых обещаний, прямо отвечая на сомнения, терзавшие народ Израиля. Исследователи Библии называют этот раздел (Исаия 42–53) «Песней раба Господа». Эта великолепная поэзия в то же время является чрезвычайно важным пророчеством, одним из наиболее конкретных пророчеств, какие нам доводилось слышать. В целом эти «Песни» описывают явление Мессии, Который и станет ответом Бога на вопросы евреев.

Бог готов рискнуть собственной репутацией. Он ответит на горькие упреки евреев необычайным, потрясающим подвигом, о котором никто из них и помыслить не мог, актом, выходящим за пределы человеческих ожиданий, и Божьего смирения: Бог решил присоединиться к людям на планете Земля,

Библия, которую читал Иисус filosoff.org
«записать Самого Себя на страницах истории», как говорит Жак Эллюль.
Исполненные тайны «Песни раба Господа» предсказывают Воплощение – авторы
Нового Завета ссылаются на этот текст по меньшей мере десять раз.

Евреи, в чьей памяти отпечатался грозный образ Синая, привыкшие почитать Господа настолько, что не смели ни произносить, ни писать его имя, всегда ждали пришествия Мессии, ждали не столько с надеждой, сколько с трепетом. «Кто вынесет день прихода Его? – восклицает в ужасе пророк Малахия. – Ибо Он как огнь пожидающий». Может ли кто-нибудь из обитателей планеты Земля пережить явление Бога сил? Переживет ли его сама планета?

Но Исаия ясно дает понять: Бог явится на землю не яростным потоком и не пожирающим пламенем. «Се, дева во чреве примет, и родит Сына, и нарекут ему имя: Еммануил, «Господь с нами». Бог является на землю в самом смиренном, самом малом обличий: в виде оплодотворенной яйцеклетки, эмбриона, растущего, клетка за клеткой, в теле деревенской девушки. Яйцеклетка делится много раз, пока зародыш не обретет форму; затем плод растет и, наконец, Младенец покидает чрево Матери, чтобы присоединиться к жалким двуногим тварям на их пылинке-планете.

да, Мессия будет править, но орудие Его правления – любовь. Перенесем ли мы день явления Его? Все мы переживем его и обретем новую жизнь, ибо всех Он примет с любовью и радостью.

Наш праздник Рождества увековечивает ответ Бога на вопрос евреев: «Имеем ли мы ценность в глазах Бога?». Здесь, на земле, в течение тридцати трех лет Бог во плоти испытывал на Себе, каково быть одним из нас. И притчи, которые Он рассказывал, и сами люди, с которыми Он соприкоснулся, сделались на все времена ответом на терзающий нас вопрос.

Иисус сказал, что Бог подобен пастырю, который оставит девяносто девять овец на огорожденном пастбище и будет, выбиваясь из сил, искать единственную овцу, отбившуюся от стада; что Он подобен отцу, который все время помнит о покинувшем его неблагодарном сыне, хотя старший остался дома и неизменно почтителен и послужен; Бог подобен богатому хозяину, впускающему в свой дом и приглашающему на пир нищих и бродяг. Господь любит людей не как некую разновидность животного мира, а как человек человека: каждого по отдельности, каждого потому, что он именно таков, каков он есть. Да, мы имеем ценность в глазах Бога. В те редкие моменты, когда Он приоткрывал завесу между видимым и невидимым мирами, Иисус говорил, к примеру, о радости ангелов, когда обращается хоть один грешник. Один-единственный поступок, совершенный здесь, на земле, отзывается эхом во всем мироздании.

В общении с людьми Иисус подчеркнуто проявлял внимание к заброшенным, нелюбимым, париям общества, к тем, кто мало что значил в глазах людей, но обладал огромной ценностью в глазах Бога. Иисус прикасался к прокаженным, селившимся за городской чертой, хотя Его ученики презрительно их сторонились. Первой проповедницей Своего учения Иисус избрал самаритянку, женщину из племени, которое евреи считали «бедными родственниками», женщину, сменившую пятерых мужчин, своими поступками вызвавшую сплетни всех горожан. Другая женщина настолько стеснялась своего заболевания, что не посмела предстать перед Иисусом, коснувшись Его одежды сзади, надеясь, что Он этого не заметит. Но Он заметил, и эта женщина, как и многие другие «ничтожества», убедилась, что от Него нельзя утаиться, – слишком много мы значим для Него.

Писатель Рейнольд Прайс как-то заметил, что все человечество мечтает услышать подтверждение: «Создатель Вселенной любит и помнит меня». Это подтверждение мы услышали от Иисуса, и голос Его звучал, как гром, возвещающий благодатный дождь. Создатель вселенной сотворил и всех людей, эти странные существа, которых Он неведомо почему счел достойными личного внимания и любви. Он доказал нам эту любовь на холмах Палестины и на кресте.

Пророки только говорили об этом, но Иисус это совершил. «Я начертал тебя на дланях Моих», – сказал Господь устами Исаии. Когда же Он явился на землю в рабском обличий, Он показал, что на ладонях Бога найдется место для каждого живущего на земле. На Его руках запечатлены не только наши имена, но и раны, которыми Господь поплатился за любовь к нам.

Мои сомнения больше похожи на хронический недуг, нежели на острое заболевание: они периодически возвращаются. Но теперь, когда я жалею себя,

Библия, которую читал Иисус filosoff.org когда растворяюсь в космическом одиночестве Иова и Екклесиаста, я обращаюсь к евангельскому повествованию о словах и делах Иисуса. Если мне начинает казаться, что мое существование «под солнцем» безразлично Богу, то я отвергаю основную причину, побудившую Бога сойти на землю. Итак, Иисус отвечает на первый вопрос: о ценности отдельного человека.

Есть ли Богу дело до нас?

Астроном Чет Реймо в книге «Ночь души» рассказывает такую историю.

Вчера на прогулке я видел, как юноша на скейтборде сбил девочку. Парень мчался на скейте по тротуару и со всего размаха врезался в ребенка. Я наблюдал за этой сценой издали, она разыгрывалась почти в полном молчании: вскрик испуганной девочки, когда она метнулась в сторону, пытаясь избежать столкновения, и вопль ее матери в момент катастрофы были поглощены ноябрьским туманом. Тело ребенка взмыло в воздух, плавно, словно во сне, пролетело над мостовой, дважды ударилось об асфальт, отскочив, как резиновый мячик, и так и осталось лежать. Повторяю: все это происходило в полной тишине. Можно было подумать, что я наблюдаю эту трагедию в телескоп, слежу за событиями на другой планете. Я видел, как в космосе взрывались звезды, видел катастрофы с расстояния во много световых лет, отделенные от меня равнодушным стеклом телескопа, совершившиеся в глухой тишине. Вот на что это было похоже.

Реймо завершает свой рассказ вопросом: «Как постичь нам молчание вселенной?». Это многократно повторяется в его книге; Реймо возвращается к нему вновь и вновь, рассказывая о том, как он утратил веру. Чет Реймо и многие другие воспринимают молчание Бога перед лицом творящегося на земле страдания как вопрос, оставшийся без ответа.

Я христианин, и потому для меня этот вопрос еще сложнее, чем для Реймо. Если воспринимать вселенную как некое случайное нагромождение хаоса, чего и ждать от нее, если не молчания? Но для тех, кто считает, что мир порожден творческой любовью Бога, это молчание становится невыносимым. Вправе ли мы утверждать, что Богу есть до нас дело?

Я много писал о проблеме страдания, и названия этих книг – «Где же Бог, когда мне так плохо?», «Разочарование в Боге» – весьма показательны. Как и Реймо, я все время возвращался к прежним вопросам, теребил не желавшую заживать рану. Читатели откликались на мои книги, и их печальные истории становились еще одним конкретным поводом для моих мучительных раздумий.

В одной из книг я описывал выпавшие мне нелегкие дни, когда два человека, один за другим, обратились ко мне, чтобы поведать о своем разочаровании в Боге. Первым был молодой священник из штата Колорадо. Он только что узнал, что его жена и малютка дочь погибают от СПИДа. Мать заразилась в результате переливания крови, которое ей сделали незадолго до родов. «Как я буду теперь говорить детям о любящем нас Создателе? – спросил меня пастор. – Как мне убедить их и себя, что Богу есть до нас дело?»

На той же неделе мне позвонил из автомата слепой, которыйическими месяцами ранее в качестве акта милосердия предложил бывшему наркоману пожить с семьей в его доме. Теперь он обнаружил, что этот якобы исправившийся человек избивает свою жену. И это происходит в его доме! Будучи слепым, мой собеседник прибегал к воображению, пытаясь угадать причины происходящего. Его гостья – мазохистка или подчиняется из страха? Но тут у него кончились монеты, и телефон отключился.

Я давно оставил всякие попытки ответить на вопрос «Почему?» Почему именно жене молодого священника досталась зараженная кровь? Почему ураган поразил один город в Оклахоме и пощадил другой? Почему дочь именно этой женщины сбил парень на скейте? Не знаю! По правде сказать, после многих лет изучения Библии я пришел к выводу, что и Священное Писание не даст нам ответ. Бог мог бы разрешить все сомнения, когда говорил с Иовом, но Он

Библия, которую читал Иисус filosoff.org
предпочел не объяснять нам причины.

Однако от одного сомнения мне все же почти удалось избавиться: от вопроса «Есть ли Богу дело до нас?», который приступает в потрясающем рассказе Чета Реймо о молчании вселенной. Этот же вопрос часто повторяется в Ветхом Завете. Иов готов прийти к выводу, что Бог не печется ни о нем, ни о других страдальцах. «до нас доносится лишь Его шепот», – сокрушаются Иов. Псалмопевцы требовали хоть какого-то знака, подтверждающего, что Бог слышит их молитвы, свидетельства, что Он не забыл про людей.

Для меня возможен лишь один способ ответить на вопрос, есть ли Богу дело до нас, и, как мне кажется, вполне удовлетворительный. И опять ответ: Иисус. Иисус не прибегал к философским рассуждениям о природе страдания, Он дал нам ответ по существу. Хотя я не могу угадать, почему происходит та или иная беда, я знаю, что чувствует при этом Бог. Иисус – это лицо Бога, лицо, орошенное слезами.

Если читать Библию подряд, огромная разница между Ветхим и Новым Заветами прямо-таки бросается в глаза. В Ветхом Завете я часто натыкаюсь на выражения сомнения и разочарования. Этой теме посвящены целиком книги Иеремии, Аввакума, Иова. Я уже говорил, что почти половина псалмов выдержаны в том же мрачном тоне. Поразительный контраст с этими книгами представляют собой евангелия и послания Нового Завета. Разумеется, проблема страдания не исчезла, она подробно обсуждается в посланиях Иакова (глава 1), к Римлянам (главы 5 и 8), 1 Петра, а также в Откровении. Однако здесь я уже не нахожу тот мучительный вопрос «Есть ли Богу дело до нас?», не обнаруживаю ничего, подобного раздирающему воплю Псалма 76:10: «Неужели Бог забыл миловать?»

Я вижу причину этой перемены в том, что для авторов посланий, свидетелей жизни Иисуса, Сам Иисус и был ответом. Иисус – лицо Бога. Каждому желающему понять, что Бог думает по поводу страдания, овладевшего нашей истерзанной планетой, требуется лишь взглянуть на Его лицо. Петр, Иаков, Иоанн были спутниками Иисуса, они запомнили, как менялось Его лицо, они видели, как Иисус сострадал женщине с кровотечением, горюющему сотнику, вдове, лишившейся единственного сына, припадочному, слепому. Они знали, что Бог разделяет наше страдание. Иисус не разрешил «проблему боли», Он исцелил лишь немногих людей в маленьком уголке земли, но Он ответил на вопрос, есть ли Богу дело до нас.

Мы знаем о трех случаях, когда сострадание Иисуса изливалось в слезах. Во-первых, Он плакал, когда узнал о смерти Своего друга Лазаря, и теперь я знаю, что чувствует Бог, когда умирают мои друзья и близкие.

Другой случай: Иисус оглянулся на Иерусалим и восскорбел, зная судьбу, ожидающую прославленный город. «Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел я собрать детей твоих, как курица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели!» (матфея 23:37). Образ курицы с цыплятами, должно быть, навеян воспоминаниями о сельской Галилее. После пожара в курятнике крестьянин находит обгоревшие тушки куриц, лежащие на полу с распростертыми крыльями. Он отбрасывает покерневшие тельца в сторону, и из-под них выбираются крохотные цыплята – мать спасла их от огня, пожертвовав собой. Вот к чему стремился Иисус: взять на Себя наказание, уготованное Ему народу.

И, наконец, мы читаем, что Иисус «с сильным воплем и со слезами принес молитвы и моления могущему спасти Его от смерти» (Евреям 5:7). Разумеется, Иисус не был избавлен от смерти. В Гефсиманском саду и на Голгофе мы наблюдаем потрясающие сцены. Говоря словами Мартина Лютера, «Бог борется с Богом». Вправе ли мы предположить, что Иисус тоже задавался вопросами, которые преследуют меня и почти всех людей: «Имею ли я значение в глазах Бога? Есть ли Богу дело до меня?». Как иначе понять прозвучавшую из Его уст строку Псалма 21: «Боже мой, Боже мой! зачем Ты меня оставил?»

Иисус реагировал на боль так же, как большинство людей. Он не твердил в саду: «Боже, я так благодарен Тебе за то, что ты избрал Меня для страдания, я с ликованием принимаю эту миссию!». Нет, в страхе, в скорби и одиночестве, в отчаянии он взывал: «Если только можно, пусть эта чаша пройдет мимо Меня». Лука, этот наблюдательный автор, отмечает: «И находясь в борении, прилежнее молился; и был пот Его, как капли крови, падающие на землю» (22:44).

Быть может, Иисус не даст нам того ответа на вопрос о боли, который мы хотели бы услышать, но зато мы узнаем, что таинственным и непостижимым образом Бог страдает вместе с нами. Иисус телесно, физически восстановил нашу веру мы больше не одиноки. Я могу быть уверен в том, что Бог вполне понимает мои страдания, и Бог печется обо мне, каким бы далеким Он ни казался в сию минуту. Каждый раз, когда сомнение одолевает меня, я всматриваюсь в лицо Иисуса и вижу милосердие и сострадание Бога, познавшего страдание.

Почему Бог не вмешивается?

Были в истории Израиля моменты, когда никому и на ум бы не пришел вопрос, почему Бог не вмешивается. Взять, к примеру, толпу, к которой Моисей обращается во Второзаконии: этим людям, выросшим в Синайской пустыне, ощущавшим присутствие Бога, предшествовавшего им в облачном столпе, знающим о чудесно дарованной воде и пище, должно быть, и в голову не приходил подобный вопрос. А если б они даже и заикнулись об этом, Моисей и немногие уцелевшие из старшего поколения тут же напомнили бы им о десяти казнях египетских, о разделении Черного моря и поражении мощного египетского войска.

Но оглянемся на события, непосредственно предшествующие описанным во Второзаконии, и увидим, что весь народ, включая Моисея, был полон сомнений. Четыре столетия они вопили к Богу о своей ужасной жизни в Египте. Четыре столетия! Представьте себе все события мировой истории от королевы Елизаветы, от тех времен, когда первые поселенцы еще не высаживались в Америке, до наших дней. «Народ избранный» сделался посмешищем для соседей, превратился в рабов, подвластных капризу фараона. Сколько раз евреи восклицали: «Где же Ты, Господи?!», покуда не явился Моисей!

Пророк Илия заставил умолкнуть все сомнения, устроив для поучения своих соплеменников чудо с возжиганием огня на горе Кармель, но и ему пришлось потом прятаться в пещере, недоумевая, когда же Господь поразит Ахава и его жестокую жену Иезавель. Другие пророки, в том числе столь чтимые нами Исаия и Иеремия, могли бы позавидовать Илии, который по крайней мере пережил час славы: в Библии нет ни одного упоминания о чудесах, совершенных этими «пророками слова». Другие пророки поплатились за все свои старания мученической смертью.

Последним в Ветхом Завете звучит голос Малахии. Его книга служит прелюдией к последовавшему почти четырехсотлетнему молчанию. С точки зрения израильтян, эти четыреста лет были периодом «обманутых ожиданий». Они вернулись на родину после вавилонского пленения, но теперь их страна превратилась в захолустную провинцию персидской (а затем греческой и римской) империи. Отстроенный заново храм лишь отдаленно напоминал архитектурное чудо Соломона. Великое будущее торжества и всеобщего мира, о котором говорили пророки, превратилось в призрачную мечту.

Среди евреев разрасталось разочарование, глухое недовольство Богом, прорывавшееся в жалобах и повседневном поведении. Они рассуждали примерно так: «Служить Господу – пустое дело. Что мы получили в награду за исполнение Его предписаний?». Этот вопрос тревожил евреев еще многие столетия после того, как Малахия и последние пророки давно умолкли. Люди не видели чудес, Бог не вмешивался в историю, они больше не слышали даже Его голоса. Неужто Бог забыл о милости и уши Его глухи к их жалобным воплям? Ветхий Завет завершается этой нотой разочарования, неисполнившихся надежд и ослабевшей веры.

Джек Майлс напоминает, что композиция еврейской Библии еще усиливает это чувство тоски и несбытий ожиданий. Наша Библия начинается Пятикнижием, далее следуют исторические книги, поэзия и пророки (последний раздел завершается книгой Малахии), но евреи распределяют эти книги иначе: после Пятикнижия (Торы) у них стоят пророки, книги которых перемежаются с историческими разделами: книга Иисуса Навина, Книга Судей, книги Царств, а затем различные «сочинения».

Последний раздел – сочинения – начинается с Псалтиря, продолжается Притчами, книгой Иова, Руфи, Екклесиаста, Есфири, Даниила, Ездры, Неемии и

Библия, которую читал Иисус filosoff.org завершается книгами Паралипоменона. Майлс полагает, что такая последовательность передает нарастающее ощущение отсутствия или молчания Бога. После длинного монолога в конце книги Иова голос Бога больше не прозвучит ни разу. Паралипоменон цитирует некоторые из прежних речей Бога, дословно приводя слова, сохранившиеся в других разделах Библии. В Песне Песней и книге Есфири Бог вообще не упоминается; другие книги говорят о Боге и включают молитвы к Нему, но после книги Иова Сам Бог не говорит ни разу. Годы, века ожидания. Лютер говорил, что голод лучше всех приправ. В конце Ветхого Завета, перед приходом Иисуса, мы уже умираем от истощения.

Мой друг-еврей иногда сопровождает экскурсии по Израилю. Довольно быстро он понял, что основной доход гиду приносят христиане евангелического вероисповедания, совершающие паломничество в Святую землю. Ему не хотелось вникать в подробности жизни Иисуса, поскольку родители запрещали ему даже упоминать Его имя. Но ему пришлось это сделать, и, когда на своей работе он познакомился с христианами, которые лучше него разбирались в древней истории Израиля, он был поражен таким сближением вер.

Он обнаружил: вполне консервативные христиане верят, что мировая история движется к некой кульминации, в которой центральная роль отведена Израилю. Его спутники рассуждали о Втором пришествии Иисуса, цитируя пророчества, которые мой приятель учил в хедере. Прислушиваясь к ним, он понял, что иудеи и христиане ждут одного и того же: Мессию, Князя мира, Который восстановит мир и справедливость на нашей ущербной планете. Христиане ждут Второго пришествия Мессии, иудеи все еще томятся по Первому. «Как было бы удивительно, если бы выяснилось, что мы все говорим об Одном и Том же Человеке», – сказал он мне как-то раз.

На вопрос, почему Бог бездействует, христиане и иудеи дают один и тот же ответ, но с одним существенным различием: евреи верят, что Бог еще вмешается в нашу историю, послав Мессию, а христиане верят, что Бог уже вмешался, послав Мессию, и вмешается вновь, послав Его во второй раз в силе и славе, а не в слабости и смирении.

Незавершенное дело

Однажды ночью, незадолго до Рождества, я слушал в Лондоне потрясающее исполнение «Мессии» Генделя. Я только утром прибыл в Англию, сразу же купил билеты в театр и, чтобы не уснуть, бродил по улицам Лондона, каждые два часа заходя в какое-нибудь заведение выпить кофе. Я не догадывался, что ждет меня вечером: этот концерт, предшествовавшая ему прогулка по городу, недосып, лишняя чашка кофе – все вместе подействовало на меня так, что я как бы перенесся в эпоху Генделя. Внезапно я перестал воспринимать представление как обычный концерт, это было уже потрясающее откровение всей христианской вести. Неведомым мне прежде образом я проникал в глубочайшие слои музыки, постигая самую душу этого произведения.

Лондон – театральная столица, и исполнители этой оратории не просто выпевали слова, они разыгрывали драму, прорывавшуюся в словах «Мессии». Откинувшись в кресле, прислушиваясь к знакомым ариям первого действия, я начал понимать, почему это произведение оказалось связано с приуготовлением к Рождеству, хотя изначально Гендель написал его для празднования Пасхи. Гендель опирался на пророчества Исаии о грядущем Царе, Который принесет мир и покой истерзанному насилием миру. Музыка поднималась от соло тенора («Утешься, народ мой») к полногласному хору, радостно приветствовавшему день, когда «откроется слава Господа».

Любой слушатель, даже совершенно не сведущий в музыке, мог почувствовать зловещие перемены в самом начале второй части. Гендель передает это мрачное настроение мощными звуками оркестра, выдержаными в минорном ключе. Вторая часть повествует о том, как принял Мессию мир, и трудно представить себе более трагическую историю. Главным образом Гендель использует здесь главы 52–53 книги пророка Исаии, это поразительно отчетливое предвестие, написанное за сотни лет до рождения Иисуса.

На миг все звуки стихают, и после этой драматической паузы вступает одинокое, без сопровождения, контратанго: «Он был пре-зрен... от-верг-нут». Певица произносила каждый слог с величайшим усилием, словно ей было тяжело даже вспоминать об этом. Скрипки печально вторили каждой музыкальной фразе.

Голгофа. История замерла. Радужные надежды, порожденные приходом долгожданного Избавителя Израиля, в ту страшную ночь померкли, казалось, навеки. Мессия, висевший, как чучело, между двумя разбойниками, мог вызвать в лучшем случае жалость, в худшем – насмешку. «Все, кто смотрел на Него, смеялись в поношение ему, – жалуется тенор и добавляет в самый мучительный момент творения Генделя: – Взгляните, есть ли скорбь, лютейшая скорби Еgo».

Но не все потеряно. Еще несколько мгновений – и тот же тенор, тот самый певец, который восклицал в отчаянии, внесет первую ноту надежды во вторую часть «Мессии»: «Но Ты не покинул душу Его в преисподней». И тут весь хор испускает радостный клич, ибо поражение на Голгофе – это лишь видимость поражения, и труп, висевший на кресте, не останется трупом. Воскреснет Царь славы.

«Аллилуя!» – восклицает хор, и музыка взмывает ввысь, звучит наиболее прославленная часть оратории Генделя. Немногим композиторам удавалось написать столь радостную песнь. Сам Гендель говорил, что в момент написания этого хора ему казалось, что он и впрямь видит перед собой небеса и Самого Господа. «Царь царей... Владыка владык... правь вовеки!» Гендель подчеркивает каждую фразу, чтобы она полностью раскрывала свое значение. Когда король Георг I услышал этот хор на лондонской премьере 1742 года, он поднялся на ноги в изумлении, и с тех пор публика, чтя традицию, повторяет его движение.

Некоторые скептики предполагают, что король Георг поднялся на ноги не столько из почтения, сколько вообразив по ошибке, что этим хором оратория завершается. И сегодня некоторые слушатели, впервые присутствующие на представлении, совершают ту же ошибку. Можно ли их за это упрекнуть? После двух часов представления музыка достигает кульминации в торжестве праздничного хора. Что еще сказать?

Прежде, до того вечера, я не задумывался над этим вопросом. Однако, заглянув в несколько строк либретто, напрягая горевшие от бессонницы глаза, я прочел то, чего недоставало и первой, и второй части «Мессии». В одном отношении мой друг, сопровождающий экскурсии по Израилю, был совершенно прав: Иисус из Назарета не осуществил то, что было обещано пророками. «Слава Богу в вышних, и на земле мир, и в людях благоволение», – восклицали ангелы, приветствуя рождение Иисуса. Но разве после прихода Иисуса мир и благоволение наполнили землю? Достаточно посетить Его родную страну, чтобы избавиться от этой иллюзии.

В ту ночь мы с женой летели в самолете над Полярным кругом, над льдами, которые сияли внизу, различимые при свете полярного дня даже с высоты в десять тысяч метров. Я знал, что недалеко от этих мест рыщут атомные подлодки, каждая из которых способна истребить сотни миллионов людей. Мы приземлились в Лондоне и купили газеты, сообщавшие о железнодорожной катастрофе и гибели пятидесяти одного пассажира. На той же неделе террорист взорвал над территорией Шотландии самолет компании «Pan-American» и погибло еще 270 человек. Неужели именно такой мир замыслил Господь в момент творения? Неужели ради такого мира совершилось Воплощение?

Вот почему произведение Генделя не могло закончиться торжествующим хором. Мессия явился во славе, и об этом гласит первая часть; Мессия умер и воскрес – этому посвящена вторая часть. Но почему же мир по-прежнему так плох? Третья часть оратории пытается ответить на этот вопрос. От тем Вифлеема и Голгофы музыка переносит нас к наиболее мессианскому из всех образов Иисуса: Иисус – Царь. Воплощение – это не конец истории, это только начало конца. Потребуется еще немало труда для того, чтобы творение вернулось к изначальному замыслу.

Великолепное решение: третья часть «Мессии» начинается словами Иова, этого трагического персонажа, который упорно цеплялся за свою веру, хотя все внешние обстоятельства подталкивали его к беспросветному отчаянию. «Знаю: Искупитель мой жив и грядет на землю», – выпевает сопрано. Иов, сокрушенный личной трагедией, не располагая доказательствами в пользу существования верховного Бога, сумел все-таки сохранить веру. И Гендель требует того же от нас.

Отсюда третья часть «Мессии» переходит к размышлениям апостола Павла о смерти Иисуса и к его словам об окончательном воскресении: «Зазвучит труба,

Библия, которую читал Иисус filosoff.org и мертвые поднимутся». Смерть Христа и Его телесное воскресение означают поражение зла и предвещают то, что однажды произойдет с Его верными последователями. Бог вмешался в нашу историю, присоединившись к нам на земле, и вмешается в нее вновь, возвратившись в силе и славе, чтобы восстановить первоначальный замысел творения.

Трагедия Страстной пятницы превращается в триумф Воскресения, и точно так же преобразятся когда-нибудь все войны, насилие, несправедливость, горе. Тогда и только тогда мы сможем сказать: «Смерть, где жало твое? Ад, где твоя победа?». Только тогда будет дан ответ на мучительные вопросы Ветхого Завета. Имеем ли мы значение в глазах Бога? Печется ли Бог о нас? Мы станем жить в вере, понимая, что на эти вопросы не будет дано окончательного ответа вплоть до того дня, когда Бог явится нам вновь, во Втором пришествии Иисуса.

Авторы Ветхого Завета оглядывались назад, на Бога, заключившего с народом завет и столь часто подтверждавшего Свою любовь к людям; они глядели и вперед, ожидая того времени, когда Бог пошлет Избавителя. Мы, их наследники, обладаем тем же двойным зрением. Мы вспоминаем Первое пришествие Иисуса и видим в нем неопровергнутое доказательство того, что Бог печется о нас; и мы тоже смотрим вперед, ожидая, когда Создатель закончит Свой труд и пророчества исполняются до конца.

Шедевр Генделя завершается сценой вне времени. Композитор мог выбрать главу 2 Откровения, чтобы показать вечного Христа с лицом, подобным солнцу, и глазами, подобными пламени, однако текст завершается сценой из глав 4–5 Откровения – самым ярким образом из книги, полной удивительных образов. Этот текст предвещает финал истории.

Двадцать четыре старца присутствуют на собрании вместе с четырьмя существами, символизирующими птиц, домашних и диких животных и человека, – все, что есть лучшего в творении. Эти существа и правители почтительно преклоняются перед престолом, сверкающим молниями и переливающимся радугой. Ангел спрашивает, кто достоин сломать печать, чтобы развернуть свиток времен? Кто достоин таким образом завершить историю? На это не способны ни существа, ни старцы. Автор подчеркивает значимость происходящего: «И я много плакал о том, что никого не нашлось достойного раскрыть и читать сию книгу, и даже посмотреть в нее» (5:4).

Рядом с правителями и прекрасными созданиями, неспособными совершить столь великое дело, перед блистающим престолом стоит еще одно существо, на первый взгляд вроде бы и неприметное. Но лишь в Нем – единственная надежда земной истории. «И я взглянул, и вот, посреди престола и четырех животных и посреди старцев стоял Агнец как бы закланный». Ягненок, беспомощный ягненок, к тому же убитый! Но в Откровении Иоанна и в «Мессии» Генделя вся мировая история сосредоточивается в этом таинственном образе. Господь сделался младенцем, Господь стал агнцем жертвенным, Господь, принявший наше бремя и умерший человеческой смертью, – только Господь достоин сломать печать. На этом звуке Гендель завершает ораторию. Хор поет славу Агнцу, повторяя многократно: «Аминь! Аминь!»

«Аминь» Вестминстерского хора все еще звучало в моих ушах, когда я вышел в большой холл, огляделся по сторонам и спросил себя: «Какая часть из высокообразованных жителей Лондона, ныне столь усердно аплодирующих опере, понимает ее значение? Многие ли из них разделяют эту веру?». Они могли скорее всего принять первую и вторую часть «Мессии»: в стране, бывшей некогда христианской, трудно отрицать факты рождения и смерти Иисуса. Но третья часть – вот камень преткновения. Мы сидели в современном концертном зале, в здании из кирпича и дуба, мы живем в конце XX века и принадлежим к материалистической цивилизации, бесконечно далекой от той, что породила образ закланного Агнца. Однако Гендель понимал, что история и цивилизация – лишь маска, видимость. Меняется аудитория, сменяются культуры и цивилизации, исторический опыт убеждает: ничто, созданное рукой человека, не пребудет вовеки. Нам нужно что-то большее, чем история, что-то, выходящее за пределы истории. Нам нужен Агнец, закланный до начала времен.

Признаюсь, что вера в невидимый мир, мир, находящийся за пределами известного нам, далась мне нелегко. Как и многие современники, я порой думал, не ограничена ли реальность материей, жизнь – смертью, история – всеобщим уничтожением или смертью Солнца. Однако в тот вечер я не испытывал сомнений.

Смена часовых поясов и усталость от перелета привели меня в состояние, подобное экстазу или трансу. На миг сложный узор, сотканный Генделем, показался мне гораздо более реальным, чем весь мой повседневный мир. Я заглянул в тайны космической истории. Средоточие ее – Мессия, пришедший нас спасти, умерший ради осуществления этой миссии, купивший ценой Своей смерти спасение мира. В тот день я укрепился в вере, что Он – и мы в Нем – будет царить во веки веков. И тогда вопросы, терзавшие авторов Ветхого Завета и поньне преследующие нас, сделались отдаленным воспоминанием, наивным «детским» вопросом.

Примечания

1 «Arc» – по-английски «ковчег» (прим. пер.).

2 Томас Торранс («Посредничество Христа») предполагает, что источником антисемитизма мог стать конфликт Израиля с Богом, двойственная природа его отношений с Богом, отражающая и нашу любовь, и ненависть. Вместо того чтобы направлять свой протест непосредственно к Богу, мы обрушиваем свое возмущение на евреев, избранный Богом народ, «в то время как мы вовлечены в подлинный конфликт с взыскающим светом, отразившимся в Израиле, мы направляем свою горечь и возмущение на сам Израиль. В этом, я полагаю, изначальная причина антисемитизма. Однако возникновение и проявление антисемитизма всегда служат верным признаком того, что люди находятся в ссоре с Богом, причем это тот самый конфликт, который оставил свои шрамы на Израиле. Никакой другой народ не входил в столь глубокие, интенсивные и противоречивые отношения с Богом, как Израиль».

3 До недавних пор католический священник, исполняя службу по бревиарию, повторял все псалмы за неделю. Англиканской литургии для этого требуется месяц. Историк Пол Джонсон назвал Псалтирь одной из главных скреп христианской истории: бенедиктинцы и пуритане, Лютер и иезуиты, Уэсли, кардинал Ньюмен и Кальвин – все эти столь разные люди любили и постоянно твердили псалмы.

4 В русском переводе – «луку», в переводе Лютера – «песне лука».

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!